

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука», Москва

№ 2, 1973 март—апрель

В номере:

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О РОДНОМ СЛОВЕ

Островский о языке — Современники об Островском	3
Демьян Бедный. Мой стих	47

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 150-летию со дня рождения А. Н. Островского

А. И. Ревякин. Новатор русской драматургии	4
А. И. Журавлева. Образ, язык, действие	12
Л. Н. Кузнецова. Островский у вахтанговцев	22
Мой Островский (На вопросы «Русской речи» отвечают актеры Малого театра Е. М. Шатрова, Н. В. Ильинский, А. И. Смирнов).	26
Н. Г. Михайловская. Образ, прошедший через столетия	36
В. С. Ильин. Изображение идей	41
Ф. Г. Бирюков, Метко... едко... (О Демьяне Бедном)	48

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Д. С. Лихачев. О словарях и словарниках	60
И. Т. Сергеев. Даль и академическая лексикография	65
С. И. Зинин. Даль о языке офеней	68
В. П. Трофименко. Из истории изучения русской разговорной речи	71
В. Н. Хохлачева. Мир родной речи	77
А. А. Брагина. Космический — звездный	79

ЯЗЫК ГАЗЕТЫ

- В. С. Филиппов. Язык спортивных отчетов . . . 82
Н. В. Соловьев. Об одном газетном штампе . . . 85
-

ГРАММАТИКА

- А. В. Дудников. Синтаксические омонимы . . . 88
-

ШКОЛА

- К. В. Горшкова. Научные сведения о родном языке в школе . . . 94
Э. П. Короткова. Дошкольник учится придумывать . . . 100
В. В. Одинцов. Лабиринт . . . 104
-

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

- Г. В. Маркелов. Древлехранилище Пушкинского дома . . . 113
И. А. Василевская. Из истории русской лексикографии . . . 120
-

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

- М. В. Ионина. Синтаксический разбор . . . 127
-

ХРОНИКА

- В. Я. Дерягин. К съезду славистов в Варшаве . . . 134
-

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

- И. А. Попов. «Стяг» в русских говорах . . . 137
Ю. Ф. Хаустова. Базар и рынок . . . 145
В. М. Мокшенок. Сорок бочек арестантов . . . 149
-

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»142, 144, 155

---

*На обложке: памятник А. Н. Островскому в Москве
Гравюра Ю. Космынина*

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ
О РОДНОМ СЛОВЕ

ОСТРОВСКИЙ О ЯЗЫКЕ — СОВРЕМЕННОКИ ОБ ОСТРОВСКОМ

Он... завещал каждому быть самим собой, он дал всякой оригинальности смелость, дал смелость русскому писателю быть русским.

А. Н. Островский. Застольное слово о Пушкине. 1880

Цель наша издавать то, что доступно, понятно, нужно всем, а не маленькому кружку людей... Из всех русских писателей ни один не подходит ближе тебя к этим требованиям, а потому мы просим тебя разрешить печатание твоих сочинений в нашем издании и писать для этого издания... Я по опыту знаю, как читаются, слушаются и запоминаются твои вещи народом и потому мне хотелось бы содействовать тому, чтобы ты стал теперь поскорее в действительности тем, что ты есть несомненно, — общепризнанным в самом широком смысле писателем.

Лев Толстой. Письмо А. Н. Островскому. 1886

(Продолжение на страницах 6, 7, 20, 21, 34, 35)

К 150-летию
со дня рождения
А. Н. Островского

НОВАТОР РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Белинский с гордостью писал о «Горе от ума» Грибоедова, «Борисе Годунове» Пушкина, «Ревизоре» Гоголя и о некоторых других произведениях русского драматического искусства, «которые сделали бы честь всякой европейской литературе».

Но эти пьесы составляли исключение в чрезвычайно бедном репертуаре русского театра 30—40-х годов XIX века. Сцену заполнили пустые водевили и риторические мелодрамы, большей частью плохо переведенные и переделанные с французского. По характеристике Белинского, остроты этих водевилей «тяжелы, каламбуры вытянуты за уши»; изображаемая в мелодрамах жизнь «также похожа на русское общество, как и на арабское». Критик принужден был в 1841 году признать, что «у нас нет драматической литературы» (Русский театр в Петербурге).

Прошло шесть лет, и И. С. Тургенев в статье, посвященной анализу трагедии Н. В. Кукольника «Генерал-поручик Паткуль», в полном согласии с Белинским подтвердил: «У нас нет еще драматической литературы и нет еще драматических писателей».

Выражая желание и мечты прогрессивных зрителей, любителей театра, Гоголь, Белинский и другие литературные деятели призывали драматургов к созданию оригинальных пьес, правдиво рисующих отечественные характеры, русскую действительность.

Негодую на засилье в театре водевиля и мелодрамы, Гоголь в 1836 году спрашивал: «Где же жизнь наша? Где мы со всеми современными страстями и страпностями?». Он просил: «Ради бога, дайте нам русских характеров, нас самих дайте нам, наших плутов,

ЯЗЫК
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

дайте нам русских характеров, нас
самих дайте нам, наших плутов,

наших чудаков! На сцену их, на смех всем!» (Петербургские записки 1831 года). А Белинский требовал: «вседневной... пищею сцены должны быть произведения... полные живых интересов современности».

Ответом на давнишние желания и мечты прогрессивных зрителей и явилась драматургия А. Н. Островского. Островский выступил на драматическом поприще как сторонник Белинского, яркий представитель «натуральной школы». Именно в духе этой школы написаны его первые пьесы — «Картина семейного счастья», «Свои люди — сочтемся» и «Бедная невеста». На протяжении творческого пути у него были колебания. Он испытал частичное влияние славянофильства (Не в свои сани не садись; Бедность не порок; Не так живи, как хочется). В некоторых его пьесах последних лет наметилась тенденция поправления, сказавшаяся в подмене четких социальных характеристик абстрактно-морализаторскими (Сердце не камень; Не от мира сего) и в появлении религиозных мотивов («Воевода», вторая редакция). Но при всех колебаниях драматург в основе своих убеждений оставался демократическим просветителем, проникнутым горячей враждой к крепостничеству и его остаткам, борцом за просвещение народа.

Продолжая лучшие традиции западноевропейской и отечественной драматургии, Островский пьесам интриги и положений, чуждым жизни и правде, занятым сюжетно-композиционными хитросплетениями, противопоставил драматургию социальных характеров и прав. Он решительно повернул русскую драматургию и сцену к действительности, к правде, к реализму.

Если предшествующая драматургия сосредоточивала основное внимание на привилегированных сословиях, на дворянстве и бюрократии, то Островский расширил границы тематики. Отражая процесс жизни, пьесы Островского по преимуществу показывают противоречия между имущими и неимущими, угнетателями, хозяевами тогдашней жизни, и зависимыми от них простыми людьми, интеллигентными тружениками. Так строятся пьесы «Доходное место», «Гроза», «Горячее сердце», «Лес», «Правда — хорошо, а счастье лучше», «Таланты и поклонники».

Демократизируя тематику драматургии, Островский не только ввел в свои пьесы людей труда и нужды, более или менее тесно связанных с народом, но и поставил их в центр пьес как положительных героев. Таковы, например, учителя Иванов (В чужом пиру похмелье) и Корпелов (Трудовой хлеб), часовщик-самоучка Кулигин (Гроза), меццанин Аристарх (Горячее сердце), бухгалтер Платон Зыбкин (Правда — хорошо, а счастье лучше), артисты Несчастливцев (Лес) и Кручинина (Без вины виноватые), в той или иной мере рвущие со своей средой — купеческой, как Катерина Кабанова (Гроза), дворянской, как Лариса Огудалова (Бесприданница), бюрократической, как Жадов (Доходное место).

Жертвы произвола и насилия изображались и предшествующими драматургами, но именно в пьесах Островского эти жертвы выражают недовольство существующими общественными отношения-

Почему язык хорош? Потому что это творение, а не сочинение.

А. Н. Островский. Опыт волжского словаря

Пьесу «Не все коту масленица» я кончил... Это скорее этюд, чем пьеса; в ней нет никаких сценических эффектов, эта вещь писана для знатоков, тут главное — московский быт и купеческий язык, доведенный до точности.

А. Н. Островский. Из письма Ф. А. Бурдину. 17 апреля 1871

Я над «Дикаркой» работал все лето, а думал два года, и у меня не только ни одного характера или положения, но нет и ни одной фразы, которая бы строго не вытекала из идеи.

А. Н. Островский. Письмо Н. Я. Соловьеву. 11 октября 1870

ми, сознательно или непосредственно, стихийно, протестуют против них, защищают свое человеческое достоинство.

Не видя другого выхода, охраняя свое человеческое достоинство, не примиряясь с окружающим ее бытовым деспотизмом, Катерина идет на смерть (Гроза). Отстаивая свою девичью волю, Параша кричит мачехе: «Все, все отнимите у меня, а волю я не отдам... На пож пойду за нее!» (Горячее сердце). На оскорбительные слова купчихи Барабошевой «Ну, что ты за человек на белом свете?» служащий в ее фирме бухгалтер Платон Зыбкин смело произносит: «Ничем я не хуже вас», а ее сына уличает в подлости и считает мерзавцем (Правда — хорошо, а счастье лучше). Бедняк Мелузов, ждущий учительского места, не скрывая враждебности к нравственно выхолощенному бюрократу Бакину, обвиняет его в развращении людей. Отказываясь от дуэли с ним, он говорит: «Я свое дело буду делать до конца. А если я перестану учить, перестану верить в возможность улучшить людей, или малодушно погружусь в бездействие и махну рукой на все, тогда покупайте мне пистолет, спасибо скажу» (Таланты и поклонники).

Островский рисует жертвы социально-бытового и — шире — общественного произвола с глубоким, открытым сочувствием; он явно восхищается их протестом против царившей несправедливости. И одновременно им сатирически обличаются хозяева тогдашней жизни — экономически и морально оскудевавшее дворянство (Вос-

---

Здесь, на чужой земле, мне все русское еще более близко стало и дорого; — а ни в одном из наших писателей русский дух не веет с такой силой, не играет так, как в Вас.

И. С. Тургенев. Письмо А. Н. Островскому. 7 ноября 1856. Париж

Любезнейший В. П., посылаю тебе под бандеролью полученного мною же сегодня же (и прочтенного) Минина... написанный превосходнейшим языком... Язык — образцовый. Эдак у нас еще не писали.

И. С. Тургенев. Из письма В. П. Боткину. 10 марта 1862. Париж

А «Воевода» Островского меня привел в умиление. Эдаким славным, вкусным, чистым русским языком никто не писал до него!.. Какая местами пахучая, как наша русская роща летом, поэзия! Хоть бы в удивительной сцене «Домового». Ах, мастер, мастер этот бородач! Ему и книги в руки. Вот уж у него нет «изыскания мелкой букашки», «de la petite bête», как говорят французы.

И. С. Тургенев. Письмо И. П. Борису. 16 марта 1865

питанница; На всякого мудреца довольно простоты; Лес; Волки и овцы), идущая на смену ему хищно-эгоистическая торгово-промышленная буржуазия (Свои люди — сочтемся; Гроза; Горячее сердце; Бесприданница) и погрязшая в казнокрадстве и взяточничестве бюрократия (Доходное место; Богатые невесты; Без вины виноватые).

А. Н. Островский — новатор драматургии не только по ее тематике, демократическому содержанию, но и по форме. Ломая традиционные видовые формы драматургии, он создает, по меткому определению Добролюбова, «пьесы жизни». Глубокая жизненность пьес Островского, их верность действительности сказывается во всей их структуре, но особенно в речевом выражении действующих лиц.

Драматург очень рано проявил повышенный интерес к живому слову. С. В. Максимов вспоминает: «Родную речь он любил до обожания, и ничем нельзя было больше порадовать его, как сообщением нового слова или неслыханного им такого выражения, в которых рисовался новый порядок живых образов или за которыми скрывался неизвестный цикл новых идей» («А. Н. Островский в воспоминаниях современников». М., 1966).

Островским был задуман словарь живого русского языка, для которого он, начиная с 1856 года, собирал слова, пользуясь помощью друзей и членов семьи. К. В. Загорский вспоминает: «Когда дети и Марья Васильевна бывали на прогулках и, возвращаясь, сообщали ему какое-нибудь слово или фразу, слышанную в городе, он тотчас записывал ее». Словарь, задуманный Островским, не был завершен, но постоянная работа над ним неопределимо обогащала его творческие возможности.

Будучи глубоким знатоком живого русского языка, драматург использовал все его ресурсы — лексические, морфологические, фонетические, фразеологические, синтаксические для обрисовки социально-типической и в то же время индивидуальной сущности действующих лиц.

Речевая верность — гербовая печать драматургии Островского. 17 апреля 1871 года, извещая артиста Ф. А. Бурдина о завершении им комедии «Не все коту масленица», он отметил: «...эта вещь писана для знатоков, тут главное — московский быт и купеческий язык, доведенный до точки».

Но будучи, по выражению Б. Н. Алмазова, «математически верным», язык действующих лиц пьес Островского никогда не становился натуралистическим. Речевое своеобразие персонажей пьес создателя «Грозы» и «Бесприданницы» — результат глубокого, искусного обобщения и в ряде случаев той или иной степени стилизации. Его речевое мастерство — виртуозно. Это он говорит

словами царя Берендея: «Любезна мне игра ума и слова» (Снегурочка).

Сценически оживляя развитие действия, Островский пользуется иногда оригинальным, необычным словом и выражением своих персонажей, но при этом всегда обусловленными их характерами, их положением в обществе. Так, например, Липочка Большова, упрекая мать в отказе сватавшему ее жениху, произносит: «Чем не бесподобная партия? Чем не капридон? Что вы нашли в нем легковерного?» (Свои люди — сочтемся). Сваха Красавина, рассказывая о любовных похождениях Балзаминова, говорит: «Он-то ходит под окнами манирует, а она ему из второго этажа пленирует» (Праздничный сон — до обеда). Эти фразы эффектны, сценичны, но они органичны Липочке и Красавиной, невежественным и при всем том желающим свою образованность показать.

Глубокое знание Островским родной речи, мастерское ее использование было признано всей прогрессивной общественностью с самого начала его творческого пути. Так, Н. А. Некрасов в статье о драме «Не так живи, как хочется» писал: «Не говорим уже о верности языка, — русский склад и в жизни и в речи дан г. Островскому более, чем кому-либо из современных писателей; он обладает им спокойно и вполне, и от всех его лиц действительно веет русским духом». Н. А. Добролюбов, обобщая предшествовавшие ему высказывания критики, сказал: «...всеми замечена (хотя и не всеми отдана ей должная справедливость) меткость и верность народного языка в комедиях Островского» (Темное царство). И. С. Тургенев называл язык «Козьмы Минина» образцовым, превосходнейшим, каким «у нас еще не писали». По поводу «Воеводы» он заметил: «Эдаким славным, вкусным, чистым русским языком никто не писал до него!». Посмотрев в 1893 году спектакль «Горячее сердце» в Александринском театре, П. И. Чайковский с восхищением сказал: «А у Островского, что ни слово, то на вес золота!». Л. Н. Толстой признавал за драматургом «совершенное знание языка действующих лиц». М. Горький видел в нем «знатока» и «чародея языка».

С самого начала творческого пути Островский выступил не узким бытовиком, а создателем социальных типов глубокого и широкого обобщения, превращая драматургию и театр в школу общественных нравов. В связи с выходом своей первой крупной пьесы «Свои люди — сочтемся» Островский писал: «Мне хотелось, чтоб именем Подхалюзина публика клеймила порок точно так же, как клеймит она именем Гарпогена, Тартюфа, Недоросля, Хлестакова и других». Благодаря широте обобщения многие его персонажи приобрели нарицательность, например Тит Титыч Бру-

сков (В чужом пиру похмелье), Глумов (На всякого мудреца довольно простоты), Хлынов (Горячее сердце).

Враждебный натурализм, Островский обогащает свой реализм романтикой (Снегурочка) и обращается к условным средствам шаржа и гротеска (образ Крутицкого в комедии «На всякого мудреца довольно простоты», образы Курослепова, Хлынова, Градобоева в комедии «Горячее сердце»).

Островский был подвижником труда. Преодолевая цензурные теснения, материальные затруднения, преследовавшие его всю жизнь, враждебное отношение дирекции императорских театров, он создал 47 оригинальных пьес, кроме вторых редакций «Козьмы Минина» и «Воеводы». 7 пьес им написаны в сотрудничестве с С. А. Геденовым, И. Я. Соловьевым и П. М. Невежиным. Знакомя соотечественников с лучшими иностранными драматургами, он перевел 22 пьесы с английского, итальянского, французского и испанского языков. Им переведена также драма классика украинской литературы Г. Ф. Квитки-Основьяненко — «Щира любовь» («Искренняя любовь, или милый дороже счастья»). Это целый народный театр!

Н. А. Некрасов превосходно определил огромные душевные силы Островского, обращаясь к нему в 1867 году со словами: «Вы наш богатырь, и я знаю и верю, что вы еще нам покажете великую силу».

О роли Островского в развитии отечественной драмы и сцены прекрасно сказал И. А. Гончаров. Поздравляя его в 1882 году с тридцатипятилетием театрально-драматической деятельности, он писал: «Литературе Вы принесли в дар целую библиотеку художественных произведений, для сцены создали особый мир. Вы один достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: „У нас есть свой русский, национальный театр“. Он, по справедливости, должен называться „Театром Островского“».

В том же приветственном письме Гончаров, называя Островского «бессмертным творцом бесконечного строя поэтических созданий», утверждал, что драматург «совершил все, что подобало свершить великому таланту. Дальше, кажется, идти нельзя и некуда!».

Но Островский не ограничился созданием драматических пьес. Он проявил себя и общественным деятелем крупного масштаба. Стремясь поднять культуру, нравственный облик актеров, драматург вместе с В. Ф. Одоевским и П. М. Садовским организовал Московский артистический кружок (1865). Этот кружок на многие годы стал притягательным центром московской интеллигенции. Кружок оказывал артистам и материальную помощь.

Поставив своей целью улучшение материального положения, повышение идейного и профессионального уровня отечественных драматургов, Островский и В. И. Родиславский стали инициаторами учреждения Общества русских драматических писателей и композиторов (1874). Бесспорным председателем этого общества, сыгравшего огромную роль в развитии драматического искусства, Островский оставался до самой кончины.

Борясь за коренное преобразование сценического искусства, драматург в 1881—1882 годах принимает активное участие в комиссии по реформе императорских театров, в 1886 году становится начальником репертуара московских императорских театров. Большое и постоянное внимание Островский уделял начинающим драматургам, читая их пьесы. Повернув драматургию и театр к действительности, к правде, к реализму, превращая их в школу общественных нравов, Островский обозначил собою новую эпоху в развитии отечественной драматургии и сцены.

И. Ф. Горбунов так вспоминает первую постановку пьесы Островского в театре: «С появлением на сцене комедии Островского „Не в свои сани не садись“ на московской сцене начинается новая эра. Я был на первом представлении этой комедии. Она была дана в бенефис Косицкой. Взвился занавес, и со сцены послышались новые слова, новый язык, до того неслыханный со сцены, появились живые люди из замкнутого купеческого мира, люди, на которых или плевал с высоты своего невежества петербургский драматург Григорьев „с товарищи“, заставляя их говорить несуществующим, сочиненным, дурацким языком,—или изображал их такими приторными патриотами, что тошно было смотреть на них».

Трудно переоценить влияние Островского на отечественную драму и сцену. На его ролях реалистически крепили и воспитывались артисты, начиная с П. М. Садовского, А. Е. Мартынова, Л. П. Косицкой. У него учились драматическому искусству А. Ф. Писемский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов и М. Горький. Его теоретические положения о театральном деле продолжают и осуществляются в советском театре, в частности и в особенности в системе Станиславского. Вот почему В. И. Ленин в 1918 году в беседе с П. И. Лебедевым-Полянским о переиздании классиков напомнил: «Не забудьте Островского!».

Народностью, общечеловечностью своих идейно-нравственных принципов драматургия Островского сохраняет актуальность и в наши дни. Она драгоценна для нас и объективно-познавательными свойствами и защитой добра, справедливости, человечности.

А. И. РЕВЯКИН

Рисунок Ю. Космынина

Безупречное владение словом — свойство, присущее всякому большому писателю. Немало есть великих художников, у которых мы как бы не замечаем этого качества, как не замечаем воздуха, пока его нам хватает. Островский — писатель другого типа. Его языковое мастерство сразу заметно. Оно не просто и не только необходимое средство, но нередко становится и элементом содержания в пьесах. О некоторых из этих своеобразных функций слова в творчестве великого драматурга и пойдет речь в этих заметках.

«Милостивые государи и государыни! Спешу поделиться с вами моим открытием. 1847 года, апреля 1 дня, я нашел рукопись. Рукопись эта проливает свет на страну, никому до сего времени в подробности неизвестную и никем еще из путешественников не описанную. До сих пор известно было только положение и имя этой страны; что же касается до обитателей ее, то есть образ жизни их, язык, нравы, обычаи, степень образованности, — все это было покрыто мраком неизвестности.

Страна эта, по официальным известиям, лежит прямо напротив Кремля, по ту сторону Москвы-реки, отчего, вероятно, и называется Замосковоречье».

Так начиналось одно из первых появившихся в печати произведений А. Н. Островского — очерк «Записки замосковоречьского жителя». Открытие для искусства новых областей жизни, дотоле ему неизвестных, почти научное описание и анализ, достоверное свидетельство о быте, нравах, занятиях и обычаях разных слоев русского населения — характернейшая черта «тоголевского на-

ОБРАЗ, ЯЗЫК, ДЕЙСТВИЕ

правления» в литературе, получившего название «натуральная школа». Раннее творчество Островского тесно связано с художественными принципами этой школы.

В 1849 году Островский заканчивает комедию «Свои люди — сочтемся», в которой продолжает и углубляет «открытие страны Замоскворечье». Один из важнейших аспектов такого открытия, по Островскому, создание языкового облика, характерного для человека данной социальной среды.

В комедии «Свои люди — сочтемся» есть вполне четко выраженный конфликт, интрига. (Но, строго говоря, девять явлений первого акта с интригой не связаны.) Есть и персонажи, имеющие к интриге косвенное отношение и даже не имеющие его вовсе. Это прежде всего сваха и Тышка. И все-таки они совершенно необходимы в пьесе! В воркотне пани, в перебранках матери и дочери, в этих разговорах о тряпках, о женихах, в блестящих, алогичных и вместе творческих речах свахи, которая как «вылепит слово», так и живет оно, — во всем этом ярко и живо выступает быт среды. «Люблю разговор рассыпать», — сказал о себе один из героев Островского. И в комедиях Островского, особенно «купеческих», всегда дана героям щедрая возможность «разговор рассыпать».

Такие места пьесы не двигают вперед интригу, действие, но они связаны между собой и с основной линией пьесы очень крепко и потому интересны и сценичны. Язык, речь, способ думать, который в этих речах выражается, так важен писателю и интересен ему, что зритель с первых же слов с увлечением следит за

всеми поворотами и неожиданными ходами казалось бы пустой болтовни. И тут, с иной точки зрения, косноязычные купчихи, не говоря уже о свахе, оказываются и живыми, и сообразительными, и неожиданными. Чего стоит одна реплика Липочки: «Что, Вам угодно спровадить меня на тот свет прежде времени, извести своими капризами? (плачет). Что ж,— пожалуй, я уж и так, как муха какая, кашляю!». А замечательное причитание матери после того, как Липочка просватана, недаром всегда приводят как пример органического вплетения фольклорных элементов в художественную ткань произведения.

Таким образом, диалог в комедии служит не только обычным для драматургии средством движения фабулы, но имеет и правоописательное значение.

В пьесе есть и чисто повествовательные мотивы, обычно не характерные для комедии: это очерк-биография типичного купца. Но дан этот очерк весьма своеобразно. О прошлом Большова только реплика — торговал с лотка. В то время это копеечное дело. Такими копеечными делами в пьесе занимается Тишка, он копит чаевые, выигрывает в стуколку, подбирает забытые рубли — первая ступень, начало купеческого капитала. Вторая ступень — приказчик Подхалюзин, сперва поворовывающий у хозяина, потом получающий руку хозяйской дочки. Третья ступень — сам Большов, уже с капиталом, уже «большой», но на протяжении пьесы стремящийся мошенническим путем подняться еще выше. Злостное банкротство Большова и жульничество Подхалюзина завершают биографию, — достигнута высшая в пьесе точка.

Эти три ступени, три биографии Островский умело увязывает между собой, не давая им рассыпаться. Для этого служит прием словесно-смыслового мотива. Так, например, первое действие заканчивается словами Подхалюзина: «Как жимши у вас с малолетства и видимши все ваши благодеяния; можно сказать, мальчишкой взят-с лавки подметать, следовательно должен я чувствовать». А второе действие открывается ремаркой: «Тишка (со щеткой на авансцене): Эх, житье, житье! Вот чем свет тут, ты полы мети!». И дальше идет его монолог о жизни в мальчишках, сцена с зеркалом, разговор с Подхалюзинным. Прямого повторения слов Подхалюзина — «мальчишкой взят-с лавки подметать» — нет. Но зато следует сцена, которая эту фразу иронически комментирует действием. Прием, напоминающий известную детскую игру: «Где мы были, мы не скажем, а что делали покажем».

В творческом наследии Островского сосуществуют две группы пьес, различных по стилю. Интерес к национально-самобытному в современной жизни (с сильными и слабыми, светлыми и страшными сторонами этой самобытности) преобладает в первые полтора десятилетия творческого пути Островского. Это преимущественно «купецкие» пьесы. Язык, быт, характеры в них предстают в высшей степени художественно завершенными, внутренне уравновешенными и законченными. С этого Островский починает. Постепенно охват жизни делается более широким,

разнообразным. В поздних пьесах Островского объектом художественного анализа делается уже бесцветный быт «цивилизованной» буржуазии, воспринимающей дворянский уклад жизни. Как ни далеко разошлись эти два типа пьес по внешним признакам, все же они не разобщены у Островского абсолютно. Дело в том, что в ранних пьесах у Островского выработался определенный критерий оценки персонажей, который можно назвать «речевым». Яркость, характерность, речевая естественность персонажа становится важной меркой его житейской основательности и естественности, а бесхарактерная, бесцветная речь или речь-цитата, личина — всегда признак, что с героем что-то неблагополучно. А точкой отсчета, образцом такой характерности и яркости для Островского навсегда остается национально-самобытная характерность, отраженная в его ранних пьесах.

Проблема речи, проблема внешней характерности поведения героя у Островского никогда не бывает внешней, она всегда значима. Колоритности как таковой, бойких слуг-героев, вставных интермедий драматургия Островского не знает. Сочность и выразительность речи какого-то персонажа, как бы мало он ни значил в фабуле, всегда превращается в своего рода единицу измерения, которой поневоле приходится мерить поведение и значение всех персонажей, вообще действие всей пьесы. Очень заметно это, например, в «Бесприданнице». Пьеса начинается с разговора слуг в кофейной. Неверно было бы сводить значение этой сцены к тому, что здесь дана предварительная характеристика обычаев города Бряхимова и сведения об особенностях поведения

двух главных претендентов на Ларису — Кнурова и Божеватова. Не только это важно. Умная, живая, ироничная беседа подобна звуку камертона. Она создает фон, на котором зритель независимо от своего желания воспринимает и оценивает речь других действующих лиц.

Каждый из героев, борющихся за Ларису, хорош он или дурен, но — на своем месте, верен себе во всех деталях облика — от жеста до слова. Один Карандышев здесь исключение. Фальшивое положение — вот нерв этой роли. Это сказывается и в действии — он все время попадает впросак и дает окружающим повод к насмешкам — и особенно ярко в его речевом поведении. Конечно, исходная причина здесь ясна: Карандышев на самом деле не то, чем он хочет казаться. Он — мелкий чиновник с мещанскими замашками, а уверяет всех (в том числе себя самого), что он — человек образованный, высоко нравственный и аристократичный. Приняв на себя чужую, непосильную ему роль, Карандышев постоянно сбивается и путается в тоне, не может, как говорят актеры, «попасть в образ». То произносит декларацию, обличающую богатых бездельников и прожигателей жизни, заставляя вспомнить честную трудовую гордость разночинцев; то вдруг в разговоре с Паратовым внезапно впадает в аристократический тон и с презрением отзывается о бурлаках:

О г у д а л о в а. Ах, проказник! Откуда вы столько пословиц знаете?

П а р а т о в. С бурлаками водился, тетенька, так русскому языку выучиться.

К а р а н д ы ш е в. У бурлаков учиться русскому языку?

П а р а т о в. А почему ж у них не учиться?

К а р а н д ы ш е в. Да потому, что мы считаем их...

П а р а т о в. Кто это: мы?

К а р а н д ы ш е в (разгорячась). Мы, то есть образованные люди, а не бурлаки.

П а р а т о в. Ну-с, чем же вы считаете бурлаков? Я судохозяин и вступаю за них; я сам такой же бурлак.

К а р а н д ы ш е в. Мы считаем их образцом грубости и невежества.

Карандышев все время мучительно ищет свой речевой облик — и не находит его. Он изо всех сил старается найти веское слово — и это ему удастся один-единственный раз на всем протяжении пьесы. В сцене убийства Ларисы. Здесь происходит взрыв отчаяния и ярости, отступают все другие соображения, и Карандышев наконец-то выкрикивает не чужое, а свое слово: «Так не доставайся ж ты никому!».

Есть у Островского случай, когда сравнение речи героев, состязание в «речевой достоверности» прямо входит в сюжет пьесы как один из важнейших мотивов — это комедия «Не в свои сани не садись». В стихию образов «купеческой» пьесы с присущей этим образам фактурой речи и поведения вторгается нечто демонстративно, смехотворно чужеродное, «из другой книжки» — отставной гусар Вихорев.

Патриархальная культура семьи Русаковых здесь, по мысли Островского, олицетворяет собой культуру общепародную, имеющую вековые традиции. А искатель богатого приданого Вихорев приносит с собой осколки поверхностно, внешне усвоенной «европейской цивилизации». Необычайно остро конфликт этих двух враждебных начал проявляется в речи. Совершенный, устоявшийся язык семейства Русаковых резко контрастирует с жалкими, обезличенными цитатами Вихорева, какой-то дикой мешаниной из обрывков чужих речей, мыслей, теорий, которыми он жонглирует, стремясь достичь только одного: денег для кутежей.

«Что такое деньги?.. Ни больше ни меньше, как средство жить порядочно, в свое удовольствие. А они [купцы] стараются как можно больше копить и как можно меньше проживать; а уж доказано всеми науками, что это вредно... для торговли... и для целого общества... Вот видишь, если бы у тебя не было денег, ты бы не спросил бутылки шампанского, а этим поддерживается торговля. Следовательно, если мы, люди образованные и со вкусом, но без средств, женимся на богатых и таким образом даем, знаешь, некоторое движение... можно ли нас за это упрекнуть?» — рассуждает Вихорев с приятелем. Хотя эта экономическая теория и очень пелопла, но ясно, что не Вихорев ее сочинил, что он только в меру своего разумения пересказывает слышанное от кого-то другого.

«Вы-то меня любите ли так, Виктор Аркадьич, как я вас люблю?» — взволнованно спрашивает Дупя. И слышит в ответ: «Какое же может быть сомнение! Если вы не будете моей, я сейчас же уеду на Кавказ и буду нарочно стараться, чтобы меня поскорее застрелили. Вы знаете, как черкесы хорошо стреляют». Эти черкесы явно позаимствованы из романтических повестей о Кавказе! Явившись к Русакову просить руки его дочери, Вихорев хочет произвести впечатление серьезного человека и понравиться богатому купцу. Для этого он заводит «славянофильский» разговор о достоинствах русского человека: «Я, знаете ли, сам человек русский и, признаться сказать, люблю и уважаю все русское; особенно мне нравится это гостеприимство, радушие...». Но получив отказ, он тут же вспоминает «западнические» упреки русскому человеку: «...но таков уж, видно, русский человек — ему только бы

поставить на своем; из одного упрямства он не подорожит счастьем дочери...».

Основной прием комического разоблачения Вихорева состоит в том, что вся его речь дана как абсолютно бесхарактерная, подобна шутовской одежде, состоящей из пестрых и плохо подогнанных друг к другу лоскутов. Он — ворона в павлиньих перьях. И лукавая пословица, ставшая заглавием пьесы, относится не только к простодушной Дунечке. В «не свои сани» пытается сесть и Вихорев, недалеко он уехал на чужих фразах!

Сценическое и словесное совершенство образа у Островского тесно связано и вытекает одно из другого. Давно замечено, что он драматург не столько внешне-го действия, сколько именно звучащего слова. Сам Островский писал, что считает «первым условием художественности в изображении данного типа верную передачу его образа выражения, т. е. языка и даже склада речи, которым определяется самый тон роли».

Будучи первоклассным писателем, Островский гениально использовал и специфические художественные средства театра. Веками складывавшаяся в мировом театре эстетическая категория ампула неоднократно была атакована художниками-реалистами, видевшими в ней чуть ли не главное орудие рутинны. Островский же во многих случаях не относится к ней нигилистически, в преобразованном виде включает в свою реалистическую систему. Для нас, в данном случае, интересно, что в пьесах Островского песоченно существует, так сказать, речевое ампула. Больше того, нередко сами герои его отчетливо осознают и даже стремятся строить в соответствии с ним свое поведение. Особенно ярко это сказывается в «актерских» пьесах. Такие герои, как Несчастливцев, Счастливец, Шмага, «живут в образе». Пылкость и великодушие, конечно, свойства личности Несчастливцева, но они облечены в страстную фразеологию романтической трагедии. Эта постоянная оглядка на высокий образец искусства определяет и поступки Несчастливцева и, наконец, в заключительной сцене прямая цитата

из «Разбойников» Шиллера органично влетается в собственный монолог героя.

«Актёрский случай» — наиболее наглядный. Но создается впечатление, что и многие другие герои тоже как бы мысленно соотносят себя как реальную личность с неким образом, который представляется им желанным идеалом. И постоянная «вибрация» между очертаниями реального и, условно говоря, идеального образа составляет важнейшую особенность роли. Герой то совпадает со своим идеалом, то мучительно стремится совпасть. Вот как раз точки этого «совпадения» и дают сценический эффект торжества героя.

Так лишь однажды случилось, как мы видели, с Карадышевым. Такой же высшей точкой совпадения реального и идеального облика был последний монолог Несчастливцева. Бывают у героев и частные удачи — в сущности, всякое меткое слово — знак, что на какой-то кратчайший миг произошло это желанное совпадение.

В сатирических комедиях Островского речевое амплуа нередко превращается в словесную маску. Герой имеет не один, а несколько «эталонов», «образцов», которые он имитирует в своих корыстных целях. В замечательной комедии «На всякого мудреца довольно простоты» перед зрителем разворачивается настоящий «театр в театре». Весь сюжет пьесы построен на смене масок — и прежде всего речевых! — главного героя Глумова. Для каждого из «нужных людей» Глумов разыгрывает настоящий спектакль, принимая облик человека, наиболее приятного собеседнику. При этом разительно меняется не только поведение героя и высказываемые им точки зрения, но и манера выражаться, и самый лексический состав речи.

С глуповатым Мамаевым, обожающим давать советы, герой прикидывается кротким и жаждающим поучения простаком: появляется слово-ер, фразы его делаются чрезвычайно кратки и отрывисты — Глумов не хочет досаждать дядюшке, любящему говорить, а не слушать.

Беседуя с Мамаевой, стареющей кокеткой, герой переходит на вычурный стиль бульварных романов: «Я ваш раб на всю жизнь. Карайте меня за мою дерзость, но я вас люблю... Но вы, ангел доброты, вы, красавица, из меня, благоразумного человека, вы сделали бешеного сумасброда! Да, я сумасшедший! Мне показалось, что меня манит блаженство, и я не побоялся кинуться в пропасть, в которой могу погибнуть безвозвратно».

Для ретрограда Крутицкого, почитателя Озерова и Сумарокова, Глумов имитирует архаический деловой стиль, перегруженный отглагольными существительными, устаревшей лексикой и

синтаксическими оборотами: «поставление на место оного», «даем простор опасной пылкости ума проникать причины.. и составлять таковые умозаключения».

Стремясь завоевать расположение богатой вдовы Турусинной, известной своим ханжеством, Глузов обращается к перифрастическому стилю фальшивого благочестия и нравственным прописям. Вместо «задумав жениться» он говорит: «Когда я почувствовал призвание к семейной жизни», «брак — установление священное», «В этом браке нет людского произвола, следовательно, нет и ошибки».

Но особенно толко стилизованы «либеральные речи» Глузова, предназначенные завоевать Городулипа, деятеля новой пореформенной эпохи. Они переполнены выпадами против официально признанных недостатков чиновничьей системы. Глузов и сам не слишком лестного мнения о порядках и об окружающих. Но наедине с собой он точен и деловит в оценках.

Городулипу же, как он верно чувствует, нужна цветистая фраза. И вот Глузов облакает свои суждения в пышные фразы, характерные для либеральной журналистики эпохи, не брезгает и тяжеловесными метафорами, которые вызывают особое восхище-

Любезна мне игра ума и слова:
Простая речь жестка. Уборы красят
Красивых жен; высокие палаты
Прикрасами красны, а речи — складом,
Теченьем в лад и шуткой безобидной.

А. Н. Островский. Снегурочка.
1873

...Спешу в нескольких словах изложить мое мнение о драме «Гроза»...

Язык действующих лиц, как в этой драме, так и во всех произведениях г. Островского, давно всеми оценен по достоинству, как язык художественно-верный, взятый из действительности, как и самые лица, им говорящие.

И. А. Гончаров. Письмо к
непременному секретарю Академии
наук. 8 марта 1860

пие Городулина: «И притом, все бумага и форма. Целые стены, целые крепости из бумаг и форм. И из этих крепостей только вылетают, в виде бомб, сухие циркуляры и предписания».

При всем богатстве речевых масок, которыми ловко жонглирует Глузов, у героя есть все же и свое лицо, свое слово. Драматург уже в начале пьесы дает нам представление о Глузове и его речевом облике точной и трезвой фразой-самооценкой: «Я умен, зол и завистлив». Все дальнейшее как бы налагается на это лицо, сопоставляется с ним.

А в комедии «Волки и овцы» Островский рисует уже настоящего «человека-зеркало», речь которого строго отражает собеседника. Это Беркутов, либерал с Лыняевым, консерватор и благочестивый человек с Мурзавецкой, прожженный крючкотвор с Чугуновым, сентиментальный любовник в письме к Купавиной.

Играя решающую роль в фабуле, этот «деловой человек» буржуазной складки как личность — абсолютное ничто. Поэтому он и не имеет собственного речевого облика. Его речь строго функциональна: характер ее полностью зависит от собеседника.

А. ЖУРАВЛЕВА

Рисунки Ю. Космынина

Как отказать народу в драматической и тем более в комической производительности, когда на каждом шагу мы видим опровержение этому и в сатирическом складе русского ума, и в богатом, метком языке; когда нет почти ни одного явления в народной жизни, которое не было бы схвачено народным сознанием и очерчено бойким, живым словом; сословия, местности, народные типы — все это ярко обозначено в языке и запечатлено навеки.

А. Н. Островский. *Обстоятельства, преследующие развитие драматического искусства в России.* 1862

...Чтобы покончить с прежними критиками Островского, соберем теперь те замечания, в которых почти все они были согласны и которые могут заслуживать внимания.

Во-первых, всеми признаны в Островском дар наблюдательности и умение представить верную картину быта тех сословий, из которых брал он сюжеты своих произведений.

Во-вторых, всеми замечена (хотя и не всеми отдана ей должная справедливость) меткость и верность народного языка в комедиях Островского.

Н. А. Добролюбов. *Темное царство.* 1859

ОСТРОВСКИЙ У ВАХТАНГОВЦЕВ

Столетний юбилей комедии А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» (она была написана и поставлена в Петербурге и в Москве в 1868 году) был отмечен новой постановкой ее в Московском Театре имени Евг. Вахтангова.

А. Н. Островский много внимания уделял языку персонажей своих пьес. Речь каждого действующего лица — это его характеристика. Но если делом автора является главным образом выбор лексических средств, то дело актера и режиссера — дать характеристику образа, используя средства фонетические.

Какие фонетические черты используются вахтанговцами для создания языковой характерности образов в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты», мы и рассмотрим в настоящей статье.

Действие пьесы переносит зрителя в Москву XIX столетия, в гостиные представителей бюрократического общества и их приспешников. Одной из наиболее ярких характерологических черт, используемых часто для изображения дворян, является отчетливое произношение безударных гласных в словах иноязычного происхождения (в литературном русском языке в словах такого рода на месте безударного *e* обычно произносится звук, близкий к *и*, а на месте *o* — звук, близкий к *а*). Такое произношение используют артисты Н. О. Гриценко для создания образа богатого барина Мамаева (портрёт), Ю. В. Волынцев в роли Городулина (феномён), А. А. Казанская, играющая Турусину (солидная), Н. С. Плотников, исполнитель роли Крутицкого (прожéкт, рефóрма, побэзия).

И у главного героя комедии Глумова, умеющего приспособиться к любой обстановке, произношение такое же, как и у представителей того общества, в которое он всеми силами старается проникнуть. Глафира Климовна, мать его и верная помощница, следует этому примеру. Портрёт, протёкцию — слышим мы в ее произношении. Особенно выразительна речевая окраска в диалогах, где одни и те же слова повторяются разными действующими лицами, например в диалогах Глафиры Климовны и Мамаева, Глумова и Крутицкого.

В первом действии:

Глумова (Д. А. Андреева). Я говорю, что портрёт па вас не похож.

Мамаев (Н. О. Гриценко). Какой портрёт? Откуда у вас портрёт?

И в четвертом действии:

Крутицкий (Н. С. Плотников). ...Трактат, отчего же не прожéкт?

Глумов (Ю. В. Яковлев). Прожéкт, ваше превосходительство, когда что-нибудь предлагается новое; у вашего превосходительства, напротив, все новое отвергается...

Имя жены Мамаева в произношении её родственников — Глумова и его матушки — звучит по-разному: **Клиопáтра Львовна** — у Глумова, **Клеопáтра Львовна** — у Глафиры Климовны. Одинаковое произношение этого имени и матерью и сыном в данном случае было бы желательным.

Артисты А. А. Казанская (Турусина) и Ю. В. Волынцев (Городулин) сумели передать некоторую долю манерности произношения своих героев, используя неполное смягчение звука *м* перед последующим *е* в русских словах *непременно* и *место*. А Городулин, кроме того, манерничая, в слове *откроюсь* звук *ю* (его можно обозначить как *йу*) произносит без *й*, то есть похожим на звук *й* в немецком языке.

Но в «светскость» и манерность произношения мамаевского общества врываются просторечные произносительные черты, вносящие новые, отрицательные элементы в характеристику действующих лиц. Прежде всего это утрированное *йканье*, то есть произношение безударных *е* и *я* как *и*. В роли Городулина мы слышим: *зайизжáйте*; *стойти* и *йивíться* — у Клеопатры Львовны; *пáмити* — у Крутицкого; *тинúли*, *бúдит*, *племáнничик* — у Мамаева. Актриса Н. П. Русинова использует эту черту и для роли предсказательницы Манефы: *дéсить*, *вивéц*, *йиу́бр*, то есть Егор (*у* — фрикативный звук, «южнорусское» произношение взрывного *з*).

Эканье, то есть произношение передударяемого *e* в безударных слогах, на сцене обычно не используется как характерологическое средство. Однако в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты» отчетливое звучание безударного *e*, часто употребляющееся в сочетании с другими отступлениями от орфоэпических норм, можно рассматривать как речевую окраску. Например, читая заглавие своего «труда», старик Крутицкий произносит его почти побуквенно: «Трактат о вреде реформ вообще». Приготовясь читать дальше, он продолжает говорить, заранее настроясь на орфографическое чтение: «Пойдем да́лие» (интересное соединение просторечного *йка́нья* и орфографического, в данном случае, *эканья*).

Нередуцированное, то есть отчетливое, неослабленное произношение безударного *e* используется и артисткой Н. П. Русиновой для создания речевого образа Манефы. Такое произношение в этой роли выглядит скорее просторечным или диалектным, особенно в тех случаях, когда сочетается с другими отступлениями от литературных произносительных норм: дохóдчивей, бедоку́р, убеу́ай. Отмечено эканье и в других ролях, однако оно не несет на себе никакой характерологической нагрузки. Изредка случается, что артисты произносят звук *e* на месте орфографического *и*, то есть в тех случаях, где *эканья* быть не может. Такое произношение было замечено в роли Мамаева: слово *нанимáй* он трижды произнес как *нанемáй*.

Слишком открытое произношение заударных гласных также придает разговорно-просторечный характер языку отдельных персонажей. Этим речевым приемом пользуется Ю. В. Яковлев (беспа́рдонна), Н. О. Гриценко (де́ла), Н. С. Плотников (здоровéя, друго́я — здоровее, другое), Н. П. Русинова (су́жепай, отча́йаннай). Звонкий фрикативный («южнорусский») звук *γ* на месте литературного взрывного *г* у Манефы на фоне нормированного произношения остальных действующих лиц носит просторечный характер: убеу́ай, идет *Ииу́ор* с высоких у́ор. Как произносительную окраску, очевидно, следует рассматривать и глухой фрикативный *x* на месте орфографического *г* на конце слова, отмеченный только у матери и сына Глузовых (артисты Д. А. Андреева и Ю. В. Яковлев): *моx* (мог) — в произношении обоих, *дóнеx* (денег) — у Глузова.

В дополнение к уже перечисленным просторечным признакам артистка Д. А. Андреева использует еще один — пропуск гласных в словах: *то́лку-т* (толку-то), *унижа́д-т* (унижаться-то).

Ряд архаичных произносительных черт используется вахтаповцами как речевая характеристика для образов старых людей. Произношение звука *a* на месте *e* в слове *поцелуй* (оно звучит как

поцалуй) и однокорневых с ним словах мы слышим у артистов Н. С. Плотникова, играющего старика Крутицкого (поцалуй), и Д. А. Андреевой в роли матери Глумова (перецалует, поцалует). В речи других действующих лиц такое произношение не наблюдалось (цылуйте — Э. П. Шашкова, исполнительница роли Мамаевой).

Устаревшее и не считающееся теперь литературным произношение *михтб* в роли Глафиры Климовны также воспринимается как свойственное речи старого человека. Она же произносит *бчен* удивительный, не смягчая звука *н* на конце слова. Очевидно, такое произношение, свойственное XIX веку, также следует рассматривать как речевой прием.

Как известно, любое отступление от орфоэпических норм ярче звучит на ровном, единообразном речевом фоне. Об этом уже не раз писали и говорили. Произношение артистов Театра имени Евг. Вахтангова, занятых в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты», в целом достаточно нормативно, а отклонения от литературных произносительных норм как раз и продиктованы стремлением дать персонажам пьесы собственно речевую характеристику.

Л. Н. КУЗНЕЦОВА

В следующем номере журнала будут опубликованы статьи и заметки о языке произведений В. Г. Белинского, Глеба Успенского, Ольги Форш.

Великому русскому певцу Ф. И. Шаляпину, его работе со словом и над словом посвящены статьи Е. Н. Этерлей и Л. И. Скворцова.

«Степь родимая...» — так называется вторая статья о художественном слове Михаила Шолохова. Ее автор — Ф. Г. Бирюков — рассказывает о своих наблюдениях над стилем «Тихого Дона».

12 апреля 1973 года исполняется 150 лет со дня рождения Александра Николаевича Островского. Зоркий и наблюдательный писатель-реалист, блестящий знаток русской речи, Островский не только продолжил традиции Фонвизина, Грибоедова и Гоголя. Создав национальный репертуар, Островский утвердил новую сце-

---

МОЙ

*Елена Митрофановна Шатрова
в роли Аполлинии Панфиловны
(«Сердце не камень»)*

А. Н. Островский в совершенстве владел драматической формой. Сравниться с ним как драматургом могут лишь Гоголь, Чехов и Горький.

У Островского, «чародея слова», учились все, даже огромные мастера. Лев Толстой, например, прежде, чем начать писать свою «Власть гьмы», внимательно прочитал «Доходное место» Островского. «Молодец наш бородач!» — писал он об Островском, называя его «общенародным в самом широком смысле писателем» («Неизданные письма из архива А. Н. Островского». М., 1932, стр. 557).

ническую культуру русского театра. Блестящая плеяда русских актеров получила свое сценическое воспитание на пьесах Островского.

В канун этой знаменательной даты редакция «Русской речи» обратилась к известным советским артистам, исполнителям многих ролей в пьесах Островского с просьбой рассказать о том, чем близок и дорог им Островский, какое место в их актерской судьбе занимает творчество великого русского драматурга.

ОСТРОВСКИЙ

(На вопросы «Русской речи» отвечают актеры
Малого театра Е. М. Шатрова, И. В. Ильинский,
А. И. Смирнов)

Пьесы Островского для меня как актрисы — это «пьесы жизни». В них нет ни единой выдуманной фигуры, все идет от жизни: и развитие действия, и словесный фон, и музыкальность. Четкость композиции присуща всем его пьесам, даже самым первым. В них легко играть: текст пьесы, развитие действия заставляют актера играть правдиво.

В 1909 году в Петербурге была открыта школа сценического искусства, создателями ее были Яковлев, Петровский, Санина. От Ермоловой, в связи с открытием школы, была получена телеграмма: «И да хранит вас бог от всякого лиходенства!». Санина написала Петровскому: «Андрей Павлович! Скажите Вашим ученикам, что искусство ревниво!».

Мне посчастливилось: я, как актриса, воспитывалась у этих необыкновенно талантливых педагогов. Напутственные слова нашей школе двух великих русских актрис стали для нас мерилom актерского мастерства. Пьесы Островского были тем благодатным материалом, на котором воспитывались актеры в школе Яковлева. Например, о характере мужчины, женщины, их взаимоотношениях

А. П. Петровский рассказывал, давая примеры только из Островского. И это очень важно: у Островского нет ни одного поверхностного образа, они обобщены, осмыслены философски.

Во всех своих 39 работах по Островскому (считаю роли и сыгранные, и приготовленные для сценического исполнения) я во все времена стремилась избежать «всякого лиходенства». Так, я не приняла Мейерхольда, с его экспериментами над пьесами Островского. Всегда выступала против высказываний Айхенвальда и других буржуазных литераторов, которые утверждали, что театр Островского утратил свое значение.

Островский так верно умел раскрыть русские характеры, все его пьесы так народны, что их стилизация невозможна. Все формалистические изыскания Мейерхольда и Айхенвальда были преходящи, а истинный Островский остался. Наш Малый театр мы с гордостью называем театром Островского.

Я с гордостью могу сказать, что всю свою жизнь посвятила пропаганде пьес Островского, начиная с того момента, как в молодости, с трудом накопив 3 рубля, я вступила в Общество имени Островского. Билет этого Общества я и по сей день храню.

В молодости как-то не замечаешь многого. И очевидно поэтому, читая пьесу раньше, я вживалась лишь в самую роль, не задумываясь о пьесе в целом, о ее звучании в общественной жизни. Вот недавно я читала «Дикарку» с одним из своих учеников. И вдруг почувствовала великую правду и такую безысходность в словах: «Курицу, курицу некуда выпустить». О произволе, о насилии в самодержавной России мастерами слова создано много прекрасных произведений. Но в четырех словах выразить такую тоску и протест, глубокую социальную мысль смог только Островский. Для меня речь персонажей Островского — «жемчуг — окатистый и чистый».

*Народная артистка СССР
Е. ШАТРОВА*

Георгий Владимирович Ильинский в роли Счастливецова («Лес»)

взятки, делать добрые дела. В этой наивной уверенности в «правильности» своей жизни — весь Юсов. Таким я и создал Юсова... Или Мурзавецкий в «Волках и овцах». Это пьяница. «Как бы и где бы выпить, как бы и где бы добавить» — вот его суть. Но при всей своей наглости, армейской развязности, необузданности он все-таки овца. Его никто не любит, а сам он не лишен этого чувства, пусть даже он до самозабвения любит свою собаку «Тамерлана», но он любит.

Играл я во многих пьесах Островского, но, пожалуй, самой любимой ролью считаю роль Аркашки Счастливецова. Я счастлив и горжусь тем, что Пров Михайлович Садовский назвал меня лучшим Счастливецом, с каким ему приходилось играть. Счастливец удался потому, что я понял замысел Островского: хотел показать не просто шута, весельчака, а русского актера проклятого старого времени. О моем Счастлицеце журнал «Искусство и жизнь» (1939, № 6) писал: «Его Счастливец искрится тонким юмором и свистится умной веселостью. Но он никого и ничем не увеселяет, как было когда-то. Он заражает зрителя подлинным жизненным дыханием и — именно тем, каким наделил его Островский».

Чем дорог мне Островский? Русской добротой. Нет у него ни единой пьесы, где не торжествовало бы доброе начало. И это надо глубоко чувствовать. Возьмите «Доходное место». В трактовке режиссера К. А. Зубова Юсов должен был олицетворять «варравинские» черты чиповника. И, следуя требованиям режиссера, мой Юсов был волевым, но злым. Углубившись в образ, я понял, что Островский задумал Юсова не таким. Юсов, по своему, добрый человек, он искренне верит в то, что он «правильно живет», что следует раболепствовать перед начальством, молиться богу, в меру возможности брать

Язык пьес Островского, мне кажется, можно назвать «великим, могучим, правдивым и свободным», и неповторимым. Изменить что-либо в структуре фразы персонажей Островского — невозможно. Перестановка слова изменяет весь смысл. Ни одно междометие, ни одна запятая не должны быть пропущены актером в работе над ролью, так как все это у Островского рождено творчеством, имеет свою особенность, каждое слово кстати.

Островский отыскивал образы. Сам отличный чтец, он любил слушать игру актера, стоя за кулисами. Слушая, он исправлял и дополнял речь своих персонажей, то есть язык актера работал на образ. Островский не выдумывал, не изобретал слова, он подмечал их в жизни, брал живую речь и наделял ею своих героев. Все у него к месту, ничего лишнего. И поэтому я считаю, что особенности речи героев Островского следует сохранять, сохранять напевность этой речи, ее мелодию. Не следует делать особого акцента, играть нарочито. Неверно произнесенное слово раздражает, я против всяких актерских «отсебятин». Островского не следует переделывать ни режиссерам, ни актерам.

Основной актерской реалистической традицией Малого театра является практическое утверждение жизни образа на сцене. Достоверность этой жизни образа, убедительная для зрителей, является главным требованием к игре актера на сцене Малого театра.

Островский был неразрывно связан с Малым театром. И конечно, не может быть и речи о том, чтобы из репертуара Дома Островского (так называют Малый театр) когда-нибудь исчезли пьесы великого драматурга.

Народный артист СССР
ИГОРЬ ИЛЬИНСКИЙ

---

*Аркадий Иванович Смирнов
в роли Курилко («Снегурочка»)*

В Малом театре любят вспоминать о том, как А. Н. Островский слушал свои пьесы. Во время репетиции, да и на самом спектакле, он, не глядя на сцену, стоя за кулисами, именно слушал.

А как читал свои пьесы драматург? Один из его современников (И. И. Танаев) писал: «Между современными литераторами лучшими чтецами считаются Островский и Писемский: Островский читает без всяких драматических эффектов, с величайшею простотою, придавая между тем должный оттенок каждому лицу; Писемский читает, как актер, —

он, так сказать, разыгрывает свою пьесу в чтении».

Великий драматург был превосходным чтецом своих пьес, но эти воспоминания говорят и о том, что текст пьес А. Н. Островского, их язык сам по себе настолько выразителен и действен, что не требует никаких украшений или сценических эффектов. Ведь рассказывают же в Малом театре о В. Н. Давыдове и О. О. Садовской, которые играли Островского, не признавая режиссерских мизансцен, брали стул, садились на авансцену и произносили свои роли в публику. Нужно очень хорошо чувствовать слово, чтобы заставить зрителя наслаждаться музыкой речи, действием слова.

Актеру нашего времени интересно сопоставить эти факты: как сам автор слушал и читал свои пьесы, как крупнейшие актеры умели использовать богатство речи замечательного драматурга.

В литературе, посвященной А. Н. Островскому, много говорится о речевой характеристике любой роли в его пьесах. Действительно, точность таких характеристик и речевое, словесное богатство драматургии А. Н. Островского неисчерпаемо. Умение использовать это богатство для выявления идейной сущности пьесы и каждой роли — труднейшая и благодарнейшая задача актера. Не только

конструкция каждой фразы, периода, монолога, но оттенки самого простого русского слова автор заставляет исполнителя увидеть и услышать. Иногда даже слово, взятое вне контекста, автор как бы поворачивает перед слушателем, заставляя в него вслушаться, взглядеться.

Не забыть, как в спектакле Малого театра «В чужом пиру похмелье» В. Н. Рыжова — Настасья Панкратьевна «философствовала» о «мудреных словах». Нужно было слышать, как она произносила слово *жупел*. «Вот тоже, как услышу я слово *жупел*, так руки-ноги и затрясутся». Она с такой интонацией произносила этот *жупел*, такой неподдельный ужас перед непонятным словом, перед его таинственным смыслом звучал в голосе, что и смешно и жалко было на нее смотреть. Жалко и смешна она была, слушая «мудрствования» Мудрова, ее партнера в этой сцене: «Вот, например, металл!» — «Ну, будет, батюшка, будет. Не тревожьте вы меня!».

Вообще «старички» Малого театра умели ценить слово, и прежде всего слово Островского. Кроме того, это была талантливая плеяда актеров: П. М. Садовский, В. Н. Рыжова, Е. Д. Турчанинова, В. О. Массалитинова, Н. К. Яковлев; они еще имели возможность общаться с современниками А. Н. Островского, с актерами, игравшими при жизни драматурга!

Нам, актерам 70-х годов, принимающим эстафету от этих корифеев, необходимо многое сохранить в их наследии и развивать все лучшее, и особенно умение нести со сцены богатство русского языка Островского.

Дискуссия о чистоте русской речи, занимавшая недавно страницы нашей прессы, касается нас, актеров, может быть, даже в первую очередь. Трудность здесь состоит в том, что, например, произносительные нормы, как известно, не остаются неизменными, и то, что при Островском было нормой, в наше время, как говорят, «не звучит». Мы помним, как еще П. М. Садовский поправлял: «Не на этажé, а на этáже!» А известный профессор В. А. Филиппов настаивал: «На перьвом, но... этажé!». Сейчас никто на этом не будет настаивать. Но, с другой стороны, нестерпимо звучит в пьесе А. Н. Островского: «Такъ и было, такъ и будет»... (с мягким звуком *к*); или: «связь веков» (со слышимым звуком *э*); или: «Друг мой» (со звонким *э*).

Думается, что не только в пьесах А. Н. Островского (в них-то обязательно!), но и в нашем быту мы должны

сохранить чисто русские «московские» окончания в словах *тонкий* (кый), *долгий* (гый), *остался* (са) и т. д. И, конечно, особенно нелепо у Островского (да и в быту!) звучит слышимое нередко южное: *длинный* (с одним н), или южный (с двумя н). А ведь это не нарушение норм, а просто орфоэпические «сорняки». Мы часто сейчас, говоря о нормах, пытаемся эти нормы установить, утвердить, тут же сами их и разрушаем, оправдывая это вечно живым, развивающимся языком.

Есть ли необходимость пересмотра старых, традиционных норм и отбора из предлагаемых вариантов современного произношения того, что наиболее рационально и естественно в условиях современного театра? Конечно, есть. Есть основные нормы современной литературной и устной речи, не вызывающие разногласий ни у специалистов-лингвистов, ни у театральных деятелей. Вот эти хотя бы нормы нам и необходимо утверждать в первую очередь. И в этом смысле следить за чистотой русской речи.

Актеры, играющие в пьесах А. Н. Островского, имеют возможность и сохранять всю прелесть русской московской устной речи, и вместе с тем оставаться актерами современными, читающими Островского «нынешними очами».

Разные актеры по-разному подходят к работе над образом, над ролью. Но в пьесах А. Н. Островского, думается, нужно подходить прежде всего со стороны речевой характеристики. Известно, что его пьесы трудно переводятся на другой язык именно из-за специфики и своеобразия русского языка. Он самобытен, ярок, своеобразен.

Приступая к работе над ролью Сысои Псоича Расположенского в пьесе «Свои люди — сочтемся», первое, с чем я как актер столкнулся, — яркая характерность, колоритность его речи. Хотелось освоить я постепенно «присвоить» все особенности его языка. Сысой Псоич говорит: *мекать* (от *кумекать* значит *мекать*?). Нет, именно *мекать*: думать, соображать. *Доброхотные датели; наущенные; всё ли здоровы?* (все ли здоровы?); *нешто; хоть бы* и т. д. Все эти слова и обороты, далекие и не всегда понятные современному и особенно молодому зрителю, нужно попытаться сделать своими, понятными и привычными.

Вот фраза, которую Сысой Псоич постоянно, как при словье, повторяет: «Я рюмочку выпью». У неумелого драматурга такая повторяющаяся фраза нередко бывает только внешним эффектным и комедийным признаком

образа. Здесь, у Островского, она вытекает из самой сущности образа, из всего поведения Сысоя Псоича. Она естественна и органична в его устах. И, что самое главное, выражает и приниженность его, и желание ухватить, где что возможно. Поэтому она и у исполнителя должна звучать естественно и органично (без тени желания вызвать улыбку, рассмешить). И всякий раз, сколько бы ни повторялось это «я рюмочку выпью», звучит по-разному, смотря к кому герой обращается и при каких обстоятельствах произойдет.

В пьесе «Волки и овцы», например, автор дает актеру огромные речевые возможности, но для использования их нужно внимательно всмотреться, вслушаться в то, какими словами говорит Чугунов, как строит фразу, как действует словом (вернее — воздействует). Увлекаясь знаменитым методом К. С. Станиславского, мы иногда упускаем из виду «словесное действие» (термин К. С. Станиславского), которое необходимо начинать со словесного материала, словарного состава. Хапжество, лицемерие, жадность Чугунова выявляются в действии, в поступке: зачем пришел? Чего хочет? Чего добивается в данной сцене актер в роли стряпчего? Истинные свои намерения (обойти, «обкрутить» Мурзавецкую и

Разве только в первом, известном произведении г. Островского можно найти такие живые и мастерски очерченные лица, как в «Не так живи, как хочется». Не говорим уже о верности языка, русский склад и в жизни и в речи дан г. Островскому более чем кому-либо из современных писателей; он обладает им спокойно и вполне, и от всех его лиц действительно веет русским духом...

Без чистой любви к истине нет художества; но и излишняя боязнь отступить от истины тоже вредна. Уверяем г. Островского, что ему не для чего с таким, можно сказать, археологическим рвением гоняться за точностью народного языка; ему менее чем кому-либо следует бояться выпасть из русского тона: тон этот в нем самом, в свойствах ума его.

Н. А. Некрасов. Заметки
о журналах за декабрь 1855 и январь 1856

Купавину) Вукол Наумыч тщательно скрывает, и в этом ему «помогает» автор, надевая сладкими словечками, льстивыми обращениями, пышной фразеологией, иносказаниями и проч.

— Найдите мне денег, Вукол Наумыч!

— Да я искать не стану, только одно ваше имечко золотое нужно. Имечко вам подписать, только и труда, вот и деньги.

Искусство скрывать мысли, подлинные намерения за сладкоречием — это и есть одна из основных характеристик Чугунова. Изучая цели, к которым стремится персонаж, мы нередко забываем о средствах, им используемых.

Прекрасно понимая природу актерского мастерства, А. Н. Островский дает в руки актера сильнейшее орудие — язык, пользование которым в наше время требует особого внимания, потому что ритмы нашей эпохи несомненно должны отразиться на звучании классической пьесы. Но, конечно, не так, как это подчас понимают иные режиссеры и актеры, совершенно выбрасывая из арсенала своих выразительных средств яркую речь, слово-действие, слово-образ.

*Заслуженный артист РСФСР
Арк. СМИРНОВ*

...Содержание пьес [Островского] все знают, о частных промахах было говорено много раз, удачные, меткие выражения давно уже подхвачены публикой и употребляются в разговорной речи, вроде поговорок...

Н. А. Добролюбов. Темное царство. 1859

...Сколько правды и благородства в новом произведении Островского («Доходное место»), сколько в пьесе драматических положений и сильных мест. Прибавим, что многие сцены ведены превосходно и обнаруживают, какими богатыми силами и средствами владеет автор...

Н. Г. Чернышевский. Заметки о журналах.
1857

...из всех писавших прозой по-русски после Лермонтова и Гоголя, я вижу очень сильный талант только у одного драматурга — Островского...

Н. Г. Чернышевский. Письмо к В. М. Лаврову.
28 декабря 1888 г.

Образ, прошедший

В русском литературном языке в творчестве самых разных писателей широко употребляется сочетание *русская земля*. Его употребление обычно вызвано обращением автора к патриотической теме. *Русская земля* обозначает не только определенную территорию, государство, народ, но и Родину, Отчизну.

В классической литературе XIX века это сочетание обнаруживается и в беллетристике, и в публицистике, и в поэзии. Например: «Начиная от Смоленска, во всех городах и деревнях русской земли, без участия графа Ростопчина и его афиш, происходило то же самое, что произошло в Москве» (Л. Толстой. Война и мир); «Не отстаивай народ русской земли, не было бы и русского царства» (Огарев. Что пужно народу?);

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной
Колхиды,

От потрясенного Кремля
До стен педвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..

Пушкин. Клеветникам России

Плачь, русская земля! Но и гордись —
С тех пор, как ты стоишь, под небесами,
Такого сына, не рождала ты...

Некрасов. Памяти Добролюбова

Такое употребление сочетания *русская земля* уходит в далекое прошлое почти тысячелетней давности и ведет начало из древнерусского языка. Доказательством тому служат древнерусские летописи. Один из первых русских памятников — «Повесть временных лет» начинается так: «Вот повести минувших лет, откуда пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла Русская земля». В одном контексте с сочетанием *русская земля* может использовать-

Через столетия

ся и наша земля, и существительное *отчина* (*отчизна*), совпадающие по смыслу с сочетанием *русская земля*. Такое разное наименование одного объекта встречается в составе прямой речи, где отражается тема защиты Родины. Некоторые контексты могут рассматриваться как прекрасные образцы древнерусского светского (в противоположность церковно-проповедническому) ораторского искусства. Например, в Лаврентьевской летописи 1377 года передается обращение киевлян к князю Владимиру: «просим тебя, княже, и братьев твоих, не губите Русскую землю. Если вы будете враждовать между собой, недруги будут радоваться и возьмут землю нашу, которую соединили ваши отцы и деды великим трудом, мужественно борясь за Русскую землю».

Сочетание *русская земля* отмечается и в речи Святослава, в речи, произнесенной более 1000 лет назад и ставшей с тех пор афористической. В 971 году перед сражением с греками, военные силы которых намного превосходили русское войско, Святослав обратился к своим дружинникам: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посрамям земли Русской, но ляжем здесь костями, ибо мертвые не знают позора» (Повесть временных лет). Речь Святослава приводит и византийский историк X века Лев Диякон Калойский. Правда, она не полностью соответствует той, которую находим мы в летописном источнике, но очень близка ей по содержанию и настроению: «Итак с храбростью предков наших и с той мыслию, что русская сила была до сих пор непобедима, сразимся мужественно за жизнь нашу. У нас нет обычая бегством спасаться в отечество, но или жить победителями, или совершивши знаменитые подвиги, умереть со славою» (История).

В языке древнерусских памятников сочетание *русская земля* обычно используется в текстах, где рассказывается о нашествии врагов или о княжеских расприх. В летописи это сочетание не всегда имело образное употребление, оно встречается в кратких погодных записях при перечислении различных событий древнерусской действительности: «привели Олег и Борис врагов на Русскую землю»; «в этот год пошли войной Половцы на Русскую землю» (Лаврентьевская летопись).

Подлинно художественное воплощение сочетание *русская земля* получает в «Слове о полку Игореве», замечательном произведении XII века. Центральная тема «Слова» — тема единства Руси, тема защиты Отчизны. Неоднократно повторяемое в тексте «Слова» сочетание *русская земля* обычно сохраняется и в переводе этого произведения на современный русский язык.

Начнем же, братья, повесть эту
от старого Владимира до нынешнего Игоря,
который скрепил ум волею своею
и доострил сердце свое мужеством,
исполнившись ратного духа,
навел свои храбрые полки
на землю Половецкую
за землю Русскую.

То влияние, которое имело «Слово о полку Игореве» на развитие русской литературы, трудно переоценить. Многочисленные переводы, переложения, поэтические вариации по этому произведению создавались и в XIX веке, и в XX. Особую значимость «Слово» получило в годы Великой Отечественной войны. Его патристический лозунг «Загородите Полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую» наполнился новым содержанием, мобилизуя советский народ на борьбу с фашизмом. Отголоски «Слова» звучали в произведениях Леонова и Шолохова, Твардовского и А. Толстого, Исаковского и Лебедева-Кумача и многих других писателей и поэтов. Геронка «Слова» сливалась с лирической струей, воплощенной в образе Ярославны. Под влиянием «Слова» создавались современные произведения, и авторы их часто прибегали к тем самым, вечно живым средствам и приемам русского языка, которые несколько веков назад использовал неизвестный автор «Слова».

Многочисленны произведения современных поэтов, посвященные образу Ярославны, — и снова в них проходит тема защиты Отчизны:

Бьется за русскую землю дружина,
Чтобы над ней воронье не кружило,
Бьется далече родимая рать.
З в я г и ц е в а. Ярославна

Употребление сочетания *русская земля* прослеживается в языке современной поэзии при обращении писателя к исторической тематике вообще и связано в большей или меньшей степени с элементами стилизации. Рассказывая о далеком прошлом, автор прибегает к таким средствам языка, которые по отношению к его современному состоянию воспринимаются как архаичные, устаревшие. Стилизация свойственна поэтам разных школ и направлений.

Убиенный много и восставый
Двадцать лет со славой правил я
Отчею Московскою державой,
И години более кровавой
Не видала русская земля.

В о л о ш и н. Dmetrius-Imperator

Стилизация отмечается в употреблении устаревших форм частей *убиенный, восставый, существительного година* в значении 'время'. Или:

Кровь на полях смешалась со слезами,
На пашню смерду выехать нельзя.
В домашних распрах призывают сами
Разор на землю русскую князя.

Рыленков. Меч Мономаха

К элементам стилизации здесь относятся историзм *смерд* 'крестьянин, мужик' и архаизм *разор*, обычно имевший в древнерусском языке значение 'позор'.

Понятие «родина» выражается в современной поэзии разными лексическими средствами, которые по своему смыслу тождественны сочетанию *русская земля*:

Как с тугой твоей ветки
Яблоко упавшее,
Я в ладонях песу и радость и грусть,
О, светло-светлая,
Украшно-украшенная,
Отчизна Русь!

Рыленков. Как с тугой твоей ветки...

Здесь поэт использует прием, вообще свойственный языку древнерусских памятников: употребленне однокорневых слов, передающих высокую экспрессию — *светло-светлая, украсно-украшенная*. В данном случае мы встречаем почти дословное повторение контекста из древнерусского памятника «Слово о погибели Русской земли», дошедшего до нас в списке XV века. Вот как начинается «Слово о погибели»: «О светло светлая и украсно украшена зем-

ля Русская! Ты удивительна многими красотами: многочисленными озерами и реками, горами крутыми, холмами высокими, дубравами густыми, зверями различными, птицами бесчисленными, великими городами...». Можно ли говорить, что стихотворение Н. Рыленкова стилизовано? Вероятно, нет. Скорее, здесь наблюдается обратный процесс: активизация и возрождение таких приемов, которые в условиях современного литературно-художественного языка, проходя через творческую лабораторию поэта, получают новое звучание.

Рассмотренному употреблению по характеру стилистических особенностей — высокой экспрессии, гражданскому пафосу — близко использование сочетания *русская земля* в стихотворениях А. Прокофьева:

Летит гроза с военных рек,
В крови твои поля,
О непреклонная навек,
О русская земля!

Стучи, как в дом, в сердца бойцов,
Отвагой веселя,
О край родной, земля отцов,
О русская земля!

Летит гроза с военных рек...

Вместе с тем необходимо отметить, что та или иная экспрессивно-эмоциональная окрашенность создается не столько за счет отдельного значения слова или словосочетания, сколько за счет общей тональности поэтического произведения, за счет его содержания. Сравним употребление того же сочетания *русская земля* в другом стихотворении А. Прокофьева, проникнутом мягкой лиричностью:

И спето все, и все отголосило,
И пал туман на доли и поля.
И тишина — не шелхнет осина...
— Спокойной ночи, русская земля!

Как повелось покою веков, издревле...

Рассмотренное сочетание является только одним из неисчерпаемых средств русского языка, которое может находить все новое и новое воплощение в качестве художественного приема. Это воплощение безгранично, как безграничны и возможности выражения темы Родины.

Н. Г. МИХАЙЛОВСКАЯ
Рисунки Ю. Космылина

ИЗОБРАЖЕНИЕ ИДЕЙ

Назначение слова — передавать мысли. Слово в поэзии не передает, а, как бы, изображает идеи.

Беллинский, Чернышевский, Добролюбов и создатели марксистско-ленинской эстетики исходили в теории и практике из того, что обязанность критики — определить идею произведения, дать ей свое истолкование, а затем проследить, как она реализуется в конкретных образах, какие формы, какие художественные средства писатель использует для выражения своей идеи.

Читатель — тот же критик, только не профессионал, а любитель. Он оценивает произведение, дает ему истолкование. Вот небольшой отрывок из «Кавказского пленника» Пушкина:

В час равней, утрепей прохлады
Вперял он любопытный взор
На отдаленные громады
Седых, румяных, синих гор.
Великолепные картины!
Престолы вечные снегов,
Очам казались их вершины
Недвижной цепью облаков,
И в их кругу колосс двуглавый,
В венде блистая ледяном,
Эльбрус огромный, величавый,
Белел на небе голубом.

Не бывало и нет произведений безыдейных. И даже отдельный отрывок, отдельный образ произведения имеет свою идею, как бы являющуюся частью целого. Идея этого отрывка выражает чувство наслаждения и восхищения, которое испытывает

романтическая душа пушкинского героя, любящегося отдаленными громадами кавказских гор. Герой этот — человек не только впечатлительный, а и наблюдательный, способный не только восхищаться великолепием природы, но и подмечать тончайшую игру света и теней, все многообразие оттенков прекрасного. Такова идея отрывка. Как она художнически реализуется? Поэт дает нам возможность увидеть все то, что видит его герой, вместе с ним восхититься тем, что подметил наблюдательный глаз впечатлительной натуры. И мы видим подвижную, переменчивую краску «седых, румяных, синих гор» и белую громаду Эльбруса, блистающую ледяным вепцом на фоне голубого неба...

Отрывок производит глубокое впечатление. Чем он волнует нас? Обобщающей мыслью, положенной в его основу? Конечно, нет. Вся ценность отрывка — в тех мыслях, чувствах, настроениях, которые передаются через образы.

Отрывок Пушкина, картина, в нем отображенная, потому так волнует наши чувства и представления, что слова и краски в нем самые простые, чистые, ясные и обозначают они признаки предметов конкретных, зримых. Это не горы вообще, а конкретные, наблюдаемые в определенный час суток, с определенного места. И это не застывшая каменная громада. Горы у Пушкина, хоть и кажутся «недвижной цепью облаков», живут, переливаются разными красками. Вот еще один отрывок:

Люблю песчаный кособор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи —
Да пруд под сенью в густых...

Отрывки из путешествия Онегина

Идея отрывка — любовь к тому простому, обыкновенному, что окружает повседневно, по дороге сердцу, потому что это частица твоей родины. И слова, и названные предметы — все тут самое простое, обыкновенное. И предметы-то названы без всякой видимой связи, логической последовательности. Вроде бы художник бросает на полотно любые подвернувшиеся под руку краски. А картина получается цельной, пластической, эмоциональной. В чем тут секрет? Секрет весь в глубине чувства, выраженного поэтом; в глубине ответных эмоций, пробуждающихся в душе читателя, и в тех мыслях и настроениях, которые, рождаясь из чувства, сопутствуют нашим эмоциям.

Творчество — это процесс поиска и создания художественных средств и форм эмоциональной передачи того, что живет в воображении художника, что волнует его. Поэт стремится воздейство-

вать на эмоции и представления читателя. В цитированных стихах Пушкина это воздействие оказывается через картины предметного мира, окрашенные чувством, настроением поэта. Поэт, вроде бы, производит простое «называние» — «песчаный косогор, перед избушкой две рябины, калитку, сломанный забор»... Почему же в нашем воображении рождается живая, очень знакомая нам картина? Да потому, что наше воображение обладает замечательной способностью по каким-то отдельным деталям воссоздавать картины того, что мы когда-то видели, что оказало воздействие на наши чувства. К нашему эмоциональному опыту, к образам памяти поэт и обращается.

Простое название предметов может остаться лишь попыткой поэта вызвать в нашем представлении их образы. Чтобы эта попытка увенчалась успехом, поэт, используя различные, в частности, музыкальные свойства слова, стремится пробудить способность воспринимать слова как зрительные объекты, пытается активизировать органы восприятия, наше любопытство. То ли ситуацией, то ли ритмом, интонацией фразы он настраивает на пугную волну наше воображение.

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка...

В этих стихах Лермонтова в первой же строке создана ситуация. Заданы условия: «когда волнуется желтеющая нива»; при этих условиях происходит что-то; мы не знаем что, но по интонации фразы догадываемся, что происходит что-то глубоко касающееся души поэта.

Поэт не стесняет наши представления излишней конкретизацией предмета и, выделяя какую-то выразительную частность, заставляет наше воображение воссоздать целое. Он называет лишь то, что с полной определенностью воспринимается нашим воображением: «песчаный косогор», «сломанный забор», «серенькие тучи».

Когда мы читаем стихотворение, нас интересует не то, насколько верно и полно изобразил поэт словами предмет, а насколько глубоко и своеобразно воспринял, почувствовал его и тем самым глубоко затронул наши эмоции, мысли, представления. Следует, что и наше ощущение, будто мы, читая стихи, видим своим воображением целостные пространственные картины, иллюзорно. При чтении стихотворения воображение рождает поток представлений. Едва мы ощути́м аромат, волнение одного зрительного образа, как его сменяет другое. В итоге, читая, мы меньше всего созерцаем; главным образом наши чувства и восприятия погружены в мир духовной жизни самого поэта или его героя, — в мир идеи.

Выражая свои мысли, отношение к действительности, поэты широко используют мелодические свойства слова... В тех стихах Пушкина, Лермонтова, что цитировались выше, живописные картины столь эмоциональны не только потому, что поэты сумели найти емкие, точные зрительные детали. В них пленяет еще и тональность стиха, вполне соответствующая и настроению поэта, при котором наиболее полно воспринимается красота и гармония, наиболее достойно, благородно проявляется то сильное, гордое, то элегическое, то, быть может, несколько застенчивое, но глубокое чувство. И можно заметить, что картины действительности, вызывающей чувства глубокой любви, большие поэты рисуют в тональности, соответствующей внутренней гармонии. В ней могут быть оттенки грусти, боли, тоски или страдания, однако главным, основополагающим мотивом останется умиротворенность. Для примера можно сравнить картины природы в стихах двух очень разных поэтов, разных по темпераменту, мироощущению и восприятию — Пушкина и Лермонтова.

В «Родине» М. Лермонтов признается, что отчизну любит «странною любовью», а за что любит, того не знает и сам. Любит он

Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее подобные морям...

Его взору предстают «дрожащие огни печальных деревень», вдали «дымок спаленной жнивьи», «чета белеющих берез», гумно, изба, покрытая соломой, «с резными ставнями окно». И любо ему «в праздник, вечером росистым», смотреть на пляску мужиков — с топаньем и свистом.

Простые, но удивительно красочные слова и детали. По тональности и по настроению «Родина» полифоничней «Отрывков» Пушкина. В «Отрывках» Пушкина передано лишь одно состояние духа — элегическое. В «Родине» Лермонтова прорываются и потки боли — «люблю отчизну я, но странною любовью», и несколько ироничное восхищение — «на пляску с топаньем и свистом», но главная тональность — элегичность, ощущение «отрады многим незнакомой»:

Люблю дымок спаленной жнивьи,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой пивы
Чету белеющих берез...

Другое дело там, где поэту падо передать не столько любовь, сколько чувство восторга и восхищения. Как мы уже видели,

у Пушкина в этом случае тональность стиха приобретает бравурную окраску, ритмика становится более стремительной, энергичной:

В венце блистая ледяном,
Эльбрус огромный, величавый,
Белел на небе голубом.

Действенным художественным средством становится тональность при умелом использовании ее для обрисовки психологического портрета или передачи внутреннего состояния героя.

В «Графе Нулине» Пушкин добивается великолепного эффекта в передаче внутреннего состояния Натальи Павловны в те минуты, когда приближается к дому пока еще незнакомый ей граф. Используя тональность стиха, эмоциональную расстановку авторских реплик и слов Натальи Павловны, поэт так показал это:

«...Скорей, скорей!..».

Слуга бежит.

Наталья Павловна спешит

Взбить пышный локон, шаль накинуть,

Задернуть завес, стул подвинуть.

И ждет. «Да скоро ль, мой творец?».

Поэт, не использующий тональность для большей выразительности произведения, безжалостно обкрадывает себя. У взыскательного художника нередко случается, что он бьется и никак не может выразить словами то, что «буйствует в груди прозрачною волною» (Фет). Л. Толстой сетовал: нельзя ли «как-нибудь перелить в другого свой взгляд при виде природы»? И в этих случаях, сознавая бессилие с помощью слова выразить свои эмоции, тончайшие переливы чувств, поэт прибегает к помощи звуковых, интонационно-мелодических свойств речи.

Музыкально-мелодические возможности слова поистине громадны. Велико значение ритмико-мелодического содержания в идейном содержании произведения. Замечательные художники слова, передавая свое мелодическое настроение, не подражали звукам природы, а творили «из самого себя», воспроизводили свои ощущения, восприятия, переживания. И если в их стихах слышатся звуки природы, то родились они все-таки не из подражания, а именно «из самого себя», из своего настроения.

О том, сколь невысока радость, доставляемая ловкостью в звукоподражании словом, свидетельствует, например, стихотворение А. Вознесенского «Бой петухов» («День поэзии», М., «Советский писатель», 1969).

Петухи!
Петухи!
Потуши!
Потуши!..
Спор
шпор.

Так начинается звукописание боя петухов. Четыре возгласа — два звонких, два глухих, еще два звукоподражания, и перед вами картина живых звуков. Петушиных. Но это пока что прелюдия. А вот дальнейшее развитие музыкальной темы:

Кукаре —
кукарехнулись!
Кухарка.
Харакири.
Хррр...

Ничего не скажешь, мастерски передано звуками то, как отрывают голову петуху, как тот захрипел, захлебываясь собственной кровью. А потом — хррр,— и готов, отжил свое, петя-петушок, золотой гребешок... В чем идея «Боя петухов»?..

Какое бешеное счастье,
хрипя воронкой горловой,
под улюлюканье промчатся
с оторванною головой!

Описав, как чувствовал и вел себя петух, когда ему отрывали голову, поэт, переполненный чувствами от такого зрелища, продолжает:

О лабухи Иерихона!
Империи и небосклоны.
Зареванные города.
Серебряные голоса.
(А кошка, злая как оса,
Не залетит на небеса).

Какое здесь чувство-отношение поэт выражает? Что за предмет, пробудивший все эти эмоции?.. Здесь заурядная словесная эквилибристика.

У современных поэтов, в том числе и у А. Вознесенского, есть немало произведений, отличающихся выразительностью идеи, глубокой содержательностью ритмов, богатством интонаций, мелодикой стиха, произведений, в которых отчетливо выражены чувства-отношения.

Конкретные классические произведения, художественный опыт лучших писателей говорят о том, что художник творит не образы-понятия, а эмоциональные образы отдельного, характерного, вполне сознавая, что эмоциональное в произведении нужно не само по себе, а как средство воздействия на дух и разум человека.

В. С. ИЛЬИН

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ
О РОДНОМ СЛОВЕ

Демьян БЕДНЫЙ

МОЙ СТИХ

Только враги или недоумки могут уверять нас, что изучение классических творческих приемов есть уход от современности. Что же тогда сказать о Марксе, который читал Шекспира, Эхила и Гете? Вот куда «уводит» нас Маркс...

О писательском труде

Народ — сам — великий творец, сам он — глубокий выразитель своих раздумий, сам он — коллективный создатель гениальных песен. Подойдите к нему с уважением, слушайте его любовно и унесите воспринятое от него с благодарностью. И тогда вы сами за свои песни будете иметь народную любовь, уважение и благодарность.

«Правда», 15 января 1925

(Продолжение на страницах 50, 51, 52, 53, 56,
57)

К 90-летию
со дня рождения
Демьяна Бедного

МЕТКО...
ЕДКО...

Он в шутку рассказал, как однажды просили его в редакции:

Ты б на прежнюю дорожку:
Обо всем бы поемножку,
С сердцем,
С перцем,
Метко,
Едко,
Как писал ты, брат, нередко
В боевую нашу пору,
Кроя густо вражью свору,
Отмечая наши вехи,
И успехи,
И прорехи,
И героизмо,
И пороки,—
Звонко пели стрелы-строки
И впивались, словно осы,
В злободневные вопросы...

Здесь точное определение демьяновской установки в поэзии, ее стиля.

Слово Демьяна — боевое, мобилизующее, горячее. У него дар особенный — зажигать вдохновленным призывом, клеймить, убивать смехом. И это с помощью самого обыденного слова — простого, народного.

Его стихи — примечательная летопись многих десятилетий: до-революционная Россия, мировая война, февральские дни, Октябрь, кольцо фронтов, НЭП, великая стройка в городе и деревне, Отечественная война... Все это, а также события, происходившие за рубежом, прослеживаются по его басням, стихам-лозунгам, фельетонам, поэмам, повестям, эпиграммам и экспромтам, плакатным надписям — с удивительной достоверностью, день за днем, год за годом.

Он захватывал эпоху и вширь и вглубь, со всеми оттенками острейших схваток, политические течения, противоборствующие тенденции, все новое, что приносили бурные дни, моментально улавливая большое и малое, кипение страстей, живые лица и голоса. Точная политическая мысль давала возможность привести изображаемое в строгую логическую систему, дать чеканный вывод. Для кого-то время представлялось неразгадываемым кружением неведомо как поднявшихся стихий — у Д. Бедного, напротив, определенность и ясность художественного взгляда.

Большой знаток пародной речи, фольклорист, собиратель примечательных по мысли и стилистике песен, сказов, притч, басен, присловий, частушек, цепитель могучих талантов — Эзопа, Крылова, Пушкина, Некрасова, Щедрина — он свободно распоряжается словесными средствами, черная их из надежного источника бездонной глубины самой жизни. Слово Демьяна — гибкое, игривое, легкое, заражающее, веселое, пасмешливое. Оно как бы неожиданно взрывается и дает вспышки. В нем — слове агитатора — пафос, торжествующая сатира, находчивость, неожиданные смысловые повороты.

Обычная форма его искусства — разговор с массами, обращенный к ним призыв. Это объяснение начистоту, правда до конца. Как отличаются его стихи — скорее зажигательные речи с большой трибуны, перед миллионными массами — от тех комнатных элегий, которыми предельно заполнялись дореволюционные сборники.

До Д. Бедного агитация в стихах, обращенная к народу, никогда не приобретала такого размаха, не была такой мобилизующей и вызывающей непосредственную реакцию.

Прошло много лет. Но и теперь ощутима сила граненого стиха «В огненном кольце» — обращения к народам нашей Родины в день Первого мая 1918 года:

Еще не все сломили мы преграды,
Еще гадать нам рано о конце.
Со всех сторон теснят нас злые гады.
Товарищи, мы — в огненном кольце!
На нас идет вся хищная порода.
Насильники стоят в родном краю.
Судьбою нам дано лишь два исхода:
Иль победить, иль честно пасть в бою!..
Товарищи! В возвышенных падеждах,
Кто духом пал, отрады не найдет.
Позор тому, кто в траурных одеждах
Сегодня к нам на праздник наш придет.

В теоретических построениях о сдвигах, происходивших в художественной стилистике начала века, обычно называют символистов, акмеистов, футуристов, обновивших изобразительные сред-

ства. Разумеется, необходим учет всего того, что они сделали или пытались сделать. Но если соразмерить их реальные достижения с тем, что требовало время, то ведь вполне очевидно, что они не могли, не отказавшись от узких представлений, субъективизма, крайностей своих теорий, дать времени то, что оно требовало.

Поэтесса пишет, например:

Любовь мою живит лишь меркнувший закат,
Где вздохи разлиты,
Увядших трав осенний аромат,
Последний луч под сумраком утрат,
И вспышки дерзкие, и жадные мечты
Большой, но сладкой красоты.

Называть автора этих строк вряд ли стоит. Эта тональность была очень распространенной. Здесь по-своему переданы ощущения изломанной души. Они, эти настроения, многих заражали, потому что преподносились в форме, несомненно, обновленной, «изящной», психологизированной.

Но ведь трагедия мировой войны, революционная эпоха и связанные с этим судьбы миллионов не могли быть отражены с помощью таких средств. Нужно было, чтоб политика прямо ворвалась в стих, нашла самое точное определение, не замутненное пустяшным и ложным суемудрием. Нужен был не жалобный вопли растерявшихся одиночек, а набатный призыв, уверенный

...Учитесь говорить так, чтобы вас слушали... писать так, чтобы вас читали. У вас должен быть... голос, доходящий до читательского сердца. Вы должны «петь» так, чтобы сердце рабочего и крестьянина перед вами раскрылось.

«Правда», 15 января 1925

Писатель я простой породы,
И простота — моя черта.
Мои стихи — сатиры, оды
Про героические годы —
Мои живые рапорта.

Мой рапорт
XVII съезду партии

Нет, наша речь красна *здоровой красотой*.
В здоровом языке здоровый есть устой.
Гранитная скала шлифуется веками.
Учитель мудрый, речь ведя с учениками,
Их учит истине и точной и простой.

О соловье

тон, покоряющая логика, дисциплина формы, внушительные слова. И Д. Бедный дал это.

Когда Юденич шел на Петроград, поэт посылает обращение:

Осада! Осада!
Бойцы Петрограда,
Привет вам из Красной Москвы!
Восторженных слов говорить вам не надо,
Бойцы Петрограда,
Победу решаете вы!..

Вся барская свора,
Вся челядь — опора
Своих благодетелей, бар —
На вас наступает в неистовстве яром.
Бойцы Петрограда, вы встали недаром:
Врагу вы ответите мощным ударом.
Удар — на удар!

На защиту Красного Питера

В этих торжественных строках — чеканная поступь атакующих, лязг оружия, клятва непоколебимой верности, как бы из металла отлитые фразы.. Прямой наводкой били они врага, воодушевляя измученных защитников осажденного города — форпоста революции.

Д. Бедный — мастер лозунга, призыва, плаката, обобщенных социально-политических и бытовых характеристик, портрета. Не

Язык — мое оружие —
Он ваш язык родной.
Без вывертов, без хитростей,
Без вычурных прикрас,
Всю правду-матку попросту
Он скажет в самый раз.
Из недр народных мой язык
И жизнь и мощь берет.
Такой язык не терпит лжи,
Такой язык не врет.
У Кривды — голос ласковый,
Медовые уста,

У Правды — речь укорная,
Сурова и проста;
У Кривды — сто лазеечек,
У Правды — ни одной;
У Кривды — путь извилистый,
У Правды — путь прямой;
В сапожках Кривда в лайковых,
А Правда — босиком, —
Но за босою Правдою
Пойдем мы напрямком!

Правда-матка

Гений, подлинный гений, бесспорный,
Если он не работник упорный,
Сколько б он ни шумел, свою славу трубя,
Есть только лишь дробь самого себя.
Кто хочет и мудро писать и напевно,
Тот чеканит свой стиль ежедневно.

О писательском труде

легко было простому человеку разобраться хотя бы в тех партиях, которые конкурировали между собой во время выборов в учредительное собрание. И вот Д. Бедный дает сатирические характеристики буржуазных партий, представленных в избирательном списке. Он умел выставить сущное напоказ, крупным плапом. На меньшевистскую статью в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» о том, что «организованное братание возможно лишь после заключения всеобщего мира», Д. Бедный отвечает насмешкой:

Товарищ, сойдемся вдвоем
И во всем поквитаемся:
Сначала друг друга уьем,
А потом... побратаемся.
Братание после смерти

Кто такие анархисты, призывавшие в 1918 году разнести Смольный? У Бедного они выглядят так:

Три прокравшихся кассира,
Два гвардейских кирасира,
Титулованных два вора,
Певчий княжеского хора,
Бывший пристав Невской части,
Баронесса рыжей масти,
Два подержанных барона,
Три усатых фараона,
Поп расстриженный, псаломщик,

Поэт заслуженно любим и знаменит,
И стих его в сердца сограждан проникает,
Когда народным счастьем он сверкает
И радостью народною звенит.

Страна любит его

Где слово русских прозвучало,
Восприял друг и враг поник.
Русь — наших доблестей начало
И животворных сил родник.
Служа ее опорой твердой
В культурной стройке и в бою,
Любовью пламенной и гордой
Мы любим *Родину* свою!

Русь

Лев Толстой был величайшим работником. Гений — это труд. Любимый, конечно.

Д. Бедный. Письмо П. П. Миренскому.
12 августа 1913

Черносотенный погромщик,
Адвокат, лишенный званья,
Шурка, Мурка и Маланья,
Дуня, Груня, Саша, Маша,
Шесть «котов» и их «мамаша»,
Их публичная «хозяйка»...
Замечательная шайка!

Кто они такие

Так Демьян разъяснял содержание общественных явлений, просвещая «низы». Нужен был особый язык — глубоко народный, разговорный, массовый — с запоминающимися характеристиками, крылатыми фразами, кличками, предельной емкостью, игрой слов, намеками, лукавинкой.

Так созданы хлесткие по разоблачительности вещи — «Геперал Шкуро», «Добьем Иуденичей», «Манифест барона фон Врагеля», сатирические портреты всяких «кандидатов на фонари», «пресмыкающихся», «акул».

Так появилась «Песенка» о разборе корниловского дела:

То корнилится,
То мне керится,
Будет вправду ль суд,—
Мне не верится.

Так родились издевательские заглавия: «Вдоль по Керенской», «Про тары-бары-растабары одной белогвардейской гагары»

Пою. Но разве я «пою»?
Мой голос огрубел в бою,
И стих мой... блеску нет в его простом наряде.
Не на сверкающей эстраде
Пред «чистой публикой», восторженно-немой,
И не под скрипок стон чарующе-напевный
Я возвышаю голос мой —
Глухой, надтреснутый, насмешливый и гневный.
Наследья тяжкого неся проклятый груз,
Я не служитель муз:
Мой твердый, четкий стих — мой подвиг ежедневный.
Родной народ, страдалец трудовой,
Мне важен суд лишь твой,
Ты мне один судья прямой, нелицемерный,
Ты, чьих надежд и дум я — выразитель верный,
Ты, темных чьих углов я — «пес сторожевой»!

Мой стих

(о Е. Кусковой), «Социал-заики», «Социал-мошенники», «Социал-траурным предателям», «Ультимативный испуг», «Уныло-твердолобый романс», «Догенуэзился», «Дерунов 1001-й», «По коню и по оглоблям», «Полковник „Кулак-Кулакович“», «Отцы духовные, их помыслы греховные».

Не было тогда ни одного мрачного имени у нас и за рубежом, которое обошел бы Д. Бедный. И как далеко смотрел вперед...

Ведь это ему принадлежат стихи о том, что такое Троцкий, его сподручные и как троцкизм побратался с фашизмом. Любой мастер сатиры может только завидовать приемам уничтожающего сарказма. Самые точные слова, без промаха бьющие в цель. Гнев и презрение...

Троцкий!.. Вот где грязи — вдвое!
Вот фашистский где герой!..
Вот кто знает все каналы
Журналистского жулья,
Вот кто прет материалы
Для фашистского вранья...
Есть народная примета
(У народа глаз остер)
Про брехливого валета
Говорит примета эта:
«Шибко ехал, пятки стер!».
Троцкий пятки стер и совесть.
Смрад! Предельная черта!
Нам портрет такой не в новость:
Троцкий — с пеною у рта...
Ждем последнего «этапа»,
Остается он один:
*«Троцкий с паспортом гестапо
Срочно выехал в Берлин».*
Там прямой приют бандиту,
Там он, мстить нам дав зарок,
За друзей своих и свиту,
Обретет себе защиту...
На большой ли только срок?!

Двуединая волна

Д. Бедный артистически владел формой стихотворного сказа, улавливая оттенки интонации. Убедителен его диалог. Свободно вводит он зазорные словечки:

Враги хотят нас сжить со свету.
А комсомольская братва?!
Глядите, сила какова!
И у меня тревоги нету.
Чтоб уничтожить силу эту?
И-ну, чёрта с два!!

Демьяновский раешник — это нескованная разговорная речь, с подчеркиванием смысла, подвижным ритмическим рисунком, но

без срывов и провалов, без той нарочитой аритмии, которая так нравится иным экспериментаторам и напоминает езду на телеге по рытвинам.

В стихотворении «Мусор» свободная ритмическая организация стиха усиливает характеристику той части нашей интеллигенции, которая мало дает народу, но много потребляет:

Ловкачи породы такой
Тары-бары-растабаринской
Хотят строить, пахать, проводя день-деньской
Чуть ли не на «Тверской-Ямской.
На Варваринской»!..
Все это, шут их дери,
Дутые пузыри,
Истерично-визгливые,
Чванно-брезгливые,
Столичные штучки,
Белоручки,
Холуи — карьеристы,
Канцеляристы...

В поэме «Шайтан-арба» — о строителях Турксиба — интонация подчеркивает трудовой подвиг:

Обстановочка, да, боевая.
Шли, одначе, вперед, от жары изнывая,
В непрерывном с пустыней бою
Стальную ведя колесю
Через горные скалы,
Через провалы,
Через пески.
Кровь стучала в виски...

Легко подчинялась ему и становилась легкой и оригинальной форма. Вот начало повести на острую бытовую тему — «Липа»:

В Липецке — липы, липы,
В Липецке — липовый дух,
В Липецке — типы, типы...
Ух-х-х-х!

За каждой строкой поэта стоит народ. Ему — вся любовь, крепкое рукопожатие, добрая улыбка. Не случаен псевдоним: Демьян Бедный — Мужик Вредный. Или: Солдат Яшка — Медная пряжка. Охотно доверял он свои мысли человеку пламенной речи Якиме Нагому — герою некрасовской мятежной поэмы. Особенно любил Демьян своего героя — деда Софрона. Это собирательный образ мужика — умного, делового, наблюдательного, к тому же сказочника, балагура, песенника. Его мышление мудрое и образное, он весь — в фольклоре, в национальном словесном орнаменте. Это — предшественник дедов из поэзии А. Твардовского, да и сам Васи-

лий Теркин чем-то сродни тому деду. Во время гражданской войны Софрон ходит по селам, сзывает на бой с интервентами, чтоб

по первой по тревоге боевой,
Да боевой
Заградить себя стеною огневой,
Да огневой...

Д. Бедный чувствовал великое обаяние характера трудового человека, воспел его в «Тяге», «Курином Броде», «Шайтан-арбе» и во многих торжественных гимнах труду.

Он знал вернее других, что только гением народа мог быть создан тот язык, в котором поэт находил живые краски, экспрессию, мощь.

Тем труднее объяснить известные срывы, когда Бедный, критикуя хозяйственные неполадки, безответственность и безалаберность отдельных руководителей, обрушился вдруг на русский национальный характер («Слезай с печки!», «Без пощады», «Перерва») и по сути присоединился к бытовавшей в то время одной ложной концепции: русские — нация Обломовых. Это не удивило бы, если исходило от какого-то невысокого разумом озлобленного ненавистника, невежды. Но ведь Д. Бедный — умный политик, хорошо знавший, как русские чудо-богатыри били интервентов, воз-

Только постоянно помня, для кого вы пишете и с какой целью пишете, вы будете знать, как писать и что писать.

«Правда», 15 января 1925

На ниве черной пахарь скромный,
Тяну я свой нехитрый гуж.

Претит мне стих языколомный,
Невразумительный к тому ж.

Держался формы четкой, строгой,
С народным говором в ладу,
Иду проторенной дорогой,
Речь всем доступную веду.

Прост мой язык, и мысли тоже:
В них нет заумной новизны,—
Как чистый ключ в кремнистом ложе,
Они прозрачны и ясны.

Зато, когда задорным смехом
Вспугну я всех гадюк и сов,
В ответ звучат мне гулким эхом
Миллионы бодрых голосов:

рождали страну, какая богатейшая культура и великий социальный опыт стояли за нашим народом. И вдруг:

Мы — словесные ухари. Сразу мы вспыхнем
И немедля сыреем и дрыхнем.

Лень, сон, лежание на печке, пьянка — извечные, якобы, черты русского народа. Все это Д. Бедный пытался подтвердить, ссылаясь на пословицы и поговорки, неожиданно забыв о том, что гораздо сильнее в русском фольклоре отражены ум, смелость, деловитость, нравственная чистота нашего народа. Ложная идея обедняла и художественную речь поэта.

Было у него даже такое утверждение:

Старая наша «культура»...
Ничего-то в ней ценного нет!

И вот русская старина в комическом действе — «Богатыри» на подмостках театра... В 1931 году после критики этих грубых домыслов Д. Бедный скажет, что он «перекричал», допустил «перегиб». Так оно и было, хотя история с «Богатырями», которые были сняты с репертуара, произошла позже, в 1936 году.

Этот случай не единственный. У нас немало было охотников, которые стремились побольше вычеркнуть из тысячелетней истории России, бросить мрачную тень на национальный характер тру-

---

«Да-ешь?!» — «Да-ешь!» — В движение массы.
«Свалил?» — «Готово!» — «Будь здоров!»
Как мне смешны тогда гримасы
Литературных маклеров!

Нужна ли Правде позолота?
Мой честный стих, лети стрелой —
Вперед и выше! — от болота
Литературщины гнилой!

Вперед и выше!

Но слово есть одно, святое слово,
То слово — Труд. Оно горит огнем,
Оно звучит чеканно и сурово.
Вся наша мощь, все упование в нем.
Товарищ, знай, справляя наш субботник:
К победе путь — тернист и каменист.
Кто коммунист — тот истинный работник,
Кто не работник — тот не коммунист!

Труд

нового русского народа, подвергнуть сомнению подлинность его культурных достижений в прошлом. Дело это, конечно, не безобидное, если учесть, как одновременно за рубежом во всю мочь трудились и до сей поры не знают отдыха всякие «специалисты» по древней и более поздней истории России, чтоб доказать заимствованный характер и ее государственности, и ее культуры.

Поэтому критика Д. Бедного за его ошибки была принципиальной, необходимой, тем более, что весь разговор о русском характере возник в предвоенной обстановке, когда неточное определение носило особо острый политический смысл.

Поэт рассуждал куда справедливее потом, в критический период Отечественной войны:

Мы отразим врагов. Я верю в свой народ
Несокрушимую тысячелетней верой...
За всю историю суровую свою
Какую стойкую он выявил живучесть,
Какую в грозный час он показал могучесть,
Громя лихих врагов в решающем бою!..
Я верю в свой народ

Славя ратный подвиг всего советского народа, он ясно осознавал теперь значение героического прошлого, вспомнил поле Куликово — исторический пример мужества в борьбе за честь и независимость Родины:

Враг новый рыщет на Дону.
Помянем, братья, старину,
Почтим и прадедов и дедов...

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

I. Точное слово

Какое из указанных в скобках слов выбрали И. С. Тургенев и А. И. Куприн в приведенных примерах?

1. Между (дряхлыми, древними, старыми) яблонями и разросшимися кустами крыжовника пестрели круглые бледно-зеленые (вилки, кочаны, кочени) капуста; хмель винтами (увивал, обвивал, перевивал, завивал) высокие тычинки; (плотно, вплотную, тесно, впритирку) торчали на грядах бурые прутья, перепутанные засохшим горохом; большие плоские тыквы словно валялись на земле; огурцы желтели из-под запыленных угловатых листьев; вдоль плетня качалась (высоченная, высокая, длинная) крапива; в двух или трех местах кругом росли: татарская жимолость, бузина, шиповник — остатки прежних «клуб».

Не мало из того, что было написано Д. Бедным, теперь стало фактом истории, потеряло прежнее значение. Но многое живет, сохраняя общественную и эстетическую значимость. Животворна его литературная позиция. Он был прав, когда резко отвергал «стих языколомный, невразумительный к тому ж», «держался формы четкой, строгой, с народным говором в ладу».

Конечно, Демьян Бедный не всегда достигал совершенства, форма становилась иногда рыхлой, а стих многословным, однообразным по приемам, но само по себе стремление поэта к демократизации, к простоте, доходчивости, народности, к широчайшему использованию говора масс — все это было позже воспринято М. Исаковским, А. Твардовским и другими знатоками народной речи.

И остается как боевое завещание:

Писал я, друзья, не для славы,
Не для легкой забавы,
Не для сердечной услады.
Не сладкие рулады,
Не соловьиные трели
Выводил я на нежной свирели:
Просты мои песни и грубы.
Писал я их, стиснувни зубы.
Не свирелью был стих мой — трубой,
Призывавшей вас всех на решительный бой
С мироедской разбойной оравой.
Не последним бойцом был я в схватке кровавой.

Просты мои песни

Ф. Г. БИРЮКОВ

Рисунок Ю. Космынина

---

2. (Близко, недалеко, неподалеку, поблизости, вблизи) от моста, перекинутого через (непокойный, бушующий, кипучий, бурлящий, шумный, бурливый) и грязный горный поток, выбегала из-под земли, в тени кривых дубов и (густого, плотного, сплошного) орешника, говорливая, (ледяная, студеная, холодная) струйка воды. Она проделала в (земле, почве, грунте) круглый (мелкий, небольшой, неглубокий) водоем, из которого (убегала, мчалась, неслась, сбегала) в ручей тонкой змейкой, блестящей в траве, как живое серебро.

II. История слова

Какие из указанных слов собственно русские, а какие заимствованные и из каких языков они пришли к нам?

Ага! (междометие), *аккурат*, *анализ*.

(Ответы на стр. 136)

«Русская речь» уже знакомила читателей с некоторыми материалами расширенного совещания Научного совета по лексикографии и лексикологии Отделения литературы и языка АН СССР, которое состоялось в апреле 1972 года. На совещании обсуждался проспект нового много-томного академического словаря русского языка. В № 5 нашего журнала за 1972 год были опубликованы выступления на совещании писателей Ф. А. Абрамова и Л. В. Успенского. В редакцию поступают отклики на эти публикации. Читатели просят рассказать подробнее о совещании, в частности о том, каково мнение ученых о будущем новом словаре.

В этом номере мы публикуем стенограмму выступления академика Д. С. Лихачева.

О СЛОВАРЯХ И СЛОВАРНИКАХ

Прежде всего я хочу согласиться с Ф. А. Абрамовым (см.: «Русская речь», 1972, № 5.— *Ред.*), что мы присутствуем при историческом событии — закладке нового большого словаря русского языка. Словари вообще — показатели культуры не только языка, а общей культуры народа, и поэтому это событие действительно очень важное и значительное. Важны не только словари, но и сама словарная работа в стране. Она должна вестись непрерывно, постоянно, должна быть преемственной. Я очень удовлетворен тем, что руководители Словаря, получившего Ленинскую премию, решили не останавливаться на прежних достижениях, не настаивать на простом переиздании Словаря, а начали работу над словарем новым. Это очень мужественный гражданственный поступок, потому что легче всего, конечно, отстаивать свои прежние завоевания и почить на лаврах (как часто делают многие ученые после переломного возраста, после 50—60 лет). Это заме-

чительно, и я хотел бы приветствовать наших инициаторов как настоящих ученых, для которых словарная работа имеет важное, внутреннее значение.

Мне хочется подчеркнуть, что я отнюдь не против переиздания. Нужно помнить о необходимости переиздавать старые словари, улучшать их, но ведь есть словари, которые с самого начала не могут быть рассчитаны на переиздание. Однотомники, двухтомники, четырехтомники — это тип словаря, который нужно совершенствовать. Четырехтомник, вышедший под редакцией А. П. Евгеньевой, с моей точки зрения, нужно переиздавать, перерабатывать каждые пять лет, — так, как делается, скажем, в Англии или во Франции в отношении словаря Вебстера, оксфордских словарей разного типа, которые постоянно совершенствуются и постоянно переиздаются. Это один тип словарей. Переиздавать же 17-томный Словарь, я думаю, не стоит, потому что переиздание его должно сопровождаться такой сильной переработкой, что нужно фактически делать новый словарь. Это не значит, что данный словарь плох. Просто он другого типа — 17-томный. Это важный культурный памятник и лингвистический источник своего времени. Он тесно связан со своим временем, с состоянием языка и науки тех лет, когда он выпускался.

Совершенно прав был Ф. А. Абрамов, когда говорил, что надо подумать о названии нового словаря, потому что назвать его «Новый академический словарь русского языка» — плохо. Следующий словарь, который будет издаваться лет через 30, нужно будет называть тогда «новейшим» в отличие от «нового». Ведь он новый только в тот период, когда издается. Так что нужно подумать над названием, чтобы оно было ясное, легкое, простое и запоминающееся.

Теперь о некоторых частностях представленного проекта словаря. В нем особо подчеркивается нормативность. Мне кажется, что с этим нужно быть осторожнее. Ведь в конце концов всякий словарь, даже двуязычный, в той или иной мере нормативен, если вдуматься. Элементы нормативности есть в любом словаре, даже в диалектологическом, и в словаре писателя есть элементы нормативности уже хотя бы потому, что выбор писателя является в известной мере нормативным. И работа писателя над своим языком нормативна, и работа редакторов и корректоров, вносящих свой немаловажный вклад, тоже норма-

тивна. Вместе с тем нормативность очень быстро устаревает и потому с ней надо быть осторожнее.

Язык развивается. И мы не можем давать рекомендации иногда для того или иного слова, отличать нормативную форму от ненормативной. Одно и то же слово в одних стилистических обстоятельствах будет удачным, в других — неудачным и ненормативным. Я думаю, что несколько форм, даваемых на выбор в словаре, необходимы. Слова ведь самого по себе не существует. Даже, если вы произносите, скажем, одно слово *ужас*, то ведь многое зависит от контекста языкового и жизненной ситуации, в которых слово произносится. Слово всегда существует в контексте, если не речевом, то обстоятельственном. Поэтому, когда для словаря она берется только, так сказать, в своей отвлеченной словарной функции, то нужно быть осторожным, так как словарь — это все-таки какое-то искусственное выделение слов. Вот почему особого упора на нормативности делать не следует. Нормативность, если говорить о литературном языке, несомненно будет, но нужно с ней быть осторожней. Как это сделать — пусть думают специалисты. Если вы писателю будете говорить, что именно такая форма рекомендуется, это вызовет у него психологический отпор. Лучше давать при слове детали стилистические пометы.

Нужно очень серьезно подумать об отборе авторов для цитирования. Просто брать известных писателей или писателей, допустим, премированных нельзя. У нас сейчас есть много хороших писателей, которые незаметно для себя, вовсе не в стилистических целях, делают крупные ошибки. Есть писатели, которые не требуют, чтобы их выдвигали в первый ряд, но язык которых поражает своей правильностью, знанием быта, обилием словаря. Ленинградцы хорошо знают В. М. Глинку. Это замечательный знаток быта и русского языка конца XVIII—XIX веков. Работник Эрмитажа, вещевед, он же и писатель. Его произведения отличаются хорошим языком, правильным, точным, огромным количеством слов из самых редких источников. Особенно, скажем, в «Старосольской повести» — старом его произведении.

Затем. Мне, как и некоторым выступавшим ранее на этом совещании, не совсем понятно, что значит «современный язык». Ведь современный язык включает в себе несколько, так сказать, кругов. Один круг — это те слова, которые я употребляю в живой речи, другой круг —

слова, которые я употребляю в письменной речи, гораздо шире. И третий, наиболее широкий, тот, который я понимаю и который является тоже фактом моего языка, хотя слова этого круга я и не употребляю. Пушкин — современный писатель или не современный? Я думаю, что современный. Это наше, я бы сказал, не культурное наследие, а культурная современность. Нужно очень хорошо обдумать вот эти, так называемые хронологические границы. В каждом круге они разные. Ориентироваться ли точно на те слова, которые я фактически употребляю, или и на те, которые я должен понимать? Я — за последнее. Следовательно, словарь Пушкина, с моей точки зрения, должен войти в состав нового словаря.

Здесь принято совершенно правильное решение — не включать научную и техническую терминологию в словарь. В целом это правильно в отношении тех научных терминов, которые можно разыскать в технических энциклопедиях, в технических словарях, в специальной научной и технической литературе. Но есть ремесла, есть промыслы, которые продолжаются многие века. И вот их терминология должна войти. Например, сельское хозяйство, охота, рыболовство — то, что всегда обогащало русский язык. Эти промыслы традиционны, и они выработали замечательный красивый язык. Я особенно настаиваю на языке охоты, на охотничьих терминах. С этой точки зрения я бы предложил просмотреть произведения Дряпского и включить их. Затем некоторые журналы, посвященные природе, жизни природы. Далее, такие промыслы и ремесла, как ткачество, портняжное дело, должны учитываться в словаре русского языка. Старый военный язык — это, конечно, специальный язык, который сейчас исчезает, потому что техника военного дела становится совершенно иной. Допустим, у нас сейчас нет кавалерии, а ведь с кавалерией связано очень много интересных слов и идиоматических выражений, которые полезно знать. Авторы, описывающие, например, первую мировую войну, делают много языковых ошибок.

В некоторых произведениях кавалерия выступает под звуки оркестра, что совершенно невозможно. В кавалерии оркестр назывался «хором трубачей». Здесь также нам очень мог бы помочь такой знаток быта, как В. М. Глинка, или Н. М. Дылевский, который специально много лет собирает старые военные выражения.

Теперь относительно фразеологизмов и идиоматиче-

ских выражений. Мне кажется, что выделять отдельные тома для фразеологизмов не нужно, потому что это совершенно другой словарь, который должен строиться на других принципах и иметь другие задачи. В конце концов фразеологизмы нельзя отделить от других идиоматических выражений. В словаре важно отразить не только значение слов, но и употребление. На этом правильно настаивал в свое время Б. А. Ларин. Оправдательные цитаты тем и важны, что они демонстрируют употребление слова. Но отделить идиоматические выражения от фразеологизмов очень нелегко, и поэтому я бы сказал, что идиоматике в словаре нужно придавать такое же значение, как, скажем, морфологии, фонетике и т. д., не выделяя идиоматизмы в отдельные тома.

Последнее, о чем я бы хотел сказать: о лексикографической работе в целом, об интересе к ней молодежи, о появлении новых специалистов в этой области, о пополнении рядов лексикографов. Если словарники будут заниматься только словарями, непосредственной словарной работой — это плохо. Словарник должен одновременно заниматься и такой работой, которая рекомендовала бы его как ученого в своей области. Нужна научная работа и наряду со словарями параллельное издание таких сборников, как, скажем, «Лексикографические бюллетени». Может быть, следовало бы назвать только это издание как-нибудь иначе, менее сухо. Одним словом, каждому работнику словаря, выборщику или составителю статьи для его внутреннего роста нужно давать возможность вести еще и научную работу, иметь научный план. Это обязательно. Только тогда у нас качество работы над словарями повысится. Словарник должен быть научным работником, ему нужно дать возможность вести исследования и защищать диссертации. Тогда мы по-настоящему заинтересуем талантливую молодежь работой в словарях и повысим уровень лексикографических трудов.

Высокий уровень словарной работы в стране — самый важный показатель языковой культуры.

Академик Д. С. ЛИХАЧЕВ

ДА Л Ь

И АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Первая половина XIX столетия в истории русского языкознания ознаменовалась выходом в свет ряда весьма интересных и ценных лингвистических словарей. Так, в 1803—1806 годах Н. Яновский опубликовал «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту...» в трех томах, представлявший собой наиболее полный лексикон иностранных слов, которым допуск в «Словарь Академии Российской» (1789—1794) всячески ограничивался. В 1806—1822 годах выходит шеститомный «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный». Этот академический словарь вместе со своим первооригиналом — словопроизводным словарем (1789—1794) — сыграл выдающуюся роль в дальнейшем развитии словарного дела в России. В 1834 году П. Соколов выпускает свой «Общий церковнославяно-русский словарь», вобравший в себя около 80 тысяч слов, то есть почти на 30 тысяч больше, чем «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный». Это был словарь учебного типа или, как тогда называли, «ручной словарь».

В 1835—1836 годах появляется замечательный «Русско-французский словарь...» Ф. Рейфа, который далеко выходил за рамки обычного двуязычного словаря, ибо в нем наряду с переводами русских слов на французский язык содержались многочисленные указания этимологического характера, разнообразные грамматические справки, умело подобранные производные слова и т. п. Недаром автор к заглавию своего словаря добавил: «Этимологический лексикон русского языка». К этому же типу лингвистических словарей относится и «Корнеслов русского языка...» Ф. Шимкевича, изданный в Петербурге в 1842 году.

Из других типов словарей этого периода следует еще отметить «Словарь русских синоним, или сослов...» под редакцией профессора А. Галича (1840), «Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного» В. Буриашева в двух томах (СПб., 1843—1844), «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» Н. Кирилова (СПб., 1845—1846), «Опыт русского простонародного словотолковника» М. Макарова (1846—1848) и некоторые другие.

В 1847 году Второе отделение Академии наук издает фундаментальный «Словарь церковнославянского и русского языка» в четырех томах, открывший новый этап в истории русской лексикографии. Одновременно отделение подготовило «Опыт областного великорусского словаря». Академик А. Х. Востоков заканчивает свой двухтомный труд — «Словарь церковнославянского языка» (1858—1861), а И. И. Срезневский начинает работу над «Материалами для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам»; Академия наук готовит к публикации «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря» и т. д.

Такой размах словарного дела не мог не заинтересовать русских писателей. Н. В. Гоголь на протяжении ряда лет собирает материалы для задуманного им «Объяснительного словаря русского языка», к составлению которого он приступил в последние годы жизни. По мнению писателя, его словарь должен был вобрать в себя лексику как книжно-письменного, так и живого, разговорно-народного языка. Однако идею создания такого полного словаря русского языка суждено было осуществить не Н. В. Гоголю, а его современнику, довольно популярному тогда писателю — Казаку Луганскому. Это был литературный псевдоним Владимира Ивановича Даля, автора знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка».

Как большой знаток и страстный собиратель лексического богатства русского национального языка, В. И. Даль был хорошо известен академическим кругам. Ему даже было предложено передать Академии наук запасы собранного им словарного материала. В своем «Напутном слове» В. И. Даль так рассказывает об этом курьезном случае: «Один из бывших министров просвещения (кн. Шихматов), по дошедшим до него слухам, предложил мне передать академии запасы свои, по принятой в то время расценке: по 15 коп. за каждое слово, пропущенное в словаре академии, и по 7 1/2 коп. за дополнение и поправку. Я предложил, взамен этой сделки, другую: отдаться совсем, и с запасами, и с посильными трудами своими, в полное распоряжение академии, не требуя и даже не желая ничего, кроме необходимого содержания; но на это не согласились, а повторили первое предложение. Я отправил

1000 прибавочных слов и 1000 дополнений, с надписью: *тысяча первая*. Меня спросили, много ли их еще в запасе? Я отвечал, что верно не знаю, но во всяком случае десятки тысяч. Покупка такого склада товара сомнительной доброты, по-видимому, не входила в расчет, и сделка оборвалась на первой тысяче».

Тогда В. И. Даль всю работу по составлению, редактированию и печатанию задуманного им Толкового словаря выполнил один, отдав любимому детищу 53 года напряженного труда. Всего он собрал и разместил в своем словаре более 200 тысяч слов, свыше 80 тысяч пословиц и поговорок, многочисленные сведения реально-энциклопедического, профессионально-терминологического и этнографического характера, которые не поддаются даже исчислению.

По подсчетам самого В. И. Даля, из академического Словаря 1847 года он позаимствовал и включил в Толковый словарь около 100 тысяч слов (из 114 749). В числе невключенных оказались в основном церковно-книжные и устарелые слова. Зато В. И. Даль более свободно вносит в свой словарь иностранные слова с указаниями на источники заимствования. По его мнению, «от исключения из словаря чужих слов их в обиходе, конечно, не убудет; а помещение их с удачным переводом могло бы иногда пробудить чувство, вкус и любовь к чистоте языка». Он хорошо понимал бесплодность и неразумность той борьбы, которую вели с иностранными словами составители академических словарей во главе с А. С. Шишковым. В. И. Даль подчеркивает, что «он не гонит анафемой все иностранные слова из русского языка», лишь стремится подыскать к ним русские эквиваленты, «подходящие к ним выражения» из живой народной речи. Разумеется, в решении этого вопроса В. И. Даля порой постигают неудачи, но в целом его Толковый словарь наиболее полно отразил несметное лексическое богатство общенародного русского языка.

Академические словари В. И. Даля всегда считал для себя непререкаемым авторитетом и постоянно ими пользовался в своей лексикографической практике. В «Напутном слове» читаем: «Первое признательное слово мое, по сему делу, должно быть обращено к словарям Академии, общему, на коем весь труд основан, и областным, коими запасы мои пополнены; затем я должен сказать искреннее спасибо и всем прочим русским словарям, служившим для справок и проверок».

Критические замечания, сделанные В. И. Далем в разное время по отношению к некоторым сторонам этих словарей, были под-сказаны ему теми новыми принципами, которые были положены в основу его словаря. Прямолинейность характера, искренность души, горячий патриотизм — все это наложило печать и на вы-

сказывания В. И. Даля, и на его художественные произведения, и на Толковый словарь. Даже в составленных им иллюстративных примерах он не может утаить свои переживания, сомнения и радости. Так, дойдя до слова *труд*, он не в состоянии скрыть охватившее его чувство радости: «Вековой труд мой спеет, печатается».

Значение Толкового словаря В. И. Даля для русской культуры, для русской филологической науки — непреходяще. Недаром имело хождение крылатое выражение: «Комната русского культурного человека — это стол, стул и Даль».

Велико познавательное значение этого труда: только пользуясь им, мы можем сейчас раскрыть значение устаревших слов и выражений, встречающихся в произведениях писателей XIX века. Именно поэтому «этот словарь должен быть настольной книгой всякого человека, изучающего и любящего русский народный язык» (В. В. Виноградов).

И. Т. СЕРГЕЕВ
Чебоксары

ДАЛЬ О ЯЗЫКЕ ОФЕНЕЙ

Владимир Иванович Даль известен как автор «Толкового словаря живого великорусского языка». Словарь обессмертил его имя, но в то же время определенным образом затмил все остальные стороны его многогранной деятельности. Обратимся к одной из них.

В 1849 году В. И. Даль получил назначение в Нижний Новгород на пост управляющего удельной конторой. Прибытие нового управляющего совпало с организацией и проведением в городе большой ярмарки, которая привлекла торговцев из самых отдаленных мест России.

Ярмарка стала для Даля местом знакомства с представителями различных губерний, всевозможных социальных групп. Нередко его внимание привлекали торговцы, туго перепоюсанные веревкой, в хорошо сплетенных лаптях, немного согнутые под тяжестью короба. Для молодых девушек в коробе имелись платки, для молодыхцев — хорошо спшитые рубахи с причудливой русской вышивкой. Для грамотных водились дешевые книжки с лу-

бочными картинками; для верующих на дне лежали прикрытые от чужого глаза маленькие иконы, популярные среди старообрядцев. Товар имелся для всех. В одних губерниях таких торговцев называли коробейниками, в других — просто торговцами, а порой их величали кушцами. Сами себя они называли офенями. Разговаривали часто офени на непонятном языке. В записной книжке В. И. Даля появляются записи выражений коробейников, например: «Юглай у массы ишвар, склешево отбиру (Бери у меня товар, дешево отдам)» или «Перегордаем в жуглую местомку, здебось лясо пропулим ишвару (Переедем в другое место, здесь мало продадим товару)».

Долгое время власти не обращали внимания на офеней. Но когда в 1853 году для борьбы с раскольниками был учрежден Особый секретный комитет, то неожиданно в бумагах этого нового царского учреждения стали упоминаться наряду со старообрядцами и офени. Дело в том, что во время обысков у раскольников часто находили письма, написанные на каком-то странном языке: слова вроде бы русские, но смысл их был непонятен. Между тем внимательные сыщики давно заметили, что примерно на таком же тайном языке разговаривают торговцы-офени. Для расшифровки непонятных писем нужен был словарь офенского языка.

9 января 1854 года Особый секретный комитет через своего члена графа Л. А. Перовского обратился за помощью к В. И. Далю.

В составлении подобных словарей у Даля был уже опыт: он составил небольшой словарь «Условного языка петербургских мошенников, известного под именем музыки или бойкового языка». Словарик Даля позволял понимать хитрую речь петербургских уголовников. В. И. Даль не мог пройти и мимо тайного языка ремесленников. В Петербурге он составил также очень интересный словарь языка шерстобитов.

17 января 1854 года В. И. Даль в письме к Перовскому сообщил о своем согласии составить словарь офенского языка, но при этом просил разрешения направить во Владимирскую губернию чиновника Лури с целью собрать материал для будущего словаря, так как считал свои материалы недостаточными. Вскоре этот чиновник был откомандирован. Он должен был пополнить имеющийся у Даля запас профессиональных слов, а также уточнить на месте значение многих неизвестных Далю слов диалектных. О своих наблюдениях Лури подробно информировал В. И. Даля: «...я встречал в деревнях ходящих с книгами и образцами, которые говорят по-офенски, но, как сами выражаются, не знают вполне всех тонкостей этого языка... несмотря на это, я приобрел от них до 150 новых слов и дополнил значение многих в словаре, составленном Вами».

Возвратившись в Нижний Новгород, Лури под руководством В. И. Даля начал лексикографическую обработку накопленного материала. Работа продолжалась полгода, и 14 декабря 1854 года В. И. Даль сообщил Перовскому о ее завершении.

В. И. Даль вместе с Лури составил не только толковый словарь тайного офенского языка, но в качестве приложения добавил свой полный русско-офенский словарь. Эта работа помогла раскрыть тайну офенского языка, но в то же время не оправдала надежд петербургских чиновников, занятых расследованиями раскольничьих дел. В представленном словаре офенского языка не было слов, которые касались бы раскола и были бы связаны с такими важными религиозными понятиями, как вера, бог, евангелие, ангел и т. д. Но в то же время словарь насыщен лексикой, касающейся в основном торговых отношений офеней: *алей* 'масло', *амота* 'сало', *букас* 'квас', *дуль* 'мужик', *бухарь* 'стакан', *бусильник* 'чай', *икакя* 'копейка', *арнач* 'вор' и мн. др.

В. И. Даль обстоятельно ответил на вопрос об отношении офенского языка к общенародному русскому языку. В отличие от многих филологов прошлого века он первым в России выступил против мнения, что офенский язык является частью живого русского языка. В статье «О наречиях русского языка» В. И. Даль обоснованно и справедливо упрекал составителей академического «Опыта областного великорусского словаря» в том, что они поместили в общий словник без всякой оговорки некоторые офенские слова, ничего общего не имеющие с диалектными. Язык офеней В. И. Даль считал искусственным, созданным в течение многих веков частично из переименованных русских слов: *масья* 'мать', *мастырить* 'делать'; частично из русских слов, которым дано другое значение: *костер* 'город', *косить* 'бить'; частично образованных «по русскому складу»: *шерсно* 'сукно', *скрылы* 'двери'; а также из заново придуманных: *воксари* 'дрова', *юсы* 'деньги' и т. д.

«...Офенский язык,— писал В. И. Даль,— изобретен хитрецками, разносчиками, чтобы свободнее изъясняться им при других о торговых делах, чтобы удобнее можно было обманывать простолюдинов. Примеры такого языка не редки: у парижских мошенников есть такой язык, в Германии известен также общий язык плутов... у питерских мазуриков — свой, впрочем, близкий к офенскому; у барышников и конокрадов образовалось несколько нужнейших речений, перековерканных с татарского; наконец, в былое время был язык волжских разбойников».

Словарь офенского языка В. И. Даля, как и его русско-офенский словарь, были подготовлены к печати, но осуществить издание не удалось. Чиновники, не найдя ответа на интересовавшие их политические вопросы, потеряли интерес к работе

В. И. Даля. Рукописи в скором времени затерялись в бумагах министерства внутренних дел.

Для самого же В. И. Даля работа над этими словарями была хорошей репетицией перед осуществлением своего основного замысла — составления «Толкового словаря живого великорусского языка».

*С. И. ЗИНИН,
доцент Ташкентского университета
имени В. И. Ленина*

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Разговорная речь... Как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике до сих пор четко не определено это понятие, нет единого мнения о принципах и источниках изучения разговорной речи. Но совершенно определенно можно отметить, что интерес к данной проблеме все больше и больше растет. Этому уделяют пристальное внимание наши языковеды и ученые Англии, Франции, Чехословакии, Японии, ряда других стран. У нас в СССР исследование русской разговорной речи ведется в Москве (в Институте русского языка АН СССР, Научно-методическом центре русского языка при МГУ, Университете дружбы народов имени П. Лумумбы), в Ленинграде, Саратове, Горьком, Душанбе, Ростове-на-Дону, Таганроге и т. д.

В настоящее время лингвисты исследуют разговорную речь, используя разнообразные источники: художественную литературу, магнитофонные записи, рукописные тексты. Художественная литература хранит бесценные образцы языка прошедших эпох, доносит до нас речевой колорит минувших лет, фиксирует речевые особенности наших современников. Пушкин, говоривший о необходимости сближения литературного языка с народным, подчеркивал, что «письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но он не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков».

Художники слова отбирают и типизируют характерные особенности разговорной речи, отражая их в языке персонажей своих произведений.

Советские ученые-языковеды тесно связывают проблему изучения разговорной речи с другой, очень важной проблемой современной лингвистики — социальной историей языка, его социальным функционированием. Задача социологического изучения языка становится в наши дни одной из важнейших в решении вопроса о связи языка и общества.

Таковы в общих чертах пути, по которым сейчас ведутся исследования в этой области. Советская лингвистическая наука сохраняет постоянную преемственность лучших достижений отечественного языкознания. Во вступительной статье к книге «И трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку» (М., 1952) академик В. В. Виноградов подчеркивал, что советскому языкознанию чуждо голое и легкомысленное отрицание языковедческой традиции, достижений прошлого развития лингвистической науки. В. В. Виноградов призывал тщательно разобраться в лингвистическом наследстве и творчески использовать то, что соответствует задачам советского языкознания.

Одним из первых русских ученых-лингвистов, кто обратил пристальное внимание на изучение живого разговорного языка, был И. А. Бодуэн де Куртене (1845—1929), удивительно талантливый и оригинальный исследователь-филолог. Бодуэн считал язык явлением социальным, тесно связывая историю языка с объективной историей общества, хотя понимание общества и законов его развития не было у него историко-материалистическим. Интерес к вопросам социальной дифференциации языка Бодуэн сохранил на протяжении всей научной деятельности. Л. В. Щерба, считавший себя одним из учеников Бодуэна де Куртене, отмечал у своего учителя «смелость мысли, большой заряд критического отношения ко всяким пережиткам в науке... безусловное уважение к живому языку и описательному языкознанию... понимание тесной связи языковых явлений с социальной жизнью их носителей» (Л. В. Щерба. Бодуэн де Куртене. Некролог.— «Известия по русскому языку и словесности», 1930, т. 3).

В статье «Некоторые общие замечания о языковедении и языке» Бодуэн де Куртене говорит о необходимости изучения живых языков во всем их разнообразии. «Сюда следует отнести,— пишет он,— народный язык во всей его полноте, разговорный язык (речь) всех слоев общества данного народа». Бодуэн подчеркивает, что данные, почерпнутые из исследования памятников письменности, «нужно дополнять рассмотрением строя и состава данного языка в нынешнем его состоянии» (Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963). Эта мысль видного лингвиста была направлена против косности в исследовании языковых проблем и для того времени была несомненно новаторской.

Как отмечал академик Щерба, именно в том, что Бодуэн де Куртенэ «звал от памятников к живым людям и всячески возражал против механического объяснения языковых изменений», и состоит «его основная и громадная заслуга перед наукой о языке» (Избранные работы по русскому языку. М., 1957).

О социальной природе языка, о связи между историей языка и «историей его посетителя, народа», о необходимости изучения живой речи неоднократно говорил и академик А. А. Шахматов (1864—1920), крупнейший русский лингвист, организатор, принимавший активное участие в решении равнообразных вопросов практического значения, связанных с культурой русского языка.

Будучи убежденным сторонником историзма в изучении языка, Шахматов считал, что в вопросах языка имеют значение два авторитета: авторитет самого народа и авторитет писателей — представителей духовной и умственной жизни народа. Шахматов говорил о необходимости собирать и систематизировать «падежный материал, из которого было бы видно, как говорит народ в различных областях России, как выражаются современные писатели, в каком значении употреблялись те или другие слова писателями прежнего времени...» («Сборник ОРЯС», 1899, т. 17, № 1). Шахматов хотел создать научную грамматику русского языка, в основу которой, по его мнению, «должен быть положен язык определенного круга (образцовых) писателей, работавших за последние два-три десятилетия, причем добытые результаты должны быть самым тщательным образом сопоставлены с наблюдениями над живым языком современного образованного общества, жителей столичных городов и других крупных центров» (Отзыв о сочинении В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи». Опыт русской стилистической грамматики. СПб., 1911).

Шахматов полагал, что история языка наиболее ярко отражена в письменных памятниках, и в то же время он опирается на данные современного живого языка и его говоров. В последние годы жизни ученый занимался в основном современным литературным языком. Он ставил перед собой задачу описать его живую грамматическую систему. Этим вопросам посвящены его работы «Очерк современного русского литературного языка» и «Синтаксис русского языка».

В работах академика Л. В. Щербы (1880—1944) много новых интересных мыслей и ценных замечаний, касающихся изучения живой разговорной речи, связи языка с историей народа. Лингвистические взгляды Л. В. Щербы прошли несколько этапов развития и переосмысления, поэтому и вопрос о социальной природе языка решался им на различных стадиях научной деятельности по-разному. В ранних работах он не учитывает социальной приро-

ды языка, определяя его как явление психическое. Затем он пересматривает свои взгляды, но все же социальный аспект языка до конца ему еще не представляется ясным. В середине 20-х годов в одном из своих научных докладов — «Основные принципы орфографии и их социальное значение» — Щерба уже четко говорит о языке как о социальном явлении, служащем для общения между людьми.

Щерба призывал к изучению живых языков, к проникновению в их сущность, систему, к их исследованию в процессе функционирования. Он писал о невозможности упрощения, схематизации при изучении языковых фактов, так как язык — кусочек жизни людей, а жизнь — явление сложное и многообразное. В статье «Современный русский литературный язык» Щерба рассматривает природу литературного языка, его специфику. Он считает, что в основе литературного языка лежит монолог, противопоставленный диалогу, свойственному разговорной речи. В этой связи Щерба подчеркивает, что все изменения в языке, проявляющиеся потом в монологической речи, «куются и накапливаются в кузнице разговорной речи». В другой работе — «Восточнолужицкое наречие» — Щерба утверждает, что «подлинное свое бытие язык обнаруживает в диалоге». С этим мнением соглашаются не все лингвисты, и оно является далеко не бесспорным, но интересно само стремление ученого находить подлинные истоки языка в живой разговорной речи. Щерба считал, и вполне справедливо, что «литературный язык меньше сам создает, чем берет созданное жизнью, а языковая жизнь бьется и кипит, главным образом, в разговорном языке отдельных человеческих группировок» (Избранные работы по русскому языку. М., 1957).

Он также отмечал постоянное взаимодействие литературного языка и диалектов, подчеркивая, что изменения, вырабатывающиеся в разговорном языке, а также факты диалектов мы склонны переносить и в литературный язык. Как ученый-теоретик и практик-педагог, академик Щерба был противником всякой схоластики в исследовании и подаче языковых явлений. Вот что он писал в статье «О частях речи в русском языке»: «Идеалом была для меня всегда замена схоластики, механического разбора — живой мыслью, наблюдением над живыми фактами языка, думаньем над ними...» (там же).

К вопросу об изучении разговорной речи обращался и другой известный русский языковед профессор Л. П. Якубинский (1892—1945). В его научных работах своеобразно отразились основные этапы развития русской науки о языке в первые десятилетия XX века. Якубинский был новатором в науке, искал новые пути лингвистического исследования, использовал новые приемы, стре-

мился проникнуть в новые функциональные области языка. Он был учеником И. А. Бодуэна де Куртене, Л. В. Щербы, А. А. Шахматова и сочетал богатую эрудицию по вопросам общего языкознания, внимание к научно-теоретическим проблемам с обширными знаниями в области восточнославянских и южнославянских языков. Якубинский выступал как борец за культуру речи, за культуру живого слова, неоднократно подчеркивал необходимость сочетания лингвистической теории с практическими задачами культуры речи.

Большой интерес для нас представляет его статья «О диалогической речи» (сб. «Русская речь». Пг., 1923). В этой статье Якубинский пишет о том, что рассмотрение языка в зависимости от условий общения является основной базой современного языкознания. Он отмечает важность различения диалога и монолога, на что обращал внимание и Л. В. Щерба. Л. П. Якубинский согласен с мнением Щербы о том, что подлинное свое бытие язык обнаруживает в диалоге. Высказывая интересные мысли о бытовом шаблоне и диалоге, Якубинский отмечает «обрастание шаблонных бытовых взаимодействий шаблонными речевыми взаимодействиями», говорит о соответствии шаблонов быта и речи как о явлении, действенном при речевом общении, определяющем восприятие речи и сам процесс говорения. Далее Якубинский пишет, что именно «диалогическая форма способствует протеканию речи в порядке автоматической деятельности». Однако ученый не утверждает, что диалог всегда автоматичен. Он отмечает изменяемость автоматической речи в направлении убыстрения, сокращения, упрощения. Якубинский подчеркивает настоятельную необходимость изучения функциональных многообразий речи во всем их объеме.

К проблеме изучения живой речи обращался Б. А. Ларин, один из крупнейших советских ученых-филологов (1893—1964). По его глубокому убеждению, древние памятники русской письменности, несмотря на их близость к народному разговорному языку, не дают возможности вскрыть все характерные черты разговорной речи того времени. Поэтому Ларин придает большое значение первым записям живой речи русских людей, сделанным иностранцами еще в начале XVII века. Ларин создает крупнейшее исследование «Три иностранных источника по истории русского языка XVI—XVII вв.». В 1959 году им был подготовлен к публикации «Русско-английский словарь — дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.)» (Л., 1959). «Первым циклом моих работ,— писал Ларин,— являются исследования живой речи — социальных и территориальных диалектов русского, литовского, украинского языков» (цитируется по статье А. И. Корнева.— «Вопросы теории и истории языка». Сборник статей, посвященных памяти Б. А. Ларина.

ЛГУ, 1969). Интерес к диалектологии появился у Ларина ещё в то время, когда он занимался в Петрограде в диалектологическом кружке Л. В. Щербы.

В 20-е годы Ларин начинает изучение живой речи и жаргонов городских жителей. Он проводит сбор материалов по разговорной речи горожан в Ленинграде и поселках городского типа Ленинградской области, готовит статьи по этой теме. Впервые в русской лингвистике Б. А. Ларин поставил и разрабатывал проблему «городской диалектологии». Ларин считал, что изучение этого вопроса поможет выяснить истинно научную историю общенародного живого и литературного языков: «Если бы картографически представить лингвистическую разработку, например, современной Европы, то самыми поразительными пробелами на ней оказались бы не отдаленные и непрístupные уголки, а именно большие города» (сб. «Русская речь». Вып. III. Л., 1928).

Разговорная речь, по мнению Ларина, это органическое сочетание письменных и разговорных арг, каждое из которых представляет собой цельную систему и не тождественно ни литературному языку, ни какому-либо крестьянскому диалекту. Ларин подчеркивает также необходимость подробного обследования говоров жителей фабрично-заводских поселков, малых городов и районных центров. Кстати, следует отметить, что изучение языка города было и остается одной из важнейших и актуальнейших задач не только русской, но и мировой лингвистики. Вот почему постановка этого вопроса Лариным имеет исключительно большое значение. Проблема эта еще ждет своих исследователей, особенно в наши дни, когда отмечается бурный рост городов.

Итак, мы окинули беглым взглядом некоторые этапы истории изучения русской разговорной речи. Сегодня этому вопросу уделяется все большее и большее внимание. И в современной лингвистике подчеркивается, что в данной области важно развивать исторический аспект изучения. Это позволит восстановить реальную картину становления русского национального языка, использовать, продолжить и развить те ценные наблюдения и выводы, касающиеся живой русской разговорной речи, которые сделали лучшие представители отечественной лингвистической школы.

В. П. ТРОФИМЕНКО
Ростов-на-Дону

МИР РОДНОЙ РЕЧИ

Читателям «Русской речи» хорошо знакома радиопередача «В мире слов». За время своего существования (десять лет) она получила сотни тысяч писем от любителей русского языка. Эти письма помогли авторам передач—заведующему сектором культуры русской речи Института русского языка АН СССР Л. И. Скворцову и редактору Всесоюзного радио З. Н. Люстровой— яснее представить и определить круг тем для бесед с радиослушателями. Материалы выпусков передачи «В мире слов» легли в основу книги З. Н. Люстровой и Л. И. Скворцова «Мир родной речи. Беседы о русском языке и культуре речи», изданной в серии «Народный университет культуры» (М., «Знание», 1972).

Популярные работы по языкознанию пишутся в особых условиях. Ведь в них объясняются и описываются факты и явления, с которыми все говорящие на этом языке сталкиваются ежедневно.

У говорящего вырабатывается свое, собственное лингвистическое мировоззрение, основанное на его личных вкусах и привычках. У него появляются суждения, которые противопоставляются другим суждениям, иногда собственно научным. Научное обоснование таких, например, фактов, как отношение правописания к произношению, может вызвать непонимание и даже протест, потому что и тем и другим читатель практически владеет (часто в совершенстве), а научное истолкование не совпадает со сложившимися у него представлениями об этих явлениях и их связях.

В силу этих обстоятельств популярная литература по языкознанию преследует в основном две цели — пропаганду знаний о языке (как о физике или астрономии) и пропаганду самой науки о языке, научного взгляда на

язык. Читателю необходимо заново открыть язык как неведомый мир, в котором действуют свои законы развития, царит гармония сочетаний слов и осуществляется определенная власть языковых форм.

З. Н. Люстрова и Л. И. Скворцов мир родной речи раскрывают перед читателем с разных сторон. Они рассказали о проблемах языковой нормы и стилях литературного языка, о русских диалектах и особенностях профессиональной речи, о словарях русского языка и истории отдельных слов и выражений. Непринужденные беседы сопровождаются введением в изложение научных терминов с объяснением их содержания. Разъяснены, например, такие термины: орфоэпия, диалектология, литературный язык, стиль языка, деловая речь и ряд других. Несомненно, все эти сведения значительно расширят лингвистические горизонты читателей.

Особенно интересны разделы «Умеем ли мы читать русских классиков?» и «Почему мы так говорим (из истории слов и выражений)», содержащие исторические комментарии к словам и выражениям, знакомым каждому читателю с детства по русской классической литературе и по живому употреблению в народно-разговорной речи, например, *лукоморье*:

«Каждый русский человек знает чудесные пушкинские строки из поэмы „Руслан и Людмила“:

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том,
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...

Но не все знают, каково значение слова *лукоморье*. Лукоморье — это извилистый морской берег или морской залив. *Лука* — буквально ‘дуга, кривизна’. Сравните *лук* — оружие для метания стрел; прилагательное *лукавый* — ‘хитрый, коварный’. Слово *лукоморье* очень древнее. Оно есть в летописях, в „Слове о полку Игореве“, в русских народных сказках. Сейчас оно ушло из живой речи и встречается только в поэтических художественных произведениях».

В миниатюрных новеллах раскрыты истоки выражений «турусы на колесах», «в ногах правды нет», «очерти голову», «как в воду глядел», «затрапезный вид» и других. Всем известно выражение *Аника-воин*. «Есть русская поговорка: „Аника-воин сидит да воет“. Имя *Аника* взято неспроста: по-гречески оно означает ‘непобедимый’.

Про война Анику есть сказка, в которой он хвастается, что не боится смерти, а когда она неожиданно появляется перед ним, начинает трусить и молить о пощаде.

Теперь кличка *Аника-воин* прилагается ко всякому хвастуну, храброму лишь на словах».

В книге изложен очень большой материал по орфографии, грамматике, стилистике, словоупотреблению. Авторы постоянно ориентируют читателя на литературные нормы в произношении, в сочетании слов и употреблении форм. Нормативные рекомендации сопровождаются разъяснениями, почему именно эта форма или это словоупотребление являются правильными. *Главный и заглавный, невежа и невежда, одеть и надеть, сходить и выходить* и многое другое обстоятельно комментируется и ставится «на свои места». Популяризация знаний о языке сочетается в книге с практической целью способствовать повышению культуры речи читателей.

Раскрывая перед читателем причины лингвистических дискуссий, споров о языке, которые «велись во все времена», потому что человеческое общество «не равнодушно к судьбе языка», авторы «Мира родной речи» с неизменным тактом указывают на решающую роль науки в борьбе за высокую культуру народа: «От того, насколько полно и верно наука изучит современное состояние языка и раскроет закономерности его развития, зависят отчасти дальнейшие его судьбы».

«Мир родной речи» можно назвать пособием по изучению языка и культуре речи, адресованным самым широким кругам любителей русского языка.

В. Н. ХОХЛАЧЕВА

КОСМИЧЕСКИЙ — ЗВЕЗДНЫЙ

Как понимать сочетание *космическая плавка*? Это плавка, которая проводилась в космосе, или плавка металла для нужд космонавтики? Этот вопрос задала «Литературная газета», стремясь оберечь нормы русского литературного словоупотребления (19 мая 1971).

Прилагательное *космический* — относительное, и предлагаемое толкование сочетания *космическая плавка* обусловлено именно этим основным значением слова *космический*. То же значение позволило образовать ряд новых словосочетаний — научных, технических (на *космических высотах*) и образных (*космические близнецы* — о космонавтах, побывавших в космосе в совместном полете). Можно отметить, как в пределах относительного прилагательного варьируется значение *космический* — ‘относящийся к космосу (в космосе, для космоса)’, ‘характеризующий космос’ и т. п. На основе относительного значения, связанного с самим понятием «космос», вырастает переносное качественное значение *космический* — ‘большой, огромный по размерам, масштабам’ и т. п.

Академик Л. В. Щерба еще в 1936 году в докладе «О второстепенных членах предложения» обратил внимание слушателей на различие особенностей значения и употребления прилагательных в сочетаниях: книжная торговля, счастливые слезы, пожарная тревога, пивной вкус и пивная бутылка. В сочетании *пивной вкус* определение *пивной* означает ‘вкус как у пива’, а в сочетании *пивная бутылка* — ‘бутылка из-под пива’, то есть бутылка определенного назначения. По сравнению с определением *железный* в *железный гвоздь* ‘сделанный из железа’ определение *пивной* (вкус) и *пивная* (бутылка) значит совсем иное. «Здесь, конечно, какой-то семантический скачок», — замечает Л. В. Щерба. (Избранные работы по языковедению и фонетике. Т. 1. Л., 1958).

Определение уточняет значение определяемого, расширяет его или сужает: марсианские сутки, лунный день, искусственный спутник. Синтаксическое единство «определение + определяемое» может оказаться промежуточным звеном на пути дальнейшего развития значения определяемого (*искусственный спутник* → *спутник* в значении ‘искусственный спутник’), создает возможность видоизменений в значении определения *космический*.

Мы проследили взаимодействие лексического и синтаксического в образовании новых словосочетаний и формировании новых значений. Но эти взаимодействия обусловлены культурно-историческими факторами: связью слова с исторически сложившимися традициями, потребностями текущего дня и т. д. Все эти, казалось бы, неязыковые моменты также влияют на смысловые движения слов, в результате чего и происходит тот или иной «семантический скачок».

Промелькнувшее в печати сочетание *космические близнецы* («В космосе двое». М., 1962) имело синонимические параллели: *небесные братья* (там же, стр. 25) и *земные братья* («Огонек», 1962, № 34, стр. 31). Но вскоре происходит как бы экспрессивное переключение на иной образ — звезду: «Вот и сбылось то, о чем ты

мечтала, первая сестра звездных братьев» («Летающие среди звезд...». М., 1963). Быстро расширяется сочетаемость прилагательного *звездный* в этом образном значении: «„Звездный город“, „звездный городок“ — городок космонавтов» (там же); «Звездная эскадрилья» (М., 1969) — советские космические корабли в совместном полете; «В звездном доме» — в космическом корабле («Правда», 25 марта 1972), и др. Чем же можно объяснить такую смену образных ассоциаций?

Определение *космический* привычно ассоциируется с космосом или по сложившейся и вновь ожившей традиции — с качественной оценкой (величины и т. п.). *Небесный* и *земной* — в прошлом антонимы, унаследованные от эпохи романтизма (*земной* — низменный ↔ *небесный* — идеальный, одухотворенный), а также от религиозных верований (*земной* — греховный ↔ *небесный* — безгрешный, бестелесный, божественный: силы небесные, пища небесная). В современных сочетаниях *небесные* и *земные* (*братья*) попадали в синонимический ряд. Но соотносительность с космосом и именем планеты Земля угасала под грузом прошлых осмыслений.

Определение *звездный* (первое значение — относительное: *звездный свет*, *звездное скопление*) — было втянуто в терминологию космонавтики еще К. Э. Циолковским: *звездный домик* в значении 'искусственный спутник'. Здесь *звездный* имеет значение сравнительное — 'подобный звезде'. С выходом человека в космос — звездный мир — возникают экспрессивные сочетания: *звездные братья*, *звездная эскадрилья* и т. п. Во всех этих сочетаниях прилагательное *звездный* уже имеет значение, близкое к первоначальному относительному, но заметно меняются, варьируются ассоциативные связи — это мир космоса, мир звезд, счастливых звезд: «...родилась под счастливой звездой» («Летающие среди звезд». М., 1963). Переход от прямого отношения к опосредствованному позволяет в слове *звездный* выдвинуться качественному, оценочному значению — *звездный час*, *звездный миг*: «Звездный час Джейн Фонда» («Литературная газета», 15 декабря 1971); «Этот исторический подвиг Рублева, этот звездный миг, с которого, собственно, и возникает в русском искусстве... мощная, светлая струя гуманизма» («Комсомольская правда», 25 декабря 1971).

Лексическую систему со времен Фердинанда де Соссюра (1857—1913) охотно и часто сравнивают с шахматами: движение слов так же взаимосвязано, как и движение шахматных фигур, строгими правилами «игры». Такая аналогия наглядно представляет взаимосвязь языковых явлений, по трбует оговорки. Для языка правила «игры» не формальны и не неподвижны. Сами правила обусловлены жизнью общества, развитием культуры, науки, меняющимся мировоззрением.

А. А. БРАГИНА

ЯЗЫК СПОРТИВНЫХ ОТЧЕТОВ

В нашей стране спорт пользуется популярностью. Многочисленная армия любителей спорта живо интересуется всеми событиями, происходящими в спортивном мире, и откликается на них. Естественно, что в связи с этим большую роль играет спортивная печать. Небезразлично поэтому, каким языком пишутся отчеты о спортивных состязаниях.

Известно, что существуют профессиональные языки, то есть язык актеров, ученых и т. д., существует и язык спортсменов: «Профессиональными или специальными языками называют в языкознании речь профессиональных групп или социальных прослоек, поставленных в особые условия жизни и общения» (З. Н. Люстрова, Л. И. Скворцов. Мир родной речи. М., 1972). И дальше: «Профессиональная речь состоит из специальных терминов и какого-то числа нетерминологических, но употребляемых только специальными выражений, слов, оборотов. На производстве, в профессиональном общении эти слова и выражения необходимы и привычны».

Возникает вопрос: в какой мере в газетных отчетах должны использоваться собственно спортивные, профессиональные термины и выражения, такие, например, как: «войти в зону»; «выиграть шит»; «разыграть лишнего»; «выбежать из столбик-то секунд»; «пятюк»; «быстрый результат» и т. п. Сравним два «искусственных» (не взятых из газет) примера,

в которых, однако, все слова и выражения заимствованы из действительных отчетов. Первый пример: «В последнюю пятиминутку „Калев“ вошел с преимуществом в 11 очков; их соперники, входя в зону, часто проигрывали шит». Второй пример: «Когда до конца матча оставалось пять минут, „Калев“ имел на 11 очков больше, чем его соперники, которые были слабее в борьбе за мяч под своим и чужим шитом». Какой пример предпочтительнее — первый или второй? На наш взгляд, обе фразы в спортивном отчете были бы неуместны, и вот почему. В первом примере слишком много специальных терминов, и неспециалисту трудно сразу понять эту фразу. Второй пример, вовсе лишенный спортивной специфики, выглядел бы в газете бледно и невыразительно.

Каковы же с этой точки зрения отчеты о спортивных соревнованиях в газете «Советский спорт»? В большинстве своем материалы газеты построены по правильному принципу пропорционального сочетания специфической и общей лексики. Правда, в нескольких отчетах последнего времени о соревнованиях конькобежцев и легкоатлетов слишком часто и назойливо употреблялись фразы: «скоороход впервые „разменивает“ 8 минут»; «финишировал пешком»; «показал „взрослые“ секунды». Не меняют дела и кавычки, иногда появляющиеся в таких случаях. Не

совсем удачно и то, что в некоторых интервью со специалистами или спортсменами не даются комментарии к таким, например, фразам: «Мы повели Павлова на 180 кг.» (8 ноября 1971). Ведь такое интервью проводится не для узкого круга специалистов, а для многочисленных любителей спорта. И, конечно, небольшие пояснения сделали бы фразу точнее, понятнее. Например, о фигуристах: «Хорошо откатали школу», то есть хорошо выполнили обязательную программу.

Как сделать отчет образным, выразительным? Конечно, дать рецепты нелегко. Но кое-что можно посоветовать. Речь идет о нескольких приемах, например о таком: употребление терминов одного вида спорта в рассказе о другом виде спорта: «Цейтнот ... не позволяет им (футболистам Таджикистана) развить успех» (12 ноября 1971); «В обмене острыми атакующими уколами хозяевам поля удалось забыть на мяч больше» (о футболе); «Хоккеисты ЦСКА, пользуясь терминологией шахматистов, вновь остались без фигуры, но опять объявили мат соперникам» (10 ноября 1971); «Шахматные стайеры вышли на последнюю прямую»; «Наконец-то и Холмов пропустил гол!» (проиграл в турнире первую партию; до этого он шел без поражений).

Обратим внимание еще на одну черту спортивных отчетов. В них часто используется «синопрофессиональная» терминология. Например, говоря о том, что чемпионат достиг середины, авторы репортажей употребляют слово *экватор*: «Мужской чемпионат по волейболу еще не миновал (или миновал) экватор»; «Экватор чемпионата пройден» и т. д. Часто используются термины военного дела, искусства, производства и т. д. Например:

«Опыт сборных, их игра.. *приняты на вооружение* клубными командами страны»; «Пятеро *призваны* в команду за минувшее после Токио трехлетие»;

«*сольный проход*»; «ждите *симфонии рекордов*»; «Первая проба сил в этом *амплуа* состоится в Инцеле»; «Юдін *дирижирует*» бегом Кузовкова»; «Ю. Исаков сейчас осваивает *смежную специальность*»; «Пражские коньки — *знак качества*» и т. д.

Бросаются в глаза и такие фразы спортивных отчетов: «скажите, кто возьмет больше очков на чужих площадках, и я скажу вам, кто будет чемпионом»; «Черный король спóкойно сидел в углу под надежной охраной, а белый путался в ногах у своих фигур»; «Белый король принял смерть в центре доски». Такой прием, по мысли авторов, оживляет корреспонденцию, придает им большую выразительность и образность.

Не оживляют, а, напротив, обедняют спортивные репортажи слова и выражения, которые от слишком частого употребления утратили былую образность и оригинальность —

сигнал бедствия: «пять раз за воротами „Химика“ закигался красный сигнал бедствия».

Несколько слов о стиле спортивных репортажей в газете, на радио и телевидении. В статье писателя Ю. Трифонова

(сборник «Телестадийон». М., «Искусство», 1972) читаем: «Многими телекомментаторами и спортивными журналистами усвоен невыносимо приподнятый, трескучий стиль, больше напоминающий о военных парадах, чем о мирных состязаниях на зеленом газоне или в спортивном зале. Особенно, когда дело касается международных встреч и наших побед. Степени только превосходные, эпитеты — максимальные, образы — космические, героические, исторические, а также из мира драгоценных металлов, драгоценных камней. То и дело в связи с какими-то спортивными успехами употребляются слова „герои“, „богатыри“, „подвиг“, „небывалый“, „феноменальный“, „великий“».

К сожалению, излишне эмоциональные отчеты, обильно насыщенные пышными фразами, встречаются довольно ча-

сто. Спортивные журналисты явно злоупотребляют ими.

В заключение несколько слов о заголовках статей, репортажей, отчетов. Важная функция заголовка — отразить содержание статьи, выделить, быть может, ее основную мысль. Мы же нередко встречаем в газете «Советский спорт» заголовки вычурные, перефразирующие (не всегда удачно!) известные пословицы, поговорки и т. д., но не дающие читателю возможности понять, о чем же, собственно, будет идти речь в статье. Вот некоторые из таких заголовков: «В карете прошлого...» (17 февраля 1971). О чем пишется в статье? Трудно сказать, взглянув на такой заголовок. И только потом, читая статью, понимаешь, что речь в ней идет об отставании стрелков одного из спортивных обществ. Или: «Не лентой единой...» (16 ноября 1971) (о художественной гимнастике); «Вот лечу я в санках...» (о соревновании саночников). Конечно, оригинальность, яркость заголовка украшают газетную статью, привлекают внимание читателя. Но не красивость, а точность, четкость заголовка должны быть на первом месте.

Спортивные журналисты, комментаторы, спортсмены, выступающие на страницах «Советского спорта», делают большое, нужное и важное дело: рассказывают о многообразной спортивной жизни нашей страны, содействуют общению людей к спорту. Как правило, статьи в газете «Советский спорт» написаны живым, ярким языком. И будет очень хорошо, если язык спортивной газеты станет еще более четким и ясным.

В. С. ФИЛИППОВ

Рисунки Э. Широга

Об одном газетном штампе

Если посмотреть различные номера газет, то из номера в номер на их страницах в критических статьях или в материалах о ходе подготовки сельскохозяйственной техники к сезонным работам можно встретить выражение *на линейке готовности* (см. февральские и мартовские номера газет за 1972 год: «Советская Россия», 12, 17, 18, 27, 29 февраля; 4, 11, 12 марта; «Труд», 7, 14 марта; и др.). Иногда этот оборот встречается дважды, а то и трижды на одной странице.

Это сочетание появилось на страницах газет, вероятно, в 60-х годах. Проследим, как удачно найденное выражение постепенно теряло свою оригинальность, свежесть, новизну и превращалось в невыразительный газетный штамп.

Сначала оно имело достаточно конкретное значение. В 60-х годах проводились смотры подготовленной к севу техники, и, выведенная на показ смотровым комиссиям, она выстраивалась в линейку. Такой строй машин, готовых к выполнению сельскохозяйственных работ, и получил название *линейка готовности*. Ничего про-

тивоестественного „русскому языку на газетной полосе“ здесь не было. Имеется слово *линейка* со значением ‘строй в одну шеренгу’, *готовность* — название определенной состояния, а законы семантического «сжатия» допускают упрощение сочетаний. Действительно, вместо фразы, которая могла бы приблизительно звучать: «отремонтированные машины выстроены в линейку для показа смотровым комиссиям», можно было сказать или, вернее, написать: «машины на линейке готовности».

«В колхозе им. Энгельса Кустанайской области на линейке готовности — все машины... Такую же картину [разрядка в примерах моя. — Н. С.] мы увидели во многих хозяйствах Джамбульской области. Но вот в совхозе „Четский“ Карагандинской области в первый день рейда на линейке готовности было двадцать машин, а во второй их оказалось уже шесть. Куда же исчезли четырнадцать тракторов?» («Известия», 9 февраля 1965).

Из этой цитаты видно, насколько конкретным содержа-

нием было наполнено выражение *на линейке готовности*. «Отзвуки» такого содержания можно встретить до сих пор: «Одни (тракторы) идут на капитальный ремонт, другие, поблескивая свежей краской, выходят из ворот мастерской на линейку готовности» («Сельская жизнь», 14 января 1970); «На днях группа народного контроля проверила состояние машин и необходимых к весеннему севу орудий. Контролеры пришли к выводу: все надежно отремонтировано. На линейку готовности заботливо установлены сеялки, бороны, культиваторы» («Правда», 3 марта 1972).

Однако новое сочетание, вносящее некоторую экспрессию в сухие репортажи о подготовке к севу, жатве и другим работам, получает новое, перепосное значение: «быть готовым к сезонной работе» или «находиться в «отремонтированном состоянии». Появление нового значения объясняется тем, что готовность техники проверялась не только в пределах отдельного хозяйства, но и в районе, области, республике, и вместо того, чтобы не мудрствуя лукаво, написать: «отремонтировано столько-то тракторов», «готово к севу столько-то машин», журналисты стали пользоваться оборотом *поставить на линейку готовности*.

«Механизаторы края досрочно отремонтировали всю уборочную технику. Сейчас на линейку готовности поставлены 15 тысяч комбайнов, 11 тысяч жаток» («Известия», 11 июня 1970); «Во многих районах уже сейчас на линейку готовности поставлен весь машинно-тракторный парк» («Труд», 22 января 1972).

Сочетание *поставить на линейку готовности* становится

фразеологическим оборотом. Действительно, трудно предположить, чтобы область, район, край смогли бы собрать на смотр в одно место всю технику, трудно реально представить одну линию из «15 тысяч комбайнов и 11 тысяч жаток».

Однако ремонт техники — дело обыкновенное, повседневное, так же, как и проверка качества ремонта. «Выставки» отремонтированной техники теперь не практикуются, и оборот, родившийся в определенных условиях и отражавший определенные явления в жизни, с уходом этого явления теряет свою внутреннюю обусловленность и становится непонятным. Исчезает новизна и необычность (экспрессивность) выражения, а его частая «эксплуатация» на страницах газет превращает некогда оригинальное сочетание в газетный штамп, лишенный образности, часто и однообразно повторяемый.

У журналистов появилось желание «оживить» умершую экспрессию оборота. На страницах газет замелькали новые сочетания слов с элементами «вымирающего» фразеологизма: *в боевой готовности*, *в готовности номер один* и даже новые обороты, уже с рождения претендующие на переносное значение: «В час готовности» («Советская Россия», 11 марта 1972).

Конечно, смысловая связь с *линейкой готовности* в этих сочетаниях непосредственная, но вряд ли они могут претендовать на определенную экспрессивность.

Н. В. СОЛОВЬЕВ

Рисунок Э. Широга

МОРФОЛОГИЯ. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ.

1. Какие имена прилагательные существуют в современном русском языке только в краткой форме?

2. Назовите русские имена прилагательные, состоящие из двух букв.

3. Все ли выделенные в данном предложении прилагательные являются формами сравнительной степени?

«Перезимовавшая ягода была *сочнее* и *слаще* и ценилась, не в пример осенней, *дороже*» (А. Филев. Солнцеверот).

4. Образуйте от существительного *ветер* одно качественное и два относительных прилагательных с разными суффиксами; составьте с ними словосочетания.

5. Известно, что в отличие от качественных прилагательных, относительные (*каменный, стеклянный, спортивный* и др.) не образуют сравнительной степени и краткой формы. Как вы объясните выделенные прилагательные в следующих примерах?

Как непохож на призрак, на мельканье
Воображенный мир, где я жила!
Где холод камня — *каменнее* камня,
Где звон стекла — *стекляннее* стекла.

Н. Матвеева. Желтковые дорожки зоопарка

«Был он саженного роста, строен, плечист, *спортивен*» (А. Ремчук. Товарищ Ганс).

6. Название какой национальности является прилагательным, выступающим в роли существительного?

7. По каким окончаниям имен прилагательных нельзя определить их род, падеж, число, если эти прилагательные взять отдельно от существительных?

8. Известно, что в современном русском языке краткие прилагательные не склоняются. А в каких выражениях и словах краткие прилагательные сохранились в формах косвенных падежей?

9. Путем подбора имен существительных объясните, как в зависимости от окончаний и ударения изменяется лексическое значение следующих пар прилагательных: *мелочный* — *мелочнóй*, *занятый* — *занятóй*, *призынный* — *призынóй*, *языкóвый* — *языкóвóй*.

(Ответы на стр. 126)

А. Т. Арсирый
Ужгород

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОМОНИМЫ

Когда говорят об омонимах, то обычно имеют в виду слова с одинаковым звучанием, но различными значениями. Например: *ключ* (родник) — *ключ* (приспособление для открывания и закрывания замка) — *ключ* (условный знак, выставляемый в начале нотного стана и указывающий место записи определенного звука); *свет* (лучистая энергия) — *свет* (земля, мир, вселенная); *сдать* (передать — сдать на хранение) — *сдать* (стать слабее — мороз сдал) и т. д. При этом обычно выделяют собственно лексические омонимы (см. приведенные примеры); морфологические омонимы, или омоформы: *лечу* от *лечить* и *лечу* от *лететь*; фонетические омонимы, или омофоны: *столб* — *столп*, *развивать* — *развевать*; графические омонимы, или омографы: *замок* — *зімок*, *кружкі* — *крўжкі*.

Нечто подобное явлению омонимии можно наблюдать и в сфере синтаксиса при сопоставлении конструкций, имеющих один и тот же состав лексических единиц, взятых в той же последовательности и в тех формах, но с различными синтаксическими отношениями между некоторыми из них. При этом единственным показателем данных отношений в устной речи служит соответствующая интонация, выявляющая цель высказывания, а также конкретный состав словосочетаний и структурных компонентов в предложениях, которые мы условно называем синтаксическими омонимами. На письме синтаксические различия между такими предложениями могут быть частично обозначены при помощи знаков препинания.

«Вот бы вам шло к вашему лицу *платье* черного атласу с *зубчатым, стоячим воротом* а ля Мария Стюарт» (Бунина. Ворон) и «Вот бы вам шло к вашему лицу *платье* черного атласу, с *зубчатым стоячим воротом* а ля Мария Стюарт».

Перед нами два предложения, имеющие одинаковый состав лексических единиц, взятых в одной и той же последовательности и в

тех же самых формах. Однако эти предложения представляют собою различные синтаксические структуры, что графически обозначено знаками препинания и может быть подтверждено интонационным выражением синтаксических признаков. Конкретное различие между ними состоит в том, что в первом предложении определения *зубчатым, стоячим* (воротом) оказываются однородными, а во втором — неоднородными (с *зубчатым стоячим* воротом), а также в том, что в первом случае несогласованное определение с *зубчатым, стоячим воротом* при подлежащем *платье* является небособленным, а во втором оно обособлено.

Аналогичные синтаксические отношения наблюдаются и в таких примерах:

«...Мимо нас, *вдоль бульвара*, с грохотом неслась пожарная команда» (Бунин. Ворон) и «...Мимо нас *вдоль бульвара* с грохотом неслась пожарная команда».

«Отец за обедом неузнаваем стал: не кидал тяжких взглядов на старика Гурия, *в вязаных перчатках подносившего* ему кушания» (Бунин. Ворон) и «Отец за обедом неузнаваем стал: не кидал тяжких взглядов *на старика Гурия в вязаных перчатках*, подносившего ему кушания».

Таким образом, мы наблюдаем особый тип смысловой и структурно-синтаксической соотносительности между предложениями с тождественным составом и расположением словоформ и все же, несмотря на это, с качественными различиями в конкретном смысле и синтаксической структуре.

Можно ли указанный тип отношений рассматривать как одно из выражений явления омонимии? С нашей точки зрения, предложения, подобные приведенным выше, вступают между собою в отношения, очень близкие к омонимическим, так как они имеют одинаковый состав и расположение словоформ с тождественными звуковыми оболочками, передаваемыми на письме одними и теми же комплексами буквенных знаков, что и составляет сущность омонимии. Если лексические омонимы выявляют свои значения, входя в соответствующие синонимические ряды (*ключ — родник, источник, ключ — отмычка*), то структурно-семантическое размежевание предложений с одинаковым составом и расположением словоформ осуществляется посредством интонации.

Различия в интонационном оформлении одного и того же комплекса словоформ, при неизменном составе звуковых единиц в каждой словоформе, служат средством выражения смысловых и структурно-синтаксических различий между предложениями, которые мы условно называем синтаксическими омонимами. В связи с этим уместно напомнить высказывание А. А. Шахматова о том, что «темп речи и интонация относятся к таким же грамматическим средствам;

как, например, порядок слов в предложении или согласование слов» (Е. С. Истрина. Вопросы учения о предложении по материалам архива А. А. Шахматова.— Сб. «А. А. Шахматов». Под ред. С. П. Обдорского. М—Л., 1947, стр. 328). Однако здесь следует предостеречь и от переоценки роли интонации, ибо «интонация не является средством формирования и воплощения мысли,... не служит материальной оболочкой мысли» (В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения.— Сб. «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 401—402). По отношению к предложениям-омонимам интонация сама по себе не создает тот или иной тип предложения, а является лишь формально-грамматическим средством выражения соответствующих синтаксических значений и категорий, объективно существующих в синтаксической системе языка.

Отмечая явление синтаксической омонимии в указанном выше понимании, мы, естественно, должны обратиться к вопросу о типах синтаксических омонимов.

Осветить данный вопрос сколько-нибудь обстоятельно в рамках небольшой статьи не представляется возможным. Поэтому ограничимся лишь общими замечаниями о некоторых путях его изучения.

Прежде всего следует отграничить друг от друга явления синтаксической омонимии, наблюдаемые в кругу простых и сложных предложений. Обратимся к наиболее часто встречающимся случаям «одинаковости» лексических единиц, их форм и словопорядка в кругу простого предложения и попытаемся выявить условия, создающие возможность появления качественно различных отношений между некоторыми из этих словоформ.

1. В границах данного конкретного предложения можно иногда наблюдать такую структуру его членов, которая допускает разложение подчинительных словосочетаний и перегруппировку их господствующих и зависимых компонентов. Это обуславливает возможность появления стольких самостоятельных структур, сколько таких перегруппировок позволяет произвести семантика отдельных слов.

«Люлю свернула на дорожку сада среди сиреновой заросли, села на скамью и вдруг зарыдала...» (Бунин. Князь во князьях) и «Люлю свернула на дорожку сада, среди сиреновой заросли села на скамью и вдруг зарыдала...».

Возникающие в результате перегруппировки компонентов новые словосочетания (ср.: «на дорожку сада среди сиреновой заросли» — «среди сиреновой заросли села») и определяют собою качественное различие между соотносительными конструкциями. Отношения между данными словосочетаниями в приведенном примере носят контаминационный характер (контаминация — соединение,

скрепление), в связи с чем и данный тип синтаксических омонимов условно можно было бы назвать *контаминационным*.

2. Между главными и второстепенными членами простого предложения возможны такие отношения, которые могут допускать переключение данного члена предложения из одного синтаксического разряда в другой. Возможность такого переключения в свою очередь обусловлена возможностью установления различных типов семантико-синтаксических связей между отдельными членами предложения.

«Вера, мы, *дворянское отродье*, не умеем просто любить» (Бунин. Последнее свидание) и «Вера, мы — *дворянское отродье*, не умеем просто любить».

«Ноги, в *полусапожках с подковками*, стоят туго и крепко» (Бунин. Антоновские яблоки) и «Ноги — в *полусапожках с подковками*, стоят туго и крепко».

В рассматриваемых конструкциях возможно установление двух типов семантико-синтаксических отношений между некоторыми из их членов. Так, в первом примере между членами *мы* и *дворянское отродье* могут возникнуть, в соответствии с коммуникативной ситуацией, или аппозитивные (аппозиция — приложение) или предикативные отношения, в зависимости от чего член предложения *дворянское отродье* способен выступать или в роли приложения (*мы, дворянское отродье*) или в роли сказуемого (*мы — дворянское отродье*). Подобные же отношения наблюдаются и во втором примере между членами предложения *ноги* и *в полусапожках с подковками*: в первом случае член предложения *в полусапожках с подковками* — несогласованное определение, а во втором — сказуемое.

Переключение данного члена предложения из одного синтаксического разряда в другой, обусловленное возможностью его различных отношений к одному и тому же другому члену, порождает второй тип синтаксических омонимов, который мы условно называем *транспозитивным* (транспозиция — сообщение знаку языка определенной синтаксической функции).

3. В структуре предложения как момент его осложнения могут присутствовать так называемые однородные члены. Однако при наличии определенной целевой установки автор высказывания иногда располагает возможностью мыслить данные члены как неоднородные. В этом случае наличие или отсутствие однородности может быть обозначено также только одними интонационными средствами.

«Мужик, насыпающий яблоки, ест их с сочным треском *одно за одним*» (Бунин. Антоновские яблоки) и «Мужик, насыпающий яблоки, ест их с сочным треском, *одно за одним*».

«Люлю... глядела красивыми печальными глазами в большой рот Лукьяна Степанова» (Бунин. Князь во князьях) и «Люлю... глядела красивыми, печальными глазами в большой рот Лукьяна Степанова».

Первый пример содержит в своей структуре два обстоятельства, которые, в зависимости от авторской целевой установки, могут выступать или как неоднородные или как однородные члены предложения (с сочным треском одно за одним — с сочным треском, одно за одним). Во втором примере подобное же явление наблюдается по отношению к согласованным определениям: красивыми печальными (глазами) — красивыми, печальными (глазами).

Соотносительные предложения в приведенных примерах с исключением или включением однородности одноименных членов дают возможность проследить третий тип синтаксической омонимии в рамках простого предложения, называемый нами *копулятивным* (копулятивный — представляющий сочетаемые элементы как синтаксически равноправные).

4. Различия в целевых установках высказывания (коммуникативных заданиях) позволяют его автору в соответствующих речевых ситуациях представлять один и тот же член или обособленным или необособленным членом предложения.

«По саду, между деревьями, расстилается длинной полосой голубоватый дым» (Бунин. Антоновские яблоки) и «По саду между деревьями расстилается длинной полосой голубоватый дым».

«Ростовцев, с приказчиком, на беговых дрожках, приехал поздно...» (Бунин. Последний день) и «Ростовцев с приказчиком на беговых дрожках приехал поздно».

В соотносительных предложениях первого примера обстоятельство *между деревьями*, по воле автора, может быть или обособленным или необособленным членом предложения, чем и определяется качественное синтаксическое различие между данными конструкциями. Во втором примере возможно включение или исключение обособления по отношению к членам предложения *с приказчиком и на беговых дрожках*, что также служит основанием для появления двух различных конструкций. Включение или исключение обособления по отношению к одному и тому же члену, как мы видели, имеет своим результатом появление самостоятельных конструкций с идентичным составом и порядком словоформ. Указанные конструкции демонстрируют четвертый тип синтаксической омонимии, условно называемый нами *потенциальным* (потенциальный — скрытый, но готовый проявиться).

Выделяя четыре типа синтаксической омонимии в рамках простого предложения, мы, разумеется, не имели целью дать какую-либо классификационную схему, а ставили своей задачей выявить

некоторые условия, порождающие синтаксические омонимы. Таковыми условиями для наших примеров оказались: 1) возможность перегруппировки господствующих и зависимых компонентов подчинительных словосочетаний, входящих в структуру данного предложения; 2) возможность переключения данного члена предложения из одного синтаксического разряда в другой; 3) возможность мыслить данные одноименные члены или однородными или неоднородными членами предложения; 4) возможность включения или исключения обособления по отношению к данному члену предложения.

Как указывалось выше, во всех этих случаях предложения, входящие в омонимические отношения, имеют абсолютно одинаковый состав и порядок словоформ. Это и дает нам основание считать такие предложения синтаксическими омонимами. Структурно-синтаксические различия между указанными омонимами во всех случаях выражаются исключительно одними интонационными средствами, а на письме — соответствующей пунктуацией.

В заключение обратим внимание на широко распространенное и глубоко ошибочное мнение относительно того, что будто бы в одном и том же предложении, в зависимости от интонации, знаки препинания можно ставить по-разному. В действительности в подобных случаях мы имеем дело не с «одним и тем же предложением», а с двумя или несколькими предложениями, обладающими определенными синтаксическими различиями, которые и обуславливают для каждого предложения единственно возможный для него вариант пунктуации.

Таким образом, понимание природы синтаксических омонимов имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, ибо выявление и анализ омонимических отношений могут послужить определенным стимулом к воспитанию интонационной выразительности устной речи и к овладению пунктуационной культурой письменных высказываний.

*Профессор
А. В. ДУДНИКОВ*

НАУЧНЫЕ СВЕДЕНИЯ О РОДНОМ ЯЗЫКЕ В ШКОЛЕ

Материалы XXIV съезда КПСС, доклад А. Н. Косыгина о перспективах развития советского общества, о месте науки в материальном производстве и духовной жизни коллектива, последующие правительственные постановления об обязательном десятилетнем среднем образовании и о высшей школе заставляют задуматься над тем, какое место в подготовке специалиста любой области науки и техники, а также в воспитании советского гражданина занимает обучение родному языку в школе.

Различные стороны этой проблемы волнуют не только учителей средней школы, Академию педагогических наук с ее специальными институтами методики преподавания русского языка, но и значительный круг представителей университетской и академической филологии. По справедливому замечанию академика Л. В. Щербы, «школьная наука всегда является в той или другой мере функцией университетской науки». Поэтому на заседаниях кафедр русского языка университетов и пединститутов, подводя очередные итоги вступительных экзаменов, определяя состав спецкурсов и спецсеминаров, учебные планы и программы, работники вузов обсуждают и более широкий круг вопросов изучения русского языка и литературы в школе.

Один из серьезнейших вопросов данной проблемы — лингвистические основы школьного изучения родного языка, отношение средней школы к современной науке о языке, и в частности взаимодействие школьной и уни-

Предлагая данную статью читателям, редакция надеется, что на поставленные в ней вопросы откликнутся не только преподаватели вузов, учителя, методисты, но и ученые-языковеды — представители академической филологической науки. Журнал «Русская речь», со своей стороны, поднимая серьезный и актуальный вопрос о лингвистических основах изучения русского языка, будет стремиться помочь школе не только обсуждением назревшего вопроса, но и подготовкой соответствующих материалов для учителя.

верситетской науки. Лингвистические основы школьного урока по русскому языку — это такой аспект многосторонней проблемы преподавания русского языка в школе, который позволяет сконцентрировать, собрать, как в фокусе, разнообразные вопросы, волнующие и учителей и методистов. Это и новые программы, и учебники, и новая методическая литература, и вопрос о классическом наследии, и курсы методики преподавания в пединститутах и университетах, и вопрос об их приближении к содержанию высшего филологического образования. Это, наконец, и вопрос о том, насколько действительно современная школа готовит к науке университетской и как в свою очередь через университетскую науку школа связана с современным весьма разветвленным языкознанием.

Обратим внимание на те проблемы преподавания русского языка в школе, которые легко обнаруживаются уже при первой встрече с выпускниками школ на вступительных экзаменах в вуз. Материалом послужат ответы абитуриентов, поступавших в 1972 году на филологический факультет МГУ. Эти ответы показывают, что наша школа имеет несомненные успехи. Многие поступающие на факультет написали хорошие сочинения на довольно сложные темы, такие, как «Концепция русского национального характера в романе Л. Н. Толстого „Война и мир“», «Художественные средства социально-психологической характеристики личности в пьесе А. П. Чехова „Вишневый сад“», «Образ рассказчика и его место в идей-

но-художественной системе ранних произведений М. Горького („Старуха Изергиль“, „Песня о Соколе“ и т. д.)» и другие. Большинство сочинений написано грамотно. Легко воспроизводились правила орфографии и на устном экзамене. Характер и уровень знаний одинаков или почти одинаков у выпускников московских школ и других городов страны, школ общеобразовательных и специальных.

К сожалению, ответы поступающих на филологический факультет, в том числе тех выпускников, у которых, очевидно, уже в VIII, IX классе обнаружился специальный интерес, индивидуальная склонность к изучению языка и литературы, показали, что абитуриенты не обладают достаточными научными сведениями о языке, не знакомы с доступными школьнику основами языкознания как особой науки.

Как известно, слово — один из основных объектов языкознания, таких его отделов, как фонетика, морфология, словообразование, стилистика. Выпускники школы должны уметь достаточно грамотно провести фонетический, морфологический, словообразовательный, стилистический анализ слова. Однако, как показывает практика, таким умением обладают далеко не все.

Устройство речевого аппарата, образование гласных и согласных, понятие о звуке как единице устной речи, отношение звука к букве и шире: устного языка к письменному, представление о произносительных нормах литературного языка и проч. — все эти сведения у учащихся зачастую отсутствуют. И беда не столько в том, что ими не усвоены определенные теоретические сведения, сколько в том, что школьников не научили вырабатывать самостоятельно многие практические навыки, основанные на этих сведениях (постановка звуков другого языка, развитие речевого слуха, овладение выразительным чтением и т. п.).

Выпускники школ затрудняются провести морфологический и словообразовательный анализ слова, потому что исходят из определенной заученной схемы вопросов и ответов. При любом вопросе, относящемся к морфемной структуре слова, учащиеся стремятся обязательно найти корень слова и не стараются обнаружить действительные связи между словообразовательными и словоизменительными элементами слова. Так, в словах типа *призбор* и *загорбдка* прежде всего они стараются выделить корни *-гор-* и *-город-*, затем определить *при-* и *за-* как

приставки, *-ож* и *-ж* — как суффиксы, не задумываясь даже, что при словообразовательном анализе у *пригорок* действительно вычлениются префикс *при-* и суффикс *-ок* (соотношение с *гора*), а у *загородка* — только суффикс *-к-* (соотношение с *загород-ить*), а приставка *за-* выделяется у глагола *загородить* (городить).

Падежная форма имени существительного определяется в школе лишь в соответствии с подобранным вопросом. Поэтому в формах типа *по улицам* (где?) экзаменуемые часто «находят» предложный падеж. Падежные окончания (в данном случае *-ам*) оказываются не информативными.

Вообще получить ответ о роли определенных морфем в слове не удастся. Как бы ни был сформулирован вопрос по морфологии и словообразованию, какое бы ни было предложено упражнение, ответ обычно сводится к воспроизведению правил орфографии (правописание приставок *пре-*, *при-*, приставок на *-з-*, суффиксов корней с чередующимися гласными и т. п.).

Загрудняются выпускники и в определении стилистической окраски слова. Недостаточные знания стилистики и отсутствие соответствующих навыков препятствуют развитию языкового чутья, умению переходить от одного стиля речи к другому, от форм устной речи к формам письменной и наоборот.

Но, может быть, основы языкознания как особой научной дисциплины и не должны входить в содержание среднего образования? Возможно, эти знания нужны лишь специалистам-филологам и следует начинать высшее филологическое образование в пединститутах и университетах почти с нуля?

Бесспорно: языковедческие знания нужны средней школе. Об этом свидетельствуют и программы по русскому языку для средних школ, в которых эти сведения содержатся. Однако соответствующих знаний у школьников пока нет. Есть над чем задуматься.

В свое время (в 1927 году) Л. В. Щерба среди основных причин неблагоприятного положения с изучением русского языка видел отрыв университетской науки от школы. Он считал, что университетская наука второй половины XIX века в области языка ничего не давала для школы. В первой половине XX века (особенно к ее концу) положение резко изменилось. Научной основой высшего филологического образования на отделении русско-

го языка и литературы стала достаточно разработанная наука о современном русском языке и его истории, а также стилистика современного русского литературного языка.

Написаны разнообразные книги о строе современного литературного языка, среди них такие, как «Русский язык (грамматическое учение о слове)» В. В. Виноградова; нормативная «Грамматика русского языка» АН СССР (1952); пособие «Русское литературное произношение» Р. И. Аванесова и многие другие.

Однако, очевидно, еще нельзя сказать, что ученые-языковеды достаточно внимание уделяют школе, а университетская наука помогает создать лингвистическую базу школьного изучения языка. Своевременно поставить и вопрос о выпуске научно-популярной и методической литературы по языкознанию для школы.

Издательство «Просвещение» в этом отношении еще в долгу перед школой. Нет достаточного числа школьных словарей (толковых, этимологических, нормативных, специальных), различных книг и журналов в школьных библиотеках, которые обслуживали бы как обязательные, так и факультативные, кружковые занятия по русскому языку.

При обсуждении вопросов об изучении русского языка следует помнить, что уровень его изучения в школе определяет общий культурный уровень общества и правильное отношение к тем вопросам практики, которые связаны с наукой о языке. Круг же таких вопросов постоянно расширяется: это не только проблемы орфографии и орфоэпии, методики преподавания русского языка в русской и национальной школах, но и упорядочение научной и технической терминологии, создание информационно-поисковых систем, конструирование машин-помощников человека в его разнообразной интеллектуальной деятельности и многие другие. И в наши дни полезно напомнить слова большого русского ученого и педагога Дмитрия Николаевича Ушакова: «Правильному отношению к ...вопросам практики мешает постоянно встречающийся у нас в образованном обществе недостаток известных теоретических сведений, а именно, правильного, т. е. научного понимания явлений языка и отношения их к письму... Когда-нибудь, когда уничтожится пропасть между грамматикой школьной и научной, устранится и этот недостаток: общее образование не будет заключать в себе

превратных понятий о языке наряду с правильными сведениями в других областях знания...» (Русское правописание. Изд. 2-е М., 1917, стр. 1—2).

*К. В. ГОРШКОВА,
профессор, зав. кафедрой русского языка
филологического факультета МГУ
имени М. В. Ломоносова*

Справка

ТЕМЫ СОЧИНЕНИЙ НА ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНАХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ В 1972 ГОДУ

Московский областной педагогический институт
имени Н. К. Крупской (МОПИ)

Факультет русского языка и литературы

1. Черты социалистического реализма в романе М. Горького «Мать».	Невтонов Российская земля рождать» (М. В. Ломоносов).
2. «...Может собственных Платонов и быстрых разумом	3. Гражданственность поэзии Н. А. Некрасова.
	4. В чем трагедия Печорина?

Исторический факультет

1. Роль личности в истории в понимании Л. Н. Толстого (по роману «Война и мир»).	3. Нравственные проблемы повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка».
2. Зарубежный цикл стихотворений В. Маяковского.	4. «Прекрасное — это жизнь» (Н. Г. Чернышевский).

Факультет иностранных языков

1. Роль сатиры Салтыкова-Щедрина в развитии русской демократической литературы.	3. Основные проблемы пьесы М. Горького «На дне».
2. Народ в произведениях А. С. Пушкина.	4. Превосходная должность — быть на земле человеком.
-

— Жили-были зайчик и медвежонок. Они очень дружили. Играли. И пели песни.

Один раз зайчик играл на барабане, а медвежонок танцевал. Он переваливался с одной лапы на другую, приседал.

И было им очень весело!

ДОШКОЛЬНИК

Эту сказку об игрушечных зверушках придумала шестилетняя Оксана. Вначале она вместе с другими детьми с интересом рассматривала забавные игрушки, смеялась, когда медвежонок в руках воспитательницы детского сада то косолапо шагал, то опускался на четвереньки, то поднимался на задние лапы, то, присев, вертел лобастой головой. Весело было потом придумывать сказку!

Со сказками о медвежонке и зайце вслед за Оксаной выступили Катя, Валерик, Марина, Оля, Юра.

Вот их сказки.

— Жил в игрушечном уголке медвежонок. Пошел он гулять. А там зайчик прыгает на прыгалке. Медвежонок говорит: «Научи меня на прыгалке скакать». Взял мишка прыгалку и прыгнул... Когда прыгнул, он упал. И заплакал. И ушел домой. И медом наелся. А зайка его стал успокаивать.

— Жили-были в большой комнате мишутка и зайчик. Пошел зайчик один раз гулять. Навстречу ему мишка идет. Мишка зайчику говорит: «Давай с тобой поиграем. В прятки».

Спрятался зайчик под стул. У него уши вылезли. И мишка его нашел. Прятаться стал неуклюжий медведь. Стал под стол прятаться — стол перевернул. Стол загремел, и мишка испугался. А зайка стал смеяться. «Ничего, — сказал зайка, — прячься еще!». Мишка спрятался за дверь. Заяц его искал, искал, а мишка как апчихнул! И заяц нашел мишку.

УЧИТСЯ ПРИДУМЫВАТЬ

(Статья вторая; см.: «Русская речь», 1972, № 4)

— Жил-был мишка. Однажды он пошел гулять. И встретил зайца. Заяц и говорит: «Поучить тебя на велосипеде кататься?». А мишка говорит: «Поучи». И заяц начал учить его. Мишка сел на велосипед, взял в лапы руль, а зайчик его подтолкнул. И мишка поехал. Мишка был большой и чуть не раздавил велосипед.

— Зайчик взял шарик. И пошел к мишке. Разбудил мишку.

— Надуй шарик. И полетай на шарике. Мишка надул шарик. И полетел на шарике. Мишка был тяжелый, и шарик еле-еле его поднял. Потом мишка приземлился, а шарик взлетел вверх!

— Мишка один раз слез с полки и пошел по комнате. А там лежал мяч.

— «Вот бы в футбол поиграть!» — думает мишка. Видит: заяц идет.

— Давай поиграем в футбол!

— Давай.

Мишка разбежался и к-а-к стукнет... мячик отлетел. И прямо в окно вылетел!

Дети рассказывали свои сказки с тем же радостным настроением, с каким они рассматривали игрушечных зверушек. В сказках нельзя не заметить элементов комического: забавный персонаж вызывал желание говорить весело, задорно.

Отличаются сказки и динамизмом. Сказочные герои перепрыгивают через скакалку, ездят на велосипеде, иг-

рают в футбол, пляшут, надувают воздушные шарик, едят мед, смеются, спрашивают, отвечают, огорчаются, плачут... Новая фраза — новое действие. Отсюда — насыщенность речи глаголами.

При передаче действия известное ребенку словосочетание порой видоизменяется, подчиняясь контексту сказки. Так, оборот «переступить с ноги на ногу» преобразовывается в выражение «переваливаться с лапы на лапу».

Отметим, что в основном дети рассказывают о таких действиях и поступках сказочного героя, в которых как-то выявляется его «характер»: неуклюжий мишка опрокидывает в игре стол; его, тяжелого, еле-еле поднимает в воздух шарик; он чуть не раздавливает велосипед.

По примеру знакомых сказок дошкольник щедро наделяет речью игрушечных зверят, достигая при этом сказочной «необычности».

Накопленные детьми впечатления от народных сказок позволяют им принаравливать свою речь к сказочному складу.

Многие дети начинают сказки с традиционной формулы: «Жили-были...». Непременна и традиционная для сказок встреча героев, о которых ребенок говорит также в ключе сказочного повествования (... а навстречу ему...). Здесь же и диалоги сказочных героев. Все это свидетельствует о способности детей усваивать отдельные композиционно-жанровые особенности фольклора и следовать ему в собственном словесном творчестве.

Шестилетние ребята с интересом придумывали сказку на такую предложенную им тему: на полке в шкафу для игрушек поселился зеленый игрушечный крокодил... Дети внимательно рассмотрели его и стали придумывать сказку.

— На полке в шкафу для игрушек стояли разные игрушки. Куклы. Мишки. И плюшевые собачки. И зайчики с барабанами,— рассказывала Таня Б.— И вот однажды поселился на полке зеленый крокодил. У крокодила были большие зубы!

Первым увидел его мишка. И очень удивился. И испугался. Он думал, что этот крокодил может его скушать. Мишка начал дальше от него отходить. Куклы тоже удивились. И испугались. Все игрушки, что на той полке были, начали пересаживаться на другую. Крокодил был очень грустный. Когда пришли дети, он обрадовался. Дети взяли крокодила и устроили зоопарк. Сделали для крокодила клетку. В клетке сделали бассейн. Крокодил лежал в воде и представлял себе, как будто он залез в реку и плещется в ней,

У Марины Р. получилась такая сказка:

— На полке для игрушек появился крокодил. Попугайчики увидели крокодила и начали с ним разговаривать. Зайчик подошел к нему. И не переставал все грызть морковку. Потом на минутку прекратил грызть морковку и сказал: «Хочешь, угощу тебя морковкой?» А крокодил сказал: «Давай попробую». Ему очень понравилась сладкая морковка. Крокодил закрыл глаза: ему почудилось, что он ест не морковку, а банан. Вкусный, сочный банан. Потом к нему припрыгали обезьянки. У каждой было несколько бананов. И обезьянки дали ему бананов.

Говоря о придуманных девочками сказках, отметим, что в каждой из них практически удалось языковыми средствами представить слушателям различных сказочных героев в их поступках, передать их чувства, настроение. Одни эпизоды в большей мере, чем другие, детализировались нередко комическими подробностями.

Дети сумели в доступной им форме представить себе воображаемого героя, его самочувствие, настроение и эмоционально об этом рассказать.

Примечательны в обеих сказках концовки: маленькие рассказчицы пытаются сообщить слушателям, что представлялось или казалось главному герою, когда он, скажем, очутился в бассейне или ел морковку: «Крокодил лежал в воде и представлял себе, как будто он залез в реку и плещется в ней». Не поверхностно, наспех и бегло, упоминается здесь состояние действующего в сказке персонажа, а передается вдумчиво и эмоционально — заинтересованно. Видимо, проявилось формирующееся у детей умение мысленно войти в воображаемую ситуацию, представить положение в ней героя повествования с чувством сопереживания.

Воображение, активно развивающееся в процессе словесного творчества, без сомнения, будет энергично приводиться в действие и при восприятии детьми героев литературно-художественных произведений. Хотя шестилетние дети допускают в сказках отдельные речевые ошибки, например вместо *плещется* — *плескается*, следует отметить, что они уже обладают умением целенаправленно пользоваться доступными им языковыми средствами. Словесное творчество дошкольников содействует более интенсивному усвоению ими родной речи.

Э. П. РОПОТКОВА

Ростов-на-Дону

Рисунок Э. Широга

Все ли логично
в языке?

Почему
форейтор
бородаты?

Почему Иван Кузьмич
называет
Пугачева вором?

Об этих и многих других вопросах занимательного языкознания рассказывает научный сотрудник Института русского языка Академии наук СССР кандидат филологических наук В. В. Одинцов в заметках, которые редакция предлагает учителям и старшеклассникам.

ЛАБИРИНТ

Как ни многообразен мир, как ни сложны явления и понятия действительности, мы всегда можем о них рассказать. Все можно обозначить словами, соединить их в предложения и выразить нашу мысль. Еще в начальной школе мы усвоили, что все в языке четко, стройно, логично, на все есть свои правила. Можно ли в этом сомневаться?

Часто мы слышим выражения «ужасно хорошо», «страшно красивая» и иногда вдруг спохватываемся и начинаем рассуждать: как же это может быть — «страшная» и вдруг «красивая». Всегда воевали враги, каждый убивал своего врага, а мы говорим «друг друга» и даже не замечаем как будто очевидной бессмыслицы. Мы могли бы возмущаться явной нелогичностью, если бы... если бы не встречали этих выражений у признанных знатоков русского языка, у наших мастеров слова — Толстого, Тургенева и др.

Но в отдельных ли выражениях суть? Вспомним, сколько замечательных умов погибло, доказывая ту великую истину, что Земля вращается вокруг Солнца. А в обыденной жизни нас устраивают старые представления, и мы говорим: «солнце всходит и заходит» или еще более нелепо: «солнце встает», «солнце садится». Вопреки всем физическим законам говорим: «теплая одежда», «шуба хорошо греет». Употребляем именно эти выражения, прекрасно зная, что шуба не печка, что она только сохраняет тепло нашего тела. Ваш товарищ простудился, вам скажут: «Он не пойдет в школу, у него температура». Как будто у нас нет температуры. Удивительно, как неточно мы все выражаемся! Самое же странное, самое удивительное то, что все при этом прекрасно понимают друг друга. Говорят неточно, а понимают правильно!

Не помогает ли взаимному пониманию наша строгая и четкая грамматика? Не грамматика ли, стройная и логичная, исправляет неточности словоупотребления? Попытались проверить. Лучше было вовсе не браться за грамматику. Противоречий оказалось еще больше.

Взять хотя бы существительные. Слово может быть в единственном и во множественном числе. Это естественно, потому что в жизни реально нам нужна бывает одна

вещь или несколько тех же вещей. Но многим словам почему-то не досталось какого-нибудь числа — единственного или множественного. Например, слово *ножницы* не имеет единственного числа, хотя в реальной действительности ножниц может быть одна штука, а может быть и много. И смотрите, какая путаница из-за этого получается. Вам говорят: «Красивые в магазине часы», а вы не знаете, сколько — говорят об одной штуке или о многих. Вам говорят: «Купили для ребят ножницы», и опять неясно сколько. У некоторых слов множественное число какое-то странное. Например: *масла* — это просто разные сорта «*масла*», независимо от того, много его или мало. И уж совершенно непонятно, зачем слову *песок* нужно множественное число — *пески*. *Пески* — не значит «много песка». Нельзя сказать: «Машины повезли сюда кирничей, пески». И в то же время *пески* — это не разные сорта песка. Нельзя сказать: «На стройку привезли пески красного и черного цвета». В каком-то смысле *пески* — то же самое, что *песок*. Иногда все равно, что сказать — *пески* или *песок*. «Их взору открылась пустыня. Песок до самого горизонта», а можно заменить: «Пески до самого горизонта». Но разве все равно: «В комнате стоял стол» или «стояли столы»? Слово *человек* не употребляется во множественном числе — *человеки*, а вместо него используют слово *люди*, которое не имеет единственного числа (*людь* — возможно только в некоторых говорах).

А если взять род существительных, то здесь положение еще хуже. Приходите вы в школу, идете в кабинет директора, а там за столом — женщина. И хотя есть слова *директорша*, *директриса*, вы называете эту женщину словом мужского рода — директор, потому что те слова обидные.

Не думайте, что такие противоречия возможны только у существительных. Возьмите любую часть речи и обнаружите там то же самое. Скажем, глагол. Кажется нелепым вопрос: какого рода глагол *копает*? Никакого. Мы говорим: «он копает» и «она копает». Зачем глаголу категория рода? Но образуйте прошедшее время: *копал* — мужского рода, а *копала* — женского. Почему глаголы прошедшего времени изменяются по родам, а глаголы настоящего времени не изменяются?

Кажется, глупо спрашивать: какого рода числительное *пять*? Или числительные *двадцать*, *триста*, *шестьсот*? А вот числительное *один* — мужского, *две* — жен-

ского, *миллион* — мужского, а *тысяча* — женского. Кстати, *тысяча* может быть в единственном и во множественном числе, а другие числительные, например *пятнадцать*, — какого числа, единственного или множественного? Как-то даже странно говорить о числе числительного. Сколько, казалось бы, нелогичного!

ЛОГИКА ЯЗЫКА

Если в языке так много странного, противоречивого, нелогичного, то как же мы понимаем собеседника? Более того, чем дольше размышляешь, тем глубже убеждаешься, что эта нелогичность имеет смысл.

В самом деле, возьмем обычное, ничем не примечательное слово *глухой*. Что оно означает? Так мы говорим о человеке, полностью или частично лишенном слуха. «Старик ничего не слышал: он был глух». Но то же слово мы можем употребить и в другом смысле: «глухой голос» (незвонкий); «глухая тайга» (дикая, сплошь заросшая); «глухая деревня» (находящаяся вдали от населенных мест, от промышленных центров); «глухая стена» (сплошная, без проломов, проходов, без всяких отверстий); «глухая полночь» (время суток, когда все замирает, затихает). Кроме того, мы можем сказать: «глух к добру»; «глухое недовольство»; «глухой согласный».

Если вы полистаете словарь русского языка, то увидите, что большинство слов имеет по нескольку значений: глагол *идти* — более двадцати, слово *рука* — около десяти, а *бить* — более десяти.

Разве лучше, если каждое слово имело бы только один, строго определенный смысл? Тогда вместо одного слова *идти* нам пришлось бы запоминать двадцать пять слов, а со временем и больше. Вместо одного слова *глухой* — пятнадцать-двадцать разных слов. Сейчас все значения слова *глухой* для каждого владеющего русским языком имеют нечто общее, что облегчает их использование и понимание. Но главное — язык лишился бы своей гибкости. Жизнь сложна, противоречива, изменчива. Сможет ли отразить ее жестко регламентированный язык? Язык утратил бы образность (возьмите хотя бы выражение «глухая полночь»), яркие краски, душу.

Нет ли во всей этой кажущейся путанице своей логики? Когда человек, не бывавший в городе, попадает на шумные столичные улицы, то ему сначала кажется, что

машины движутся беспорядочно, туда, сюда, так что опасно сойти с тротуара. Только постепенно он постигает логику уличного движения.

Уже в школе мы узнаем, что логика той или иной науки отличается от обычной, бытовой. Зоологи, например, утверждают, что «кит не рыба», «угорь не змея». А нам это кажется странным: кит внешне похож на рыбу, только большую, да и живет в море. В физике теория относительности и квантовая механика противоречат «здравому смыслу», обычным житейским представлениям.

Есть и в языке своя логика.

КОВАРСТВО ВРЕМЕНИ

Странно, когда у некоторых животных, обитающих на суше, обнаруживают жабры. Ученые объясняют: когда-то эти животные жили в воде. Странно, когда в пустыне, далеко от моря, находят ракушки морских моллюсков. По этим предметам определяют: раньше здесь было море. И получается, то, что нас сейчас удивляет, когда-то было естественным, закономерным.

Могут ли быть мужественные женщины? Конечно. Хотя прилагательное *мужественный* и произошло от слова *муж* (мужчина), сейчас связь этих слов не ощущается. В слове *товарищ* легко увидеть *товар*, но *товарищ* — сейчас не просто человек, вместе с которым работаешь в торговле. *Перочинным ножом* уже не «чинят перья». Всем известны уменьшительно-ласкательные суффиксы *-ик* и *-ок*: дом — домик — домок; час — часик — часок. *Петушок* — это маленький петух, *сапожок* — это маленький сапог. Но вот другие примеры: *пузырек* — разве это «маленький пузырь»? *Сырок* отличается от сыра. Никто сейчас не воспринимает как уменьшительные слова *нитка*, *частица*, *платок*, *мешок* (когда-то образовано от *мех*), *булавка*, *молоток*, *скамейка*, *корка* и десятки других. Про человека, который снял пояс, мы не скажем: «он распоясался». В магазине продают мясо свины — свинину, барана — баранину, коровы — говядину. Почему не *коровину*? В старые времена словом *говядо* обозначали крупный рогатый скот, быка, корову. Слово *говядо* исчезло, *говядина* осталась.

Многие ребята думают, что тогда, лет двести, триста, пятьсот назад, был просто другой язык, не похожий на тот, которым мы пользуемся. Нет, язык тот же, только сильно изменился. Язык все время развивался, изменял-

ся. И сейчас изменяется. Происходит это незаметно, но непрерывно.

Уж на что, казалось бы, прост и понятен язык Пушкина. Но всегда ли правильно понимает Пушкина современный читатель? Валерий Брюсов в 1918 году писал: «...чтобы вполне понимать Пушкина, необходимо хорошо знать его эпоху, исторические факты, подробности биографии поэта... знать язык Пушкина, его словоупотребление... все мирозерцание Пушкина...».

В самом деле, читая об отъезде Лариных в Москву (Евгений Онегин), мы мало обращаем внимания на строки:

На кляче тощей и косматой
Сидит фореитор бородатый.

Нам безразлично, были ли у фореитора усы, борода или нет. Но читателю той эпохи эти строки говорили многое. В. В. Вересаев так комментировал это описание: «Почему „бородатый“? Фореиторами ездили обыкновенно совсем молодые парни, чаще даже — мальчишки. Вот почему: Ларины безвыездно сидели в деревне и далеких путешествий не предпринимали. И вот вдруг — поездка в Москву. Где уж тут обучать нового фореитора! И взяли старого, который ездил еще лет пятнадцать-двадцать назад и с тех пор успел обрасти бородой. Этим „бородатым“ фореитором Пушкин отмечает домоседство семьи Лариных». Пушкин показывает, как провинциально, как смешно выглядел весь обоз Лариных с горшками, тюфяками, банками варенья, показывает, что и возок-то у них старый, «почтенный»; фореитор и тот — бородатый.

Вспомним «Капитанскую дочку». Глава «Приступ». Прощаясь с женой и дочерью, Иван Кузьмич говорит: «Ну, довольно! Ступайте, ступайте домой; да коли успеешь, надень на Машу сарафан». Что за необычная заботливость о нарядах дочери в предсмертный час? Современник Пушкина понимал, что речь шла не о нарядах, а о спасении жизни. Сарафан носили крестьянки. И комендант, зная, что Пугачев казнит дворян, советует жене одеть Машу крестьянкою.

Непонимание еще более опасно в тех случаях, когда слова, которые мы встречаем у Пушкина, слова, как будто нам хорошо известные, полностью или частично изменили свой смысл и в современном языке употребляются в другом значении. Читаем мы стихи, нам кажется, что

все прекрасно понимаем, а на самом деле иногда искаженно воспринимаем текст пушкинского произведения.

К примеру, прочитав в сказке Пушкина о мертвой царевне строки

И царица налетела
На Чернавку: «Как ты смела
Обмануть меня? и в чем!...».
Та призналася во всем,
Так и так. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить,—

юный читатель вообразит еще, пожалуй, царевну с рогаткой, какими нерадивые мальчишки стреляют по воробьям и галкам. Но царица угрожала вещами более страшными — каторгой, тюрьмой. Ведь рогаткой назывался железный ошейник с длинными остриями, который одевался на шею заключенным, колодникам.

Другой пример. Сцена дуэли в шестой главе «Евгения Онегина» — напряженный, драматичный момент:

Онегин Ленского спросил:
«Что ж, начинать?» — «Начнем, пожалуй»,—
Сказал Владимир...

Что значит «начнем, пожалуй»? Не хочется, но раз пришли, так надо стреляться? Или Ленский раздумал, струсил? Ничего похожего. Если перевести *пожалуй* с языка пушкинского времени на современный язык, то смысл его ближе всего к нашему *пожалуйста*, а точнее — *изволь*. Ленский идет на дуэль так же смело и спокойно, как и Онегин. И Ленский отвечает Онегину не с дрожью в голосе, а твердо и уверенно: «Начнем, изволь».

Академик Л. В. Щерба в свое время писал: «Из того, что в основе всякого литературного языка лежит богатство всей читаемой литературы, вовсе не следует, что литературный язык не меняется. Пушкин для нас еще, конечно, вполне жив: почти ничто в его языке нас не шокирует. И однако было бы смешно думать, что сейчас можно писать в смысле языка вполне по-пушкински. В самом деле, разве можно сегодня написать „Все мои братья и сестры умерли во младенчестве...“ („Капитанская дочка“)? Это вполне понятно, но так никто не пишет, и не говорит».

Когда вы встречаете в произведениях Пушкина неизвестные вам и неупотребительные сейчас слова, вроде *сикурс*, *пироскаф*, вы узнаете их значение, обращаясь к стар-

шим или справляетесь в словаре. Труднее, когда встречается слово как будто бы понятное, хорошо всем известное, но изменившее значение. Мы можем неправильно понять текст.

Слово *возмутительный* всем известно. Оно имеет значение — 'вызывающий чувство гнева, неудовольствия'. Откроем «Капитанскую дочку». В шестой главе рассказывается, как к крепости приближается Пугачев: «Новое обстоятельство усилило беспокойство коменданта. Схвачен был башкирец с возмутительными листами». Листами — вызвавшими недовольство коменданта, рассердившими его? Нет, с листовками, побуждавшими гарнизон к возмущению, подстрекавшими к мятежу, бунту, восстанию.

Белогорская крепость пала. Пугачев принимает присягу гарнизона. Но комендант отказывается признать Пугачева своим государем: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!». Почему Иван Кузьмич называет Пугачева *вором*? Вы обратили внимание на это слово? Это не прозвище, не ругательство. Словом *вор* называли тогда вообще всякого злоумышленника, преступника. А Пугачев в глазах Ивана Кузьмича был преступником. Гринев далее вспоминает: «Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачева, готовясь повторить ответ великодушных моих товарищей». *Великодушных*? Добрых, снисходительных, сердечных? Нет, не об этом говорит Гринев, не эти качества отмечает он у своих товарищей в трагическую минуту. *Великодушных* — то есть обладающих величием души, мужественных, стойких, смелых, сильных духом.

Но Гринева не повесили. *Вожатый* (а это слово значило 'проводник') узнал его: «...я помиловал тебя за твою добродетель...». Слово *добродетель* в современном языке значит 'положительное нравственное качество, высокая нравственность'. Гринев точно был порядочным, добродетельным человеком. Но это ли было причиной милостивого отношения к нему Пугачева? Ведь и другие дворяне, Иван Кузьмич, Иван Игнатьевич, не были лишены добродетелей, были честными, уважаемыми людьми. Почему же их не помиловал Пугачев? Он помиловал Гринева за *добродетель* (в том смысле, какой это слово имело в Пушкинскую эпоху), то есть за «доброе дело», за «благодетельные», которое совершил Гринев, подарив неизвестному бродяге заячий тулуп. Так об этом и сказано: «... я помиловал те-

бя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принужден я был скрываться от своих недругов».

Здесь же, в разговоре Пугачев спросил: «Или ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо». Гринев смутился: «Я колебался, Пугачев мрачно ждал моего ответа. Наконец (и еще ныне с самодовольствием поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мне над слабостью человеческою». Самодовольство, любованье, восхищение самим собою — качество плохого, тупого человека. Но не хотел Пушкин, чтобы читатель плохо думал о его герое. *Самодовольство* — здесь означает просто чувство самоудовлетворения, радостное сознание того, что поступил в трудную минуту так, как следовало.

Приведенные примеры наглядно представляют то, о чем мы вообще-то знаем, но чего не ощущаем, что нас как будто бы не касается, — изменение языка. Язык Толстого, Чехова нам, конечно, ближе, но тоже отличается от языка наших дней.

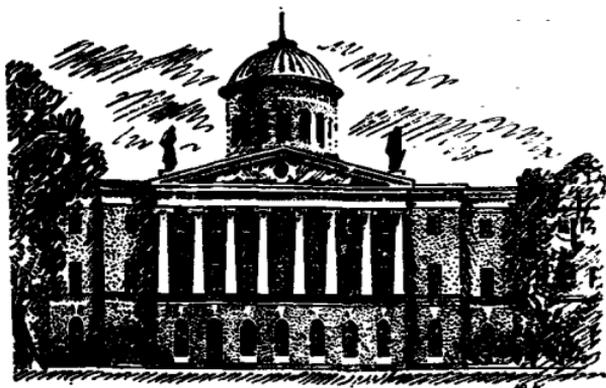
Новые слова и значения появляются все время. Сравнительно недавно слова *совет*, *спутник* стали новыми не только для нас, но и для всего мира. Множество новых слов оказалось необходимым для развития науки и техники: *кибернетика*, *лазер*, *алгоритм*, *датчик*. Другие слова скромно обслуживают нас в быту: *телевидение*, *мотороллер*, *шорты*.

Признав факт развития, изменения языка, мы теперь сможем понять и объяснить многие странности, многие загадки языка. Но это темы других бесед.

В. В. ОДИНЦОВ

Рисунок Э. Широга

Без умения наблюдать, видеть необычное в обычном — нет открытия... Каждое открытие начинается с удивления... Какой падеж *в легчики*? Винительный? Нет, винительный — *легчиков*. Может быть, есть какой-нибудь седьмой падеж?.. Почему слово *живот* мужского рода, а *брюхо* — среднего?.. О тайнах грамматического рода, категории одушевленности, о догадке Антуана Мейе, о том, почему в поэтических сказаниях *солнце* называют *женой*, а *месяц* — *мужем*, — вы прочитаете в статье В. В. Одинцова «Загадки грамматики» в следующем номере журнала.

Древлехранилище Пушкинского дома

Перед современной археографией стоит большая и сложная задача — выявить и сохранить для науки древние рукописи, которые еще находятся у населения нашей страны. Такая работа проводится как в центральных, так и в периферийных архивах, хранилищах и библиотеках. Успешно ведется поиск рукописного наследия Древней Руси Институтом русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград — ИРЛИ). Например, лишь в 1971 году Древлехранилище Пушкинского дома пополнилось 495 рукописями XV—XIX веков.

Собрание древнерусских рукописей ИРЛИ было создано в 1949 году в помощь Сектору древнерусской литературы Института. В основу собрания были положены 32 рукописных сборника. За двадцать с небольшим лет существования фонды собрания возросли почти до семи тысяч рукописей XI—XIX веков. По качеству хранящихся в нем рукописных памятников Древлехранилище занимает достойное место в ряду крупнейших. Здесь собран богатейший материал, представляющий собой репертуар чтения и переписывания древнерусских книжников — всевозможные повести, сказания, жития русских подвижников и исторических деятелей, правоучительные, похвальные, риторические слова, произведения ораторского искусства, сочинения древнерусских авторов и переводные; рукописи исторического содержания — летописи, хронографы, родословные;

описания путешествий — хождения, космографии; произведения древнерусского стихотворства, крюковые музыкальные рукописи — образцы древнего профессионального песенного искусства; сочинения средневековых авторов по медицине, математике, астрологии; наконец, произведения «светской» литературы, предвосхитившие литературу нового времени.

Древлехранилище Пушкинского дома приобрело большую известность: его материалами широко пользуются отечественные и зарубежные ученые, подготовившие о рукописях из фондов ИРЛИ сотни научных статей; без учета материалов Древлехранилища не обойдется теперь ни одно исследование по литературе и культуре Древней Руси.

Столь бурному росту фондов и научного авторитета Древлехранилища обязано помощи и поддержке Сектора древнерусской литературы ИРЛИ, филологического факультета Ленинградского университета, содействию ряда других ленинградских научных учреждений. Бессменный руководитель Древлехранилища, организатор и вдохновитель всей его деятельности — заслуженный деятель науки, доктор филологических наук Владимир Иванович Малышев. Благодаря его усилиям, знаниям и энтузиазму ведется поиск древнерусских книг, совершаются подлинные открытия в этой области.

Важнейшим обстоятельством является также то, что поиск и пополнение собрания древних рукописей ИРЛИ поставлены на подлинно научную основу, корни которой лежат в глубоком систематическом археографическом исследовании районов Севера европейской части СССР.

Десятки экспедиций, направляемых из Ленинграда в северные районы силами Пушкинского дома совместно с Ленинградским университетом, ежегодно привозят сотни древнерусских книг, найденных в деревнях, в старинных крестьянских избах. Там, по берегам северных рек, в домах крестьян-номеров, рыбаков, охотников еще сохраняются традиции старины, сохраняется древнерусская книга, бытует оригинальная литература и письменность. Именно в культуре севернорусского населения имеет место такое уникальное явление, как родовые крестьянские библиотеки, ведущие начало чуть ли не с XVI века. И среди рукописей Пушкинского дома большинство принадлежало к таким родовым собраниям. В целом фонды Древлехранилища можно охарактеризовать как одну огромную библиотеку крестьян Русского Севера.

Почти каждый год из экспедиций привозят неизвестные или малоизвестные памятники древней литературы или произведения местного происхождения, среди которых находятся поистине прекрасные образцы искусства словесности. Эти находки существенно дополняют научные представления о культуре и быте наших пред-

Рисунок протоппа Аввакума (70-е годы XVII века).

ков. Так как все эти памятники хранились в среде простого народа, происходят оттуда, связаны с народным искусством по художественному оформлению, это придает фондам Древлехранилица Пушкинского дома подчеркнуто демократический характер.

С историей Русского Севера связаны ценнейшие рукописи ИРЛИ. И среди них подлинными жемчужинами выделяются рукописные книги — автографы замечательных писателей допетровской Руси — протоппа Аввакума и его сподвижников инок Елифания и попа Лазаря. Рукописи их житий переписаны ими самими в ссылке в Пустозерске — древнем пограничном городке на реке Печоре, куда они были сосланы и где были сожжены за раскольническую

деятельность, за «великие на царский дом хулы». Рукопись Аввакума сопровождает единственно известный его сатирический рисунок. Житие Епифания, найденное в прошлом году, проливает свет на творческую историю создания этого памятника.

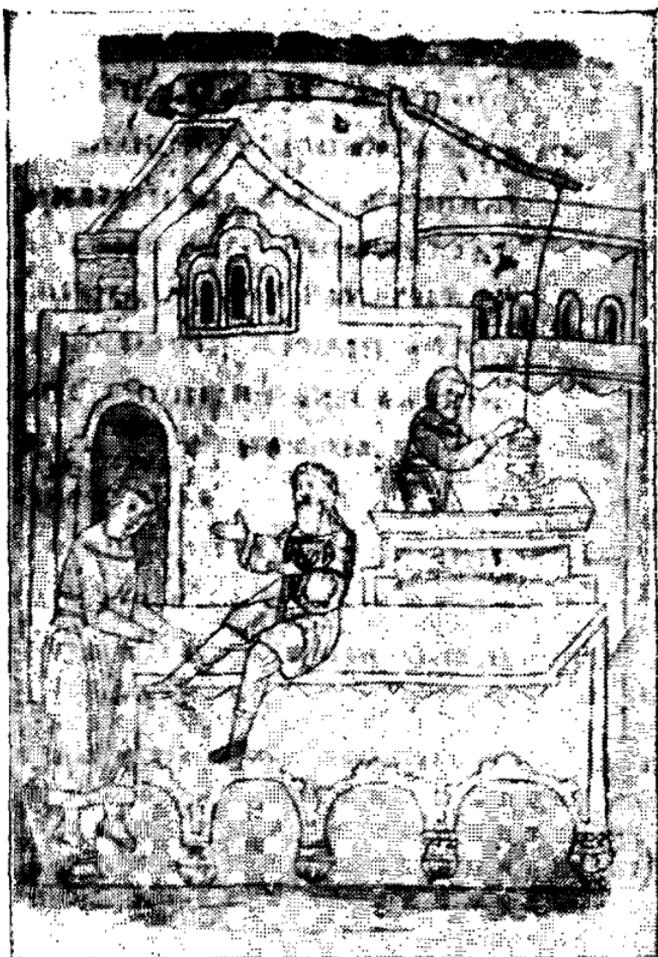
Печорское собрание древнерусских рукописей, насчитывающее более 800 единиц, — одно из наиболее интересных среди территориальных собраний Древлехранилища. В нем хранится огромное количество памятников древней отечественной литературы и местных произведений XVII—XIX веков, авторами которых в большинстве своем выступали местные крестьяне и ремесленники. Печорские рукописи представляют особую ценность для изучения культуры и творчества трудового населения Севера.

Богаты произведениями литературного и исторического содержания, оригинальными и переводными, списками русских повестей, апокрифами, памятниками народной сатиры, естественнонаучными и учебными сочинениями Средневековья и другие территориальные собрания: Пинежское, Карельское, Северодвинское, Новгородско-Псковское, Керженское, Мезенское, Красноборское. Среди них имеются такие уникальные памятники, как Архангелогородский и Пинежский летописцы XVII в., списки местных повестей и историй, сборники с неизвестными ранее произведениями русского стихотворства. Отметим богато украшенное Евангелие, переписанное царевной Софией Алексеевной, с миниатюрами работы художников Московской оружейной палаты. Царевна переписала его в дар Василию Голицыну, которого Петр I сослал в Каргополь. В собраниях содержатся многочисленные материалы по истории и идеологии русских массовых религиозных движений прошлого, повествующие о культуре и быте оппозиционно настроенных господствующей церкви крестьян-старообрядцев.

В собраниях находятся сведения по истории, хозяйству и быту многих районов России, Украины, Белоруссии, Прибалтики. Много нового и интересного найдут для себя в фондах Древлехранилища палеограф, искусствовед, лингвист: в собраниях свыше 300 датированных рукописей XV—XIX веков, более четырехсот лицевых и орнаментированных рукописных книг XIV—XIX веков, большое количество рукописей местной традиции, созданных в Северном крае и отражающих черты местных говоров.

Значительную часть фондов составляют и коллекции частных лиц, переданные в дар или приобретенные у собирателей древнерусской книжности. Среди 40 фондов половину составляют коллекции, носящие имена своих основателей. Богатством памятников литературы, целенаправленностью выделяются коллекции покойного академика В. Н. Перетца (рукописи с XI по XIX вв., 667 единиц), реставратора Ф. А. Каликина (около 100 рукописей XV—XIX вв.),

*Изображение
бани. Мини-
тюра из Сино-
дика [Начало
XVIII века].*

ученых из Архангельска К. П. и А. Г. Гемп, преподавателя из Сыктывкара В. Г. Зыкина, ярославского краеведа В. В. Лукьянова и многих других. Обращает на себя внимание коллекция В. М. Амосова — А. Ф. Богдановой. Это была настоящая деревенская библиотека, последняя владелица которой, А. Ф. Богданова, завещала ее Пушкинскому дому. В коллекции свыше 400 книг и рукописей XV—XX веков.

В Древлехранилище имеются обширные фонды Отдельных поступлений рукописей. Хранилище, пропагандируя собирательскую деятельность, пополняет фонды через лиц из различных городов страны. Среди них — ученые, писатели, журналисты, геологи, колхозники, учителя, студенты, пенсионеры, у которых древние рукописи оказываются случайно. Ценнейшая рукопись собрания — Пустозерский сборник Аввакума и Епифания был получен в дар от И. Н. Заволоко, пенсионера из г. Риги. В фондах Отдельных поступлений имеется пергаменное иллюстрированное Евангелие XIV века

галицко-волинского письма, пергаменные (свыше 600 листов!) Пандекты Никона Черногорца XV века, сборники русских пословиц и поговорок в списках XVII и XVIII веков, второй известный список XVI века поэтического «Слова о погибели земли русской», уникальная древнерусская стихотворная воинская повесть XVII века о богатыре Сухане, лицевой список Жития Аввакума и многие другие памятники письменности.

Значительное место в собрании занимают документальные материалы XV—XIX веков. Это грамоты и столбцы различного содержания, отражающие политико-экономические связи Древней Руси, деловые бумаги, связанные с именами известных исторических деятелей, а также рядового населения. Вызывают особый интерес документы XVI—XVII веков, относящиеся к хозяйственной, имущественно-бытовой и социальной сторонам жизни северного населения, в основном крестьян. Есть документы, повествующие о военных событиях, об истории освоения Севера и Сибири, о событиях эпохи петровских реформ. Ценнейшим документом является выданная в 1568 году польскому посольству подлинная грамота Иоанна Грозного с печатью. Нельзя не отметить такой характерный факт, что в Дрeвлехранилище собираются документы и XVIII—XX веков, принадлежавшие родовым архивам севернорусского крестьянства. Это ценнейший материал для воссоздания наиболее полной картины истории развития культуры и экономики Северного края в целом. В соединении с данными крестьянских библиотек родовые архивы представляют собой неоценимый источник для исследователей.

Читателей журнала заинтересует языковедческая тематика в рукописях Дрeвлехранилища. Значение собранных в ИРЛИ материалов для лингвистики трудно переоценить. Большинство фондов Дрeвлехранилища севернорусского происхождения и носят отчетливые черты севернорусских говоров. Рукописи и документы, записи и приписки владельцев и читателей на книгах представляют великолепный источник для изучения литературного и обиходного языка XVI—XIX веков как на Севере, так и в центральных областях России.

Среди собственно лингвистических сочинений отметим сказание «О письменах» черноризца Храбра, произведения такой тематики Максима Грека и др. Любопытны многочисленные списки азбукоников и словарей, «Толкований неудобъ познаваемымъ речемъ» и т. п. Достойное место в Дрeвлехранилище занимают грамматические сочинения XVII и XVIII веков, представленные в виде учебников и трактатов. Интересны двуязычные словари-разговорники XVIII века, а также статьи и книги о греческом и латинском языках. В собрании имеются рукописи по стилистике, то есть риторике и поэтике, и огромное количество списков книг начального обуче-

*Житие Алек-
сандра Невско-
го, поморской
работы,
XIX век.*

ния грамоте — азбуки и буквари. Историки языка и диалектологи, грамматисты и лексикологи найдут в Древлехранилище благодарный материал для исследований, который еще только вводится в научный обиход.

Древлехранилище Пушкинского дома всегда с большим интересом относится к любым сведениям о местонахождении древнерусских рукописей у населения, принимает их в дар и приобретает на любых условиях. Древлехранилище Пушкинского дома приглашает читателей журнала посетить ежегодные выставки — тематические и новых поступлений.

Наш адрес: 199164, Ленинград, В-164, наб. Макарова, д. 4, Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, Древлехранилище.

*Г. В. МАРКЕЛОВ,
научный сотрудник Древлехранилища
Пушкинского дома*

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕКСИКО

(Западноевропейские
в эпоху

Важность исторического момента, в условиях которого со всей силой проявились неукротимый ум, яркая энергия и прежде всего государственная деятельность Петра Первого, обеспечили не только непрерывающийся вот уже третье столетие интерес историков к этой эпохе и этой личности, но и честь названия Петровским целого периода нашей отечественной истории. Четкая, исторически объективная ленинская оценка деятельности Петра и поэтическая пушкинская — всегда будут для нас мерилami сути петровских деяний. Ленин обратил внимание на осознание Петром исторической необходимости реформ, подчеркивая, что «Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против

РУССКОЙ ГРАФИИ

займствования
Петра I)

варварства» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 36, стр. 301). Пушкина пленяли в Петре удивительная для монарха любовь к труду, неспральный образ мыслей:

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Академиком, ученым в общепринятом смысле слова, Петр никогда не был, но очень многие науки и искусства, художества и ремесла живо интересовали его, в том числе и язык, но знают об этом немногие.

Петровская эпоха ознаменовала собой для русской культуры уже исподволь подготавливаемый предшествующим развитием рыбок в сторону расширения и обновления ее базы. Но следует подчеркнуть, что со всей силой последний мог осуществиться только при условии осознания его исторической необходимости и руководящей санкции, которую он получил в лице Петра. Немаловажную роль сыграла петровская реформа азбуки: с Петра издается книга гражданской печати, а церковнославянская вытесняется в сферу религиозного культа. Это, конечно, незамедлительно нашло свое отражение и в языке.

В докладе на IV Международном съезде славистов В. В. Виноградов отметил: «Со второй половины XVII века оба типа древне-

русского литературного языка растворятся в новой системе трех стилей русского литературного языка, твердо ступающего на путь национального развития». В это время происходит сближение русского и новых западноевропейских языков. Неслучайно поэт и филолог XVIII века Тредиаковский усматривает в «нововводимых словах, воспрятых от чужих языков», одно из отличий русского языка от славянского.

С эпохи Петра между русским языком и новыми языками Запада по существу и возникает тот прочный мост, в виде массива взаимно перенятых слов, каким мы пользуемся и в наши дни. Поток западноевропеизмов неизбежно должен был хлынуть в русский язык вместе с активным приобщением всей русской жизни к опыту европейской цивилизации. Не касаясь здесь всей сложности этого процесса, укажем лишь, что все без исключения жанры Петровского времени так или иначе отражают сильнейшее пополнение и расширение словарного состава русского национально-го языка за счет иноязычных слов. Показательны в этом смысле письма и бумаги самого Петра. Пестрят западноевропеизмами, например, изложенные им в 1708 году «Правила сражения»: «Неудобно, чтоб наша *кавалерия* гораздо далеко за неприятелем гналась, но потребно, чтоб она, разбив его, паки в *шквэдроны* собиралась, в добром порядке *маршировала* и ожидала указа от своих *командиров*. Она может токмо послать некоторыя малыя *дегашаменты* для преследования неприятеля, а остатку надлежит тотчас паки построитца».

Но Петра и его сподвижников рано начала беспокоить та затрудненность понимания речи, перенасыщенной иностранными новыми словами, которая нередко наблюдалась в их время. Поэтому так развилось тогда пояснительное употребление иностранных слов, интенсивно составлялись прикняжные словарики, начались собиране таких слов и попытки искусственно повлиять на их ограничение.

На письме чрезвычайно активизируются при Петре обороты с *или, то есть, си есть* — пояснительные, уточняющие по своей функции. Так, в переведенном с французского языка в 1715 году «Уставе о войсках морских» находим такие пояснительные глоссы: инструкции (то есть указы), от контролоров (то есть от надзирателей, или от проверщиков), конфузии (или смущения). Словарики помещаются не только при учебниках, разных технических руководствах и научных трактатах (переводных и оригинальных), но и при государственных документах. «Толкование иностранных речей» содержит «Его царского величества Генеральный регламент или Устав, по которому Государственные коллегии, також и все оных принадлежащих к ним канцелярей, и кантор служители, не

токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина подданнейше поступать имеют» (СПб., 1720).

Известно стремление Петра пресечь злоупотребление иностранными словами (которое у малообразованной части общества стало синонимом «образованности»), прежде всего в важных документах. «Впредь тебе реляции писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов», — писал Петр послу Рудаковскому. Существенно это было еще и потому, что новыми иностранными языками в то время владели немногие люди, и непонимание грозило, например в военном деле, нежелательными последствиями. Известен, в частности, из истории XVIII века случай, когда текст военного донесения был понят неправильно именно из-за употребленных в нем иностранных слов: немецкого *bedecken* — «прикрыть» и польского *место* — «город» (как русское *место*) и из-за неисполнения приказа враги «многие пакости поделали».

Петра заботил недостаток в России (в начале его царствования) русских переводчиков с западных языков — слишком остро осознавал он необходимость в переводах. «Сыщите книгу юриспруденцию, чтоб перевели на словенский язык», — писал он Веселовскому. По его личному распоряжению был переведен трактат С. Пуффендорфа «О должности человека и гражданина». Он потребовал от Виниуса перевода трактата о механике и устава судебных воинских правил, настаивал на срочном переводе на русский язык сочинений, содержащих «художества»: «мафематическое, хотя до сферических триангулов, механическое, хирургическое, архитектур-цивилис, анатомическое, ботаническое, милитарис и прочие». И Петр отдает ряд распоряжений о переводчиках: «потребных к академии... приискивать и в службу принимать», а тех, «которые умеют языки, а художеств не умеют... отдать учиться художествам, а которые умеют художества, а языку не умеют, тех послать учиться языкам».

Преподавание иностранных языков получает при Петре более широкие размеры, нежели в предшествующее время. Католические монахи заводят латинские школы, в которых преподается и немецкий язык. Иностранные языки преподаются при Посольском дворе. Готовит их знатоков школа Э. Глюка. Французский, немецкий, итальянский, голландский и шведский языки преподаются в Морской академии. В 1700 году преподавание в Славяно-греко-латинской академии, основанной еще в допетровскую эпоху, с греческого и латинского целиком переводится на латинский язык — язык тогдашней европейской образованности. В 1724 году сенат подписывает проект, учреждающий в России Академию наук. Официальным языком науки становится в ней латынь. И, конечно, без этих мер невозможно было овладение в краткий срок многими

новыми знаниями, равно как и укрепление сознания того, что «языки суть нечто иное, как ключи к наукам».

Конечно, в Петровскую эпоху хлынуло в русскую речь и множество таких слов, которые впоследствии не привились на русской почве (зачем, например, нужно было заменять *победа* словом *виктория*): они остались в истории русского языка примотой и давью только этой эпохи. Конечно, после Петра, при недостойных его преемниках, засилье иностранцев при дворе и в Академии грозило самобытности русской. Но уже 40-е годы XVIII века, по словам К. С. Аксакова, явились временем сознательного возвращения к себе. Во второй половине XVIII века официальным языком в Академии становится русский. На русском языке преподают: философию — Поповский, юриспруденцию — Третьяков и Десницкий, естественные науки — Забелин и Страхов. Выходят на русском языке сочинения по анатомии. Вершины достигает русский научный язык в трудах Ломоносова.

Активное, широкое знакомство с иностранными языками для образованных людей, начиная с Петровской эпохи, могло привести к сознательной оценке возможностей своего собственного, русского. «Наш язык, — писал в 1783 году И. И. Лепехин, — много полнее и плодотворнее, и мною, что в философии, мафематике, и прочих науках не хуже французского и германского, но еще кратче изъяснить можем, что некоторые члены Русской Академии изданием разных книг засвидетельствовали, особливо господин профессор Ломоносов изданием Риторики» (Собеседник любителей российского слова).

Другой заботой Петра Первого были словари. В 1716 году по его распоряжению Я. В. Брюс приступил к составлению голландско-русского и русско-голландского лексиконов на основе перевода книги голландского лингвиста Вилима Севела «Искусство нидерландского языка». Петр собственноручно составил руководство для работы над этим словарем: «Где какое именование явится, выписывать в особливую тетрадь. Сие вся выписав, перевести на русский язык потом». Дело оказалось сложным, Брюс постоянно держал Петра в курсе, докладывая, что около 300 слов «никто истолковать не мог», что пришлось выписать из Амстердама для уточнений и исправлений Лексикон Севела. Лексикон, однако, вышел в свет и, надо полагать, послужил полезным руководством для изучения голландского языка и морского дела.

«Коллекционировал» слова и сам Петр. Встречающиеся в его письмах и бумагах списки военных и кораблестроительных терминов, конечно, нельзя назвать словарями, но в них есть сопоставительный словарный элемент, элемент толкования: «een rupan schip — корабль особава дела, спереди туп, а ззади остер», — записывает Петр, например, голландский термин.

Но особенно интересна правка, сделанная рукой Петра на страницах знаменитого рукописного «Лексикона вокабулам новым», о чем сохранилось в этой рукописи свидетельство — приписка помощника библиотекаря Академии наук Богданова: «приправа на листах собственной руки Государя Императора Петра Великого».

Словарь этот представляет собой собрание более 500 новых для Петровской эпохи иностранных слов западного происхождения. Одни из них в нем объяснены, другие нет, для многих обозначено ударение. В большинстве случаев это глоссы из книги Шхонбека «История об орденах кавалерских» и «Книги о войнах Цезаревых», почему и можно предположить участие в составлении Лексикона переводчика этих книг Б. Волкова. Лексикон составлен приблизительно в алфавитном порядке (по первой букве слова). Петром правка доведена до буквы Д. Возможно, что работу его оборвала смерть. В чем состоит эта правка?

Петр исключил из Лексикона слова *балахай* и *галлы*. Из *бата-ре́а*, *батарейки*, *батэриа* он оставил только первое. Вычеркнул *бай-бер* и *близир*, введя *барбир* 'брадобритель'. *Болверок* из самостоятельной словарной статьи перевел в качестве синонима в статью *бастион*. *Адмиралство* исправил на *адмиралтейство*, *гауптгвартир* на *аудквартир*. Объединил союзом *или* слова *габион* и *герса* 'застава', варианты *гласиси* и *гласи*. Исправил многие толкования.

Так, вместо *болезнь* 'удес расслабление, паралижь', при слове *апоплексия* он ставит: 'остановление течения по малу в жилах'. Вместо *ассамблеа* 'веселое собрание, или вечера свободная' написал, вычеркнув первоначальный вариант: 'волной приход всякому в чей дом в назначенное время для веселья кроме ужена'. Вместо *барьер* 'застава' у Петра *барьер* 'преграда'. Встречаются и частичные изменения в толкованиях: вместо *аудиенция* 'слушание, или прием посла' появляется *аудиенция* 'выслушание или прием посла или кто иностранной о чем доносит'.

По-разному можно оценивать эту правку. Но в ряде случаев невольно обращает на себя внимание точность петровской мысли и живая образность его восприятия: вместо *яйцо* в образное истолкование слова *глобус* Петр подставляет *яблоко*. Было: *глобус* — «круг земный, в подобие яйца построен». Стало после правки Петра: *глобус* — «круг земный, в подобие яблока построен». Осторожен Петр с омонимами: встретив слово *домостроитель* — калька греческого слова *эконом*, он предпочитает заменить *архитект* 'домостроитель' на *архитект* 'строитель'. Насколько же удачно синонимическое петровское толкование *барьер* 'преграда', нежели *барьер* 'застава', доказывает последующее расширение значения первоначально военного термина *барьер* (ср. современные: международные барьеры, барьер отношений и проч.).

Очевидно, «Лексикон вокабулам новым» составлялся также по повелению Петра Первого. Лексикон явился первым словарем иностранных слов большого объема, отражающим новую иноязычную лексику в русском языке (в словарях иностранных слов предшествующей поры, так называемых Азбуковниках или алфавитах иностранных речей, западноевропейизмов было еще немного).

В речевой и лексикографической практике XVIII века, в процессе собирания и первоначальной лексикографической обработки богатств русского языка, осуществлялся глубинный языковой эксперимент, подготовивший в дальнейшем развитую систему литературного языка с единой национальной нормой, богатство отечественной терминологии и интернационального пласта в русской лексике.

В этой практике отразился глубокий подъем богатейших недр русской культуры, ярко проявилась ее способность к творческому восприятию лучших достижений мировой культуры. Огромную роль сыграло то обстоятельство, что процесс перенимания Россией западничества был в XVIII веке своевременно осознан как историческая необходимость и возглавлен государственным умом выдающейся энергии и силы.

И. А. ВАСИЛЕВСКАЯ
Рисунок Ю. Космынина

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

(Ответы. См. стр. 87)

1. Рад, горазд, надобен.
2. Юп, ал, яр.
3. Только первые два (*сочнее, слаще*), *дороже* — наречие в сравнительной степени (*ценилась — как? — дороже*).
4. *Ветреный день* (*ветренный человек*); *ветряная мельница, ветровое стекло*.
5. Прилагательные *каменный* 'твердый', *стеклянный* 'хрупкий, звонкий' и *спортивный* 'обладающий качествами спортсмена' перешли в качественные.
6. *Русский, русская*.
7. По окончаниям *-ым, -им*: *хорошим другом, хорошим друзьям, подругам*.
8. Мал *мала* меньше, *средь бела дня, на босу ногу* и др.; в составе многих наречий, слившихся с предлогами: *добела, попросту, вскорее* и др.
9. *Мелочная опека* — *мелочная лавка, занятый стул* — *занятый человек, привычный клич* — *привычный возраст, языковая колбаса* — *языковая проблема*.

СИНТАКСИЧЕСКИЙ РАЗБОР

Значительная часть абитуриентов, как показывает опыт вступительных экзаменов, незнакома с требованиями, которые предъявляются к грамматическому анализу текста: с чего начинать его, какие признаки и в какой последовательности называть при том или ином виде разбора. Между тем умение анализировать текст с грамматической точки зрения — основной показатель сознательно-го, глубокого и прочного усвоения теоретического материала.

Синтаксис — раздел грамматики, изучающий связи слов, словосочетание и предложение, поэтому синтаксический анализ нельзя подменять, как это часто делают абитуриенты, морфологическим. Следует указывать лишь те грамматические признаки, которые существенны для структуры и значения синтаксических единиц.

Так, анализируя двусоставное предложение с подлежащим, выраженным существительным, важно отметить то, что для этого существительного единственно возможна форма именительного падежа. А отвлеченное оно или конкретное, собственное или нарицательное, одушевленное или неодушевленное, какого оно рода, числа и склонения — эти признаки следует указать при морфологическом разборе существительного как части речи. При синтаксическом анализе, рассматривая члены предложения, выраженные существительными, нужно отметить только, в каком они падеже, так как те или иные падежные формы имени выполняют разные синтаксические функции.

Анализируя, например, предложение «Родина проявляет постоянную заботу о детях», о подлежащем *Родина* скажем, что оно выражено существительным в именительном падеже, о дополнении *о детях* — в предложном падеже с предлогом *о* (косвенное дополнение). Говоря о других членах предложения, также укажем лишь то, что имеет отношение к синтаксису: сказуемое *проявляет за-*

боту выражено неделимым сочетанием, которое можно заменить одним словом — *заботится*, следовательно, по структуре оно простое; определение *постоянную* выражено прилагательным, род, число которого полностью зависят от определяемого существительного *заботу*. Указание рода, числа и падежа прилагательного в данном случае обязательно, так как именно с помощью этих категорий осуществляется связь определения с определяемым словом: *постоянную заботу* — согласование в роде, числе и падеже. Какое это прилагательное по значению, для синтаксиса несущественно, поскольку любое прилагательное автоматически предполагает существительное.

Анализ текста должен быть четким, полным, логически стройным. Чтобы лучше запомнить, какие признаки и в какой последовательности называть, рекомендуется при подготовке к экзамену составить схемы синтаксического разбора предложений разной структуры.

Простое предложение

1. Двусоставное или односоставное, то есть с двумя главными членами или с одним, вид односоставного предложения.

2. Распространенное или нераспространенное, если осложнено, указать — чем (обособлением, обращением, вводными словами, однородными членами).

3. Полное или неполное.

4. Повествовательное, вопросительное или восклицательное.

5. Главные члены предложения: подлежащее — чем выражено; сказуемое — а) простое или составное; б) глагольное или именное; в) чем выражено; г) как связано с подлежащим (для двусоставного предложения).

6. Второстепенные члены предложения: а) название его; б) от какого члена предложения зависит; в) чем выражен; г) как связан с другими (вид синтаксической связи).

Сложноподчиненное предложение

1. Главное и придаточное предложения (части).

2. Вид придаточного по значению (изъяснительное, определительное, обстоятельственное).

3. К чему относится придаточное.

4. Средства связи придаточного с главным [союз, союзное слово, соотносительное (указательное) слово, интонация, порядок следования].

5. Разбор простых предложений, входящих в состав сложного, в предложенной последовательности.

Сложносочиненное предложение

1. Количество простых, входящих в состав сложного. Их границы.

2. Средства связи простых предложений.

3. Смысловые отношения между частями (предложениями).

4. Разбор простых предложений, входящих в состав сложного.

Так же анализируются и бессоюзные сложные предложения.

Сложное предложение усложненного типа

1. Количество простых предложений, входящих в состав сложного. Их границы.

2. Способ связи простых предложений: сочинение с подчинением, соподчинение, последовательное подчинение или различные комбинации их. Схема предложения.

3. Средства связи простых предложений.

4. Смысловые отношения между частями сложного.

5. Разбор простых предложений, входящих в состав сложного.

Таким образом, анализ любого предложения следует начинать с определения его типа, после чего продолжать разбор по соответствующей схеме.

С синтаксическим разбором тесно связан пунктуационный. Правила пунктуации формулируются на синтаксической основе: знаки препинания «закреплены» за определенными синтаксическими конструкциями. Анализируя предложение, абитуриент объясняет и расстановку знаков препинания в нем. Делать это можно в зависимости от типа предложения в начале синтаксического разбора, в процессе или после него.

Приведем образцы синтаксического разбора.

Текст

«Управлять современным предприятием, оснащенным сложнейшей техникой,— трудная задача» (из газет).

Примерный ответ абитуриента

Это предложение простое, двусоставное, распространенное, осложненное причастным оборотом, полное, повествовательное.

Главные члены предложения: *управлять* — подлежащее, выражено неопределенной формой глагола; *задача* — составное именное сказуемое с опущенной (нулевой) связкой, именная часть выражена существительным в именительном падеже.

Второстепенные члены предложения: *управлять* (чем?) *предприятием* — косвенное дополнение, выражено существительным в творительном падеже; *предприятием* (каким?) *современным* — согласованное определение, выражено прилагательным (оно относится к существительному *предприятие* и согласуется с ним в мужском роде, единственном числе и творительном падеже); *предприятием* (каким?), *оснащенным сложнейшей техникой* — согласованное определение, выражено причастным оборотом (обособляется, так как стоит после определяемого слова); *задача* (какая?) *трудная* — согласованное определение, выражено прилагательным (оно относится к существительному *задача* и согласуется с ним в женском роде, единственном числе и именительном падеже).

Текст

«От цвета черемухи нет особого проку, но цветет она рано, в пору весеннего пробуждения и буйства всех земных сил» (Солоухин).

Это предложение сложносочиненное, состоит из двух простых, связанных сочинительным союзом *но*, выражающим противительные отношения. Далее следует характеристика его частей по приведенной выше схеме.

Текст

«Наде было жалко и страшно смотреть, как полураздетых раненых тащили по коридору» (Фадеев).

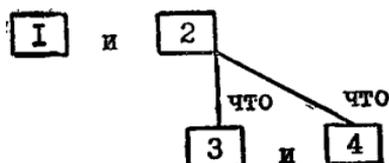
Это предложение сложноподчиненное, главное — «Наде было жалко и страшно смотреть», придаточное «как полураздетых раненых тащили по коридору» — изъяснительное (изъяснительная часть), относится к сказуемому главного предложения, связано с главным подчинительным союзом *как*. Далее следует характеристика и разбор по членам главного и придаточного предложений (частей).

Текст

«Сабуров посмотрел на поспешно выгружавшихся из вагонов солдат [1], и ему захотелось как можно скорее

добраться по этой пыли до Волги и, переправившись через нее, почувствовать сразу и бесповоротно [2], что обратной переправы не будет [3] и что его личная судьба будет решаться только на том берегу [4]» (Симонов).

Это сложное предложение усложненного типа, состоящее из четырех частей. Обозначим цифрой конец каждой из них. [1] и [2] связаны по способу сочинения, [3] и [4] — по способу сочинения друг с другом и по способу подчинения — со [2], то есть в отношениях однородного соподчинения. Схема этого предложения:

Предложение [2] связано с [1] сочинительным соединительным союзом *и*, выражающим временные отношения; [3] и [4] — связаны друг с другом соединительным союзом *и* (он также выражает временные отношения). Обе эти части с помощью подчинительных союзов *что* связаны со [2], являющейся главной для них. Придаточные предложения одинаковы по значению: оба они изъяснительные, относятся к одному и тому же слову главного, следовательно, являются однородными (перед союзом *и* нет запятой). Далее следует характеристика и разбор по членам частей (предложений), входящих в состав сложного.

Текст

«Стих Пушкина можно сравнить с красотой человеческих глаз, оживленных чувством и мыслью: отнимите у них оживляющее их чувство и мысль — они останутся только красивыми, но уже не божественно-прекрасными глазами» (Белинский).

Это бессоюзное сложное предложение состоит из трех частей (предложений), связанных друг с другом посредством интонации. Смысловые отношения между ними таковы: третья со второй раскрывают причину того, о чем говорится в первой (при таких отношениях частей бессоюзного сложного предложения между ними ставится двоеточие); вторая указывает условие, при котором возможно то, о чем сообщается в третьей (согласно правилам пунктуации между ними ставится тире). Далее — анализ каждой из этих частей (предложений) по соответствующей схеме.

Укажем теперь на ряд ошибок абитуриентов в синтаксическом разборе текста. В большинстве случаев ошибки объясняются незнанием методики разбора, требований, предъявляемых к синтаксическому разбору, сложностью анализируемых явлений.

1. Разграничение двусоставных и односоставных предложений.

Затруднения вызывают предложения с одним главным членом, выраженным существительным в именительном падеже. Не всегда абитуриенты помнят, что наличие в предложении одного главного члена еще не является доказательством односоставности: второй главный член может легко восстанавливаться из контекста или ситуации высказывания. Например, предложение «На столе цветы» — неполное двусоставное: предложно-падежная форма *на столе* (обстоятельство места) из состава (группы) сказуемого.

Еще примеры.

« — Кто приехал? — Брат»;

« — Кто твой брат? — Учитель».

Предложения-ответы в этих диалогах также неполные двусоставные предложения. В первом случае представлено только подлежащее — *брат*, сказуемое легко восстанавливается из контекста — *приехал*; во втором случае составное именное сказуемое — *учитель*, подлежащее ясно из контекста — *брат*.

2. Разграничение главных членов.

Нередко абитуриенты затрудняются в определении подлежащего и сказуемого, если оба они выражены именительным падежом существительного или неопределенной формой глагола. Ориентироваться в этом случае только на порядок слов, как это делает большинство экзаменующихся, нельзя: но всегда подлежащее занимает первое место, а сказуемое — второе.

Рассмотрим предложение «Для меня всегда наслаждение — чтение интересной книги».

На первом месте здесь составное именное сказуемое *наслаждение*, на втором — подлежащее *чтение*. Сказуемое произносится с усиленным ударением.

В затруднительных случаях рекомендуется учитывать следующее: 1) сказуемое, как правило, выражает более широкое понятие, оно дает характеристику, оценку под-

лежащего: «Чтение интересной книги — это наслаждение для меня»; 2) сказуемое, выраженное именительным падежом существительного или неопределенной формой глагола, можно заменить творительным падежом имени в функции сказуемого (творительным предикативным): «Чтение интересной книги для меня всегда является наслаждением».

3. Определение синтаксической функции неопределенной формы глагола.

Если неопределенная форма стоит после личного глагола, то не всегда легко определить ее синтаксическую роль. Сравним два предложения: «Сын хочет приехать на каникулы домой» и «Отец просит его приехать домой». В первом предложении неопределенная форма вместе с личным глаголом обозначает одно действие и входит в составное глагольное сказуемое *хочет приехать*, основное значение в нем выражено неопределенной формой глагола, а личный глагол выражает модальное значение желательности действия, обозначенного неопределенной формой. Во втором предложении неопределенная форма и личный глагол выражают действия разных лиц (отец просит, а приехать должен сын). В подобных случаях сказуемым является личный глагол, а неопределенная форма — дополнением.

Сравним еще два предложения: «Он любит работать» и «Он намеревается работать». Неопределенная форма и личный глагол обозначают в каждом из этих предложений действие одного лица, но синтаксическая функция неопределенной формы в них различна: в первом предложении неопределенная форма — дополнение, во втором — основная часть составного глагольного сказуемого.

Основой для различения функций неопределенной формы является значение личного глагола: если он без неопределенной формы способен выражать признак подлежащего, то это простое глагольное сказуемое, например: *привык работать по утрам, отвык отдыхать, любит читать*. Неопределенная форма в этих случаях выступает в роли дополнения, она легко замещается существительным — дополнением: *привык к работе, отвык от отдыха, любит чтение*. Если же личный глагол, не называя самостоятельного действия, обозначает модальное значение или фазу, этап другого действия, выраженного неопределенной формой, то он вместе с последней выступает в ро-

ли составного глагольного сказуемого, например: *зотел (собирался, намеревался, мог) читать; начал (продолжал, кончил, бросил) рисовать.*

Конечно, в небольшой журнальной статье невозможно рассказать обо всех встречающихся ошибках при синтаксическом анализе текста. Мы указали лишь на часть наиболее распространенных.

М. В. ИОНИНА,
доцент Донецкого университета

ХРОНИКА

Международный комитет славистов (МКС) образован в 1955 году. Первым председателем его был академик В. В. Виноградов.

Председатель МКС представляет страну, в которой собирается очередной съезд славистов. В настоящее время председателем МКС является крупнейший польский славист академик Витольд Дорошевский.

В Международном комитете славистов представлены ученые 24 стран мира. Члены МКС от Советского Союза: академик М. П. Алексеев (заместитель председателя МКС, председатель Советского комитета славистов), академик И. К. Белодед (председатель Украинского комитета славистов), академик В. И. Борковский, академик Б. А. Рыбаков, академик АН БССР К. К. Атрахович (Крапива).

Международные съезды славистов собираются каждые пять лет.

IV съезд проходил в Москве в 1958 году, V — в Софии в 1963 году, VI — в Праге в 1968 году.

К СЪЕЗДУ СЛАВИСТОВ В ВАРШАВЕ

21—27 августа этого года в Варшаве будет проходить очередной, VII Международный съезд славистов. Это важнейшее событие в жизни большой, разветвленной науки, изучающей историю, культуру, литературу, народное творчество и языки славянских народов. Представительный славистический форум — это и большое международное событие. Академик Польской Академии наук Витольд Дорошевский в

статье, посвященной предстоящему съезду, пишет:

Нас, славян, роднит не только близость языков, на которых мы говорим, а, следовательно, и возможность очень конкретного видения различных языковых проблем, но также и желание, чтобы призыв формировать взгляд на мир на разумных основах объединил всех населяющих нашу планету людей, которые стоят перед ди-

леммой: сотрудничество, доброжелательность и взаимоповиновение между людьми или всеобщее самоубийство, могущее вполне совершиться в техническом отношении, так как средств уничтожения накоплено уже столько, что их во много раз больше, чем требуется, чтобы планета Земля разлетелась на мелкие кусочки. Наша задача — познание языков, литературы, истории славянских народов. Мы не стремимся к единомыслию в решении научных вопросов, ибо не всегда можно установить различие между формальным единомыслием, догматизмом и оппортунизмом (Poradnik językowy, 1972, № 1).

По данным Международного комитета славистов, на съезд представлено 962 доклада и сообщения: 66 из Болгарии, 109 из Польши, 138 из Советского Союза, 115 из Чехословакии, 97 из Югославии; 437 — представили ученые из более чем двадцати неславянских стран, что говорит о все возрастающем интересе ученых мира к проблемам славистики.

На пленарном заседании съезда будет прочитано три доклада по разным славистическим дисциплинам. С докладом по языковедческой тематике — «Проблемы происхождения славянских языков» — выступит директор Института русского языка АН СССР член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин. Вопрос о происхождении славянских языков, о прародине славян — традиционный для славистических съездов. Он неизменно вызывает оживленную дискуссию, ему посвящали и посвящают свои исследования слависты многих стран.

В состав советской делегации, направляющейся в Варшаву, входят крупнейшие ученые, которые будут выступать по самым актуальным вопросам современной славистики на заседаниях всех секций съезда — языковедческой, литературоведческой, литературно-лингвистических проблем, фольклористики, общеславянских исторических проблем.

На заседаниях языковедческой секции член-корреспондент АН СССР Р. И. Аванесов прочтет доклад «К вопросам периодизации истории языка», академик И. К. Белодед — «Киево-могилянская академия и развитие восточнославянских литературных языков в XVII—XVIII вв.», академик В. И. Борковский — «Основные черты сходства и различия в истории синтаксического строя восточнославянских языков (XI—XVII вв.)». Развитие в советском языкознании последних лет исследований по лингвистической географии, исторической лексикологии и этимологии, сравнительно-историческому и современному синтаксису, изучение восточнославянских и южнославянских письменных памятников, большой размах словарной работы в трех наших славянских республиках — все это нашло отражение в тематике докладов советской делегации. В докладах наших ученых использованы материалы всех славянских языков. Особенное внимание уделено темам, разработанным к съезду Международным комитетом славистов: системе праславянского языка как основы современных славянских языков, истории славянских литературных языков и иноязычным, главным образом греко-латинским элементам в них и др.

На заседании литературоведческой секции академик М. П. Алексеев представит доклад «Построение истории национальной литературы в странах иного славянского языка», академик Д. С. Лихачев — «Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы», академик Б. А. Рыбаков — «Исторические взгляды автора „Слова о полку Игореве“», академик М. Б. Храпченко — «Писатель, литература и моделирование действительности», член-корреспондент АН СССР Д. Ф. Марков — «Вопросы теории и методологии сравнительного изучения славянских литератур». По предложению польских ученых, значительная часть докладов, представляемых на съезд, посвящается изучению романтизма в славянских литературах. В ряде докладов по современной проблематике трактуются во-

просы развития социалистического реализма в литературе славянских народов.

Из докладов на секции литературно-лингвистической проблем можно отметить предстоящее выступление члена-корреспондента АН СССР Д. Д. Благого «Мысль и звук в поэзии».

По традиции, на съезде будет развернута выставка славянистической литературы. Обширный и разнообразный советский раздел ее готовят в настоящее время сотрудники Института научной информации по общественным наукам АН СССР. Съезду посвящают книги, сборники научных работ ученых многих научных центров и учреждений нашей страны.

Ученый секретарь
Советского комитета
славистов
В. Я. ДЕРЯГИН

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

(Ответы. См. стр. 58—59)

I

Между старыми яблонями и разросшимися кустами крыжовника пестрели круглые бледно-зеленые кочаны капусты; хмель винтами обвивал высокие тычинки; тесно торчали на грядах бурые руты, перепутанные засохшим горохом; большие плоские тыквы словно валялись на земле; огурцы желтели из-под запыленных угловатых листьев; вдоль плетня качалась высокая крапива; в двух или трех местах кучами росли: татарская жимолость, бузина, шиповник — остатки прежних «клуб».

И. С. Тургенев. Мой сосед Радглов

Неподалеку от моста, перекинутого через бурливый и грязный горный поток, выбегала из-под земли, в тени кривых дубов и густого орешника, говорливая, холодная струйка воды. Она проделала в почве круглый неглубокий водоем, из которого сбегала в ручей тонкой змейкой, блестящей в траве, как живое серебро.

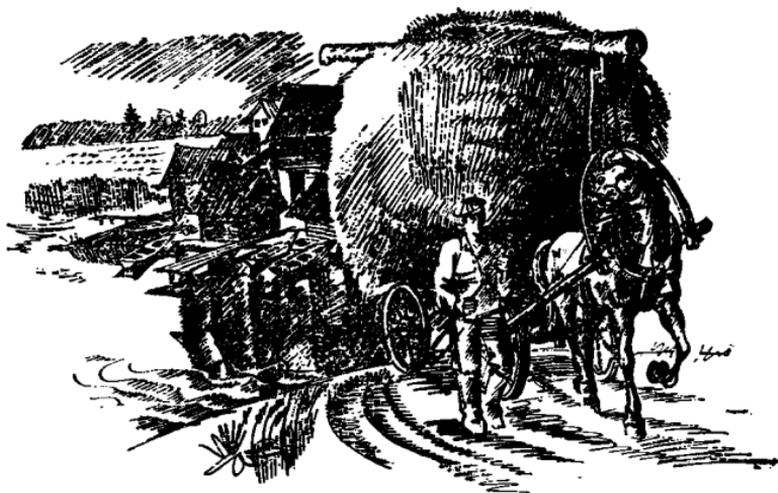
А. И. Куприн. Белый пудель

II

Ага (междометие) — собственно русское, возникло путем удвоения междометия *а* с последующим развитием *г*;

аккурат (точь-в-точь) — заимствовано из польского языка в Петровскую эпоху;

анализ — заимствовано из французского языка в XVIII веке.

«С Т Я Г» В РУССКИХ ГОВОРАХ

Читатель журнала «Русская речь» А. Шахбудагов прислал в Картотеку Словаря русских народных говоров список ангарских (красноярских) слов. Редакция Словаря выражает признательность и благодарность т. Шахбудагову за присланные им интересные материалы, которые будут использованы при составлении Словаря.

В своем письме А. Шахбудагов просит рассказать на страницах журнала об этимологии слова *стяг*, о его судьбе в говорах.

Слово *стяг* органически входит в лексическую систему русских народных говоров. Сведения об этом слове, как и о многих других областных словах, продолжают пополняться благодаря широко развернувшемуся в последние годы собиранию материалов по лексике русских говоров специалистами-диалектологами и многочисленными любителями народного слова.

Известно, что в современном русском литературном языке слово *стяг* имеет значение 'знамя' (Словарь современного русского литературного языка): «Пришла славян-

ская дружина И развила победы стяг» (Пушкин. Олегов щит).

Записи народной речи, которые делались на протяжении XIX—XX веков многими лингвистами, этнографами, любителями и ценителями народного русского слова, показывают, какие именно значения имеет это слово в русских народных говорах.

Эти сведения долгое время были рассеяны по разного рода печатным и рукописным архивным источникам. Многие из них собраны в настоящее время в сокровищнице русской диалектной лексики — картотеке «Словаря русских народных говоров» Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР — и продолжают пополняться. [В этом ответе использованы также материалы Картотеки древнерусского словаря (Институт русского языка АН СССР, Москва).]

В исследованиях по русскому языку пока нет публикаций, которые достаточно полно отражали бы все материалы о слове *стяг*: территории распространения, его значениях в говорах. Между тем эти сведения очень важны для изучения истории слова, для его этимологии, которая долгое время была загадкой для ученых.

Среди разных диалектных значений слова *стяг* обращает на себя внимание одно из них — «длинная жердь, которой стягивают на возу сено с помощью прикрепленных к ее концам веревок». Оно известно в архангельских говорах, в говорах Ленинградской, Калининской, Московской областей, в Сибири: «Стяг, чтобы воз не рассыпался, затягивают» (Пинеж. Арх., Матвеев); «Стяг есть, зажмут, заматывают, затягивают» (Мезен. Арх., Федоров); «Накладу воз, потом привяжу, палка была, стяг называется» (Волх. Ленингр., Попов); «Жердь большую стягом называют, он сено на телеге держит, чтобы не упал воз» (Моск., Иванова).

Чаще стягом называют любую жердь, шест, тонкое бревно или даже палку, кол, дубину. Так, значение «жердь» встречается в многочисленных записях, произведенных на территории севернорусских говоров (архангельских, олонекских, вологодских, северодвинских, ярославских, Ленинградской области), говоров Сибири (в Иркутской, Томской областях, на Колыме, на Амуре, в Тункинском районе Бурятской АССР): «Я стаю [хлев] не закрыла стягом» (Арх., Ивашко); «Как он его хватит стягом-то — так на месте и решил» (Амур., Карпов).

В костромских, пермских говорах собиратели отмечают близкое, но не тождественное предыдущему значение 'шест': «Вносят в избу совершенно нагого мужчину на стяге [шесте], пропущенном через связанные руки, ноги, на подобие говяжьей туши» (Ветл. Костром., Завойко).

В говорах Сибири встречается также значение 'тонкое бревно': «Когда стяг лежит (под кладкой бревен), бревна сули делаются и скатывать их легче» (Бурят. АССР, Соколов).

Значение 'кол' широко представлено в материалах по севернорусским говорам (новгородским, вологодским, олонекским, владимирским, вятским, пермским), а также псковским и рязанским: «Мы с братиком да Кирюха с казаком хватили по стягу да и давай катать по имя» (Вят., из матер. Шахматова).

Нередко собиратели дают определение 'палка' (в новгородских, вологодских, сибирских говорах) или 'дубина' (в псковских, вологодских, пензенских, уральских, томских, иркутских говорах): «Они его стягом бьют» (Том., Словарь русских старожильческих говоров в бассейне средней части р. Оби); «Стягом ему хребет переломили» (Пенз., Зимин).

Многие собиратели, указывая назначение кола, палки при работе, сопровождают слово *стяг* определением 'рычаг' — в говорах европейской части России (архангельских, вологодских, ленинградских, ярославских, олонекских, костромских, тверских, орловских, пермских), Урала, Сибири (иркутских, красноярских, енисейских), а также в русских говорах Прибалтики — на территории Йонавского района Литовской ССР.

В говорах на побережье Ладожского озера и Белого моря *стягом* называют деревянный брус круглого сечения, которым поворачивают брашпиль на рыбацком судне (Клыков), на Псковском озере *стяг* — 'деревянная палка, шест, которым, приводят в движение ворот' (Кузнецов).

Иное значение отмечено в говорах Новосибирской области — 'полено' (Федоров). Жители Варнавинского уезда Костромской губернии *стягом* называли 'длинный прут, ветвь, сучок' (Лапшин).

В «Дополнении к Опыту областного великорусского словаря» приведено еще одно значение слова *стяг* — 'осколок, колотушка' (Пск.). В говорах Медвежьегорского района КАССР *стяг* — 'веревка, которой привязывают подсанки к саням при перевозке длинных бревен, досок и т. п.'!

«Подвозок прицепляется к дровням стягом» (Попов). В Переславском уезде Владимирской губернии *стягами* называли пироги или лепешки.

Со значением 'жердь, шест' в говорах связано переносное употребление слова *стяг*, когда говорят о человеке высокого роста: «В кого у тебя стяг эдакой» (Черепов. Волог., Чайкина).

Сделанный обзор значений слова *стяг* в русских говорах будет неполным, если не упомянуть известное в архангельских говорах существительное женского рода *стяга* 'всякая толстая жердь или кол' и ряд производных слов: *стяжок*, *стяжина*, *стяжный*. Слово *стяжок* имеет во многих говорах те же значения, что и слово *стяг*, иногда с оттенком уменьшительности — 'жердь, небольшая жердь, деревянный брусочек, палка, дубина'.

Словом *стяг*, *стяжина* называют очень ленивого человека: «У меня Иван такой стяг: сидит дома весь день, пиче не делает» (Иркут., Бобряков); «Стяг! Его не своротишь, будет лежать целый день, не пошевелится» (Иркутск. Бобряков); «Этот тоже стяжина, ему хоть камни с горы вались, палец об палец не ударит. Она стяжина, ее не своротишь» (Иркутск, Бобряков).

Каково же происхождение слова *стяг*? Этот вопрос занимал многих ученых (Грота, Ягича, Горяева, Преображенского, Младенова, Фасмера и др.), и отвечали на него по-разному. Сложность заключается в том, что истоки слова скрыты в далеком прошлом.

Ранние письменные свидетельства о нем имеются в памятниках древнерусского и старославянского языков: *стѣг* — 'кол, знамя' (Горяев). В памятниках древнерусского языка это слово употреблялось уже со сложившейся системой значений: 'босвое знамя' — «Выступи полкъ изъ загорья, вси во брочяхъ, яко во всякомѣ леду и подъяша стягъ» (Лаврентьевская летопись); 'полк, строй, войско' — «Видивъ Олгъ, тако поиде стягъ Володимерь и нача заходити въ тылъ его, и убоаса и побѣже Олгъ» (Повесть временных лет). Имелись и производные от этого слова: *стяговникъ* 'знаменщик', *стяговный* 'к знамени, стягу относящийся', *стяжькъ*, *стяжникъ* 'знаменщик' (Срезневский). Поэтому Грот ошибался, утверждая, что слово *стяг* «в славянских наречиях стоит совершенно одиноко, но имея в них корня и не дав от себя производных» (Филологические разыскания Т. I. СПб., 1885, стр. 578).

От этих древних времеч в современном русском лите-

ратурном языке сохранилось значение 'знамя', так же как в украинском *стяг* и белорусском *сцяг*, а в говорах — значение 'кол, палка'.

Для решения вопроса об этимологии слова Горяев рассматривает его на широком индоевропейском фоне: «Стяг (ст. сл. *stǣgъ* = 'кол и знамя'), латыш. *stēga*, ср. с нем. *Stange* и *Staken*, арм. *teg*. 'копье, пика'; исланд. *stíak* 'кол', датск. *stage*; др. вер. нем. *stekko* 'кол, свая'» (Опыт сравнительного этимологического словаря литературного русского языка. Тифлис, 1892).

Младенов, развивая линию сопоставления с индоевропейскими языками, возводит древнеболгарское *стѣгъ*, русское *стягъ*, сербскохорватское *stĕg* к индоевропейскому корню *stē (n) *gh-*, *stongh-*. Ср. древнескандинавское *stang*, древнеанглийское *steng*, древневерхненемецкое *stange*, немецкое *Stange* 'жердь, шест' (Этимологически а правописень речникъ на Българския книжовень езикъ. София, 1941).

Однако сходство русского *стяг* и древнескандинавского *stong* 'палка, жердь', древнешведского *stang* и др. породило гипотезу о заимствовании слова *стяг* из германских языков (Преображенский, Фасмер и др.).

Но этими гипотезами не исчерпываются попытки объяснения этимологии слова *стяг*. Так, Ягич высказывал предположение о том, что это слово может быть исконно славянского происхождения.

А значение *стяг* — 'длинная жердь, которой стягивают на возу сено', в русских говорах позволило высказать предположение о том, что это слово «скорее всего, древнерусское производное посредством темы -ъ от *сѣтлагати* 'стягивать'. Буквально *стяг* — 'то, что стягивает' (ср. диал. *стяг* — 'жердь, которой стягивается на возу сено'; пословицу 'язык — стяг, дружину водит'). Менее убедительным является объяснение этого слова как др.-русск. заимствования из герм. яз.» (Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская, Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971).

Разные гипотезы и их предположительный характер свидетельствуют, очевидно, о том, что в этимологии слова *стяг* не все до конца ясно, не все бесспорно. Однако можно с уверенностью утверждать, что обширные лексикографические работы, которые ведутся сейчас во всех славянских странах, изучение лексики славянских диалектов позволит более определенно решить этот вопрос.

Особенно серьезного внимания заслуживает тот факт, что это слово широко распространено в русских народных говорах и имеет в них довольно сложную семантическую структуру; оно органически входит в систему русской диалектной лексики.

Заканчивая обзор, нельзя обойти молчанием омоним к слову *стяг* — в значениях 'снятая с животного шкура' (Холмог. Арх., Грандильевский) и 'очищенная мясная туша без головы и ног' известный во многих русских говорах — архангельских, вологодских, тверских, ярославских, пермских, оренбургских, пензенских, рязанских, астраханских, уральских, сибирских: «На свадьбу целый стяг мяса куплен» (Яросл., Волоцкий); «К свадьбе бабюшка привез стяг говядины да две туши баранины, стяг свинины — теперь про всех хватит досыта» (Петров. Саратов., Колеганов); «Стяг коровий купили» (Пенз., Зимин). Это слово также древнего происхождения. Оно встречается в памятниках письменности: «А кто мясо привезеть на санѣхъ... и имъ у нихъ имати съ стяга по полудензѣ...» (Тамож. Белозер. грамота).

Фасмер правильно связывал образование этого слова от глагола *tegnōti с приставкой *съ*. Ср. в современном русском литературном языке *стягивать* 'медленно снимать с кого-либо что-либо плотно облегающее' (Словарь современного русского литературного языка).

И. А. ПОПОВ
Рисунок Ю. Космынина

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

● КОНЬ О ЧЕТЫРЕХ НОГАХ ●

Читатель Г. Г. Гармаш из Ростовской области спрашивает: «Почему в пословице „Конь о четырех ногах, да спотыкается“ употребляется предлог *о*?».

Чтобы понять значение и употребление предлога *о* в пословице «Конь о четырех ногах, да спотыкается» необходимо обратиться к истории русского языка. В. И. Даль так писал о предлоге *о*: «Значенье этого предлога весьма разнообразно и напрасно стеснено и ограничено нынешним веком... В церковном, старинном и народном

языке значение предлога *о* было еще шире, местами и доньше слышно это, то по остаткам в народе старины.., то по влиянию церковного языка...» (Толковый словарь живого великорусского языка).

Действительно, в истории русского языка и его говоров (диалектов) предлог *о*, а также его варианты *об* (выступает перед словами, начинающимися с гласных: *об* Испании, *об* армии и т. д.) и *обо* (употребляется преимущественно в сочетаниях *обо мне*, *обо что*, *обо всем* и т. д.) имели гораздо большее распространение, чем в современном русском литературном языке.

Так, сочетание «*о* с предложным падежом» могло употребляться для обозначения количества предметов, сопровождающих другой предмет, или определенного количества частей предмета — *об одномъ оубѣ*: «Посреди городка того церковь велика създана о трехъ олтарехъ» (И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка). Подобные конструкции мы находим и в русской литературе XIX — начала XX века:

Где тебе с султаном тятаться,
Воевать с белградским пашою!
Аль о двух головах ты родился?

Пушкин. Песнь о Георгии Черном

«Было жутко и противно вспоминать о своей узкой и длинной об одном окне комнате» (Куприн. Поединок); «Кисейными облаками летит над морем белая пыль, осыпая старую шхуну о двух мачтах» (М. Горькой. Едут).

Еще шире оборот «*о* с предложным падежом» в упомянутом выше значении распространен в говорах русского языка: «Храм о золотой главе, о трех главах»; «Печи о глухих (герметических) цверках»; «Стоит Потап о четырех лап, из году в год воду пьет» (В. И. Даль. Толковый словарь); «Кривой — об одном глазу...»; «Он не об одной руке».

Изредка подобное словоупотребление встречается в просторечии (квартира о пяти комнатах) и в устоявшихся оборотах языка (поговорках, пословицах, крылатых словах и т. д.: «Конь о четырех ногах, да спотыкается»).

В русском литературном языке данная конструкция заменена сочетаниями предлога *с* с творительным падежом (Ведь ты не с двумя головами; Печи с глухими дверками) и т. д.; предлога *на* с предложным падежом (Стол на четырех ножках); предлога *из* с родительным падежом (Квартира из пяти комнат).

Н. М. Мизайлова

● ЖАЛОСТЬ

Читательница В. С. Веселовская из Саратова спрашивает, может ли слово *жалость* выражать оскорбительное, унижающее человеческое достоинство чувство.

В толковых словарях современного русского языка значение этого слова определяется как 'чувство сострадания, соболезнования'. Безусловно, со стороны того, кто жалеет, — это доброе, благожелательное, гуманное чувство. В диалектах слово *жалость* может употребляться также в значении 'любовь, расположение': «На улице взглянулись, на поселках посиделись, а домой разошлись — стали жалость друг к дружке иметь» (Писемский. Плотничья артель). Сравните употребление в диалектах глагола *жалеть* в значении 'любить, чувствовать приязнь': «Ведь один сын, ведь жалеешь его» (Л. Толстой. Казаки).

Жалуют обычно больных, маленьких, слабых, несчастных. Но не все, которых жалеют, согласны относить себя к подобному разряду людей. Люди сильные, волевые обычно в жалости не пуждаются. Поэтому вполне естественно, что жалость может и унижить и оскорбить человека. Примеры, подтверждающие это, находим в нашей литературе: «Жалость, как и всякое другое человеческое чувство, многогранна. Иногда она равна презрению. Часто унижает того, кому адресована» (Ажаев. Далеко от Москвы); «Елена: Ради красоты, которую ты так любишь, — не жалея меня! Это унижительно» (М. Горький. Чудаки); «Жалость — это очень обманное чувство: пожалует человек и кажется ему, что он уже сделал все, что может, ...да, пожалев, и успокоится, а все вокруг лежит недвижно, как лежало, и на том же боку. Ислабщенское это чувство — жалость, оно достойно мертвых, живым же обидно и вредно» (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина).

Такое понимание слов *жалость*, *жалеть* поддерживается смысловой ассоциацией с однокорневым прилагательным *жалкий*, которое часто употребляется в значении ярко выраженного осуждения — 'презренный, мелкий, пустой': [Чацкий:] Молчалин прежде был так глуп!.. Жалчайшее создание!» (Грибоедов. Горе от ума).

Интересно, что слова *сочувствие*, *сострадание*, близкие по значению слову *жалость*, так не употребляются. Они не имеют и соответствующих прилагательных с оттенком осуждения.

В. Н. Цыганова

БАЗАР И РЫНОК

Читатель «Русской речи» В. П. Кочетков (Москва) спрашивает, когда появились в русском языке слова *базар* и *рынок*.

В древних славянских языках торговля и место, где она происходила, назывались общим словом *тъгъ = русск. *торг*. Оно означало и торговлю, и торговое дело, и торговую площадь, и площадь вообще, и время торга, и товар (это отмечает И. И. Срезневский в «Материалах для Словаря древнерусского языка»). Современные славянские языки сохранили это слово в значениях 'торг, рынок, рыночная площадь'.

Персидское слово *базар* для названия торговли на площади, где продавались всевозможные товары, появляется в древнерусском языке в XV веке. Оно встречается, например, в Геннадиевской библии 1499 года, а в форме *бозарь* — в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (1466—1472).

Слово быстро вошло в употребление, приобрело новые значения. В XIX веке *базар* наряду с другими значениями (торговая площадь в селах и уездных городах; самый *торг*...) получает еще одно — 'продажа с благотворительной целью'. Это были так называемые «благотворительные базары», на которых происходила распродажа пожер-

тованных вещей; такие базары носили обычно увеселительный характер.

Современные толковые словари приводят такие значения слова *базар*: 1) торг съестными припасами и товарами широкого потребления, привозимыми преимущественно в определенные дни, большей частью самими производителями (происходит на площадях или в крытых помещениях). Например: «Еще с рассвета люди из ближних сел несли на базар овощи, хлеб, птицу, фрукты, мед» (Фадеев. Молодая гвардия); «Вятские крестьяне славились своим мастерством по изготовлению деревянных изделий... Все эти изделия свозились на местные городские базары...» (Владыкина-Бачинская. П. И. Чайковский); 2) место торга: «Пошел поп по базару посмотреть кой-какого товару» (Пушкин. Сказка о попе и о работнике его Балде); 3) предпраздничный или сезонный торг специальными товарами: книжный базар, овощной базар, Новогодний базар.

В современной речи слово *базар* употребляется и в переносном значении 'шум, крик, беспорядочный говор': «Тихо! Нельзя ли без базара? Командиры орудий, наведите порядок!» (Бондарев. Горячий снег). Есть в русском языке и устойчивое сочетание *птичий базар* в значении 'место массовых гнездовых птиц на морском берегу': «К ряду замечательных явлений органического мира Арктики относятся известные под метким поморским названием „птичьих базаров“ массовые гнездовые колонии морских птиц...» (С. М. Успенский. Птичьи базары Новой Земли). *Птичьи базары (птичьи горы)* располагаются, как правило, на скалах, круто обрывающихся к морю; они распространены в Европе, Азии, Северной, Южной и Центральной Америке, на Новой Зеландии.

Слово *базар* быстро вошло во многие языки народов Европы и Азии. В европейских городах базарами называли громадные торговые магазины и благотворительные выставки. Славились своей роскошью азиатские базары, знаменитые константинопольские, где были специальные базары — оружия, картин, бумаги, драгоценностей.

Слово *базар*, кроме большинства тюркских языков, известно и другим языкам народов СССР: украинскому, белорусскому, осетинскому, марийскому, мордовскому, молдавскому и проч., а также языкам многих зарубежных стран.

В конце XVII — начале XVIII века в русском языке у слова *базар* появился конкурент — *рынок*, пришедший в наш язык из польского — гупек ‘городская площадь, торговище’, которое восходит к немецкому Ring ‘круг, круглая торговая площадь’. Его же родственник *ринг* ‘площадка для состязаний по боксу’ пришел к нам из другого германского языка — английского.

Слово *рынок* употребляется в таких значениях: 1) место розничной торговли съестными продуктами и товарами под открытым небом или в торговых рядах; базар: «Рынок. Нужен ли он сегодня? Не изжило ли себя это торговое заведение? Нет, не изжило. Сегодня рынки — необходимое дополнение государственной и кооперативной торговли» («Правда», 14 марта 1972); «На рынке организована... государственная торговля промышленными товарами» («Правда», 3 октября 1972); 2) сфера товарного обращения, совокупность актов купли и продажи товаров: «Теория рынка»; «Внешний рынок»; «Внутренний рынок»; «Мировой рынок».

В первом значении *рынок* может выступать как синоним к слову *базар*. Так употребляет эти слова Вл. Гиляровский в книге «Москва и москвичи. Очерки старомосковского быта» (М., 1926): «Этот клуб зародился в трактирчике-низке на Неглинном проезде, рядом с Трубной площадью, где по воскресеньям бывал собачий рынок и птичий базар. Трактир так и звали: „Собачий рынок“»; «По воскресеньям Трубная площадь представляла собой собачий и птичий рынок». В этих примерах сочетание *собачий рынок, птичий рынок и птичий базар* означают ‘торговля собаками и птицами’. Теперь *птичий базар* употребляется преимущественно как устойчивое сочетание, означающее ‘место массовых гнездовых птиц на морском берегу’, а место торговли птицами называют *птичьим рынком*. Правда, определение *птичий* стало в какой-то степени условным. Так, москвичи один из рынков называют *птичьим*, но там можно купить не только птиц, но и рыб, собак, кошек, черепах.

«Словарь синонимов русского языка» в двух томах (гл. редактор А. П. Евгеньева. 1970—1971) дает в качестве синонима к *рынок* слово *базар*, причем *рынок* — опорное, или основное, слово в этом синонимическом ряду. Словарь называет только одно значение — «место розничной торговли продуктами сельского хозяйства и другими

товарами (под открытым небом или крытых торговых рядах): «Поляна напоминала колхозный рынок в канун базарного дня. Тесными рядами стояли розвальни, груженные мясом и мукою» (Павленко. Русская повесть); «А базары! Стамбульцы называют их волшебными. И они, наверно, правы. Египетский рынок, рыбный и, наконец, Капалы Чарши — крытый рынок» («Неделя», 1969, № 15).

В таких выражениях, как «Теория рынка», «Мировой рынок», «Внешний рынок», «Внутренний рынок», слово *рынок* употреблено в значении «сфера товарного обращения, совокупность актов купли и продажи товаров», и оно не синонимично слову *базар*. Кроме того, названный Словарь синонимов не учитывает такое значение *базар* — «предпраздничная или сезонная торговля специальными товарами». В современном употреблении говорят: овощной базар, книжный базар, а не рынок. В переносном значении чаще можно слышать *базар*, а не *рынок*, хотя Д. Н. Ушаков в Толковом словаре и допускает употребление слова *рынок*, как и *базар*, в переносном значении — «шумный спор, галдеж, пререкания»: «Что вы у меня в комнате за рынок устроили?».

В русском языке со словом *рынок* образовалось много устойчивых сочетаний, например: *черный рынок* — в капиталистических странах — нелегальный рынок, на котором совершаются валютные сделки, спекуляции; *серый рынок* — торговля на мировом капиталистическом рынке дефицитными товарами по ценам выше официальных, установленных государственными органами или соглашениями между экспортёрами и потребителями; *серый рынок* — полулегальный рынок в отличие от черного (нелегального) и др.

Ю. С. Сорокин в книге «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века» (М.—Л., 1965) пишет, что в середине XIX века появились устойчивые сочетания терминологического характера: *денежный рынок*, *рынок труда*, *литературный рынок*, *книжный рынок*.

Ю. Ф. ХАУСТОВА

Рисунок Э. Широга

Сорок бочек арестантов

Выражению «Наговорить сорок бочек арестантов» в русском литературном языке не повезло. Ни в один словарь оно не попало. Даже в богатейшей картотеке «Словаря современного русского литературного языка» Института языкознания АН СССР (Ленинград), насчитывающей более 10 миллионов карточек, этому фразеологическому обороту не нашлось места. По-видимому, русские писатели его не употребляли.

Тем не менее большинство русских знает, что это выражение означает то же, что и сочетание «Наговорить с три короба» (очень много нарасказывать). Как правило, это небылицы, рассказы о чем-либо неправдоподобном.

Почему же это сочетание столь разных слов стало означать именно «много небылиц»? Посмотрим, как значение каждого из трех слов складывалось в эту цельную семантическую характеристику.

Хотя смысловую «изюминку» выражению дает необычное употребление слова *арестант*, тем не менее ядром сочетания является слово *бочка*. Числительное *сорок* количественно дополняет, делая более экспрессивным, а существительное *арестантов* — лишь формально конкрети-

зирует и в то же время внутренне затемняет этот фразеологизм.

Бочка, как и многие другие сосуды, издавна использовалась в качестве меры сыпучих тел и жидкостей. *Бочка* и *кадь* (*кадка* 'бочка') были самыми активными мерами уже в Киевской Руси: *кадь* равнялась примерно 14 пудам, а *бочка* — 15 — 16.

Неудивительно, что *бочка* в обиходном языке быстро стала обобщенным символом большого количества чего-нибудь, как, например, в пословице «Ложка дегтю испортит бочку меду».

Если *бочка* расширявается синонимом 'много', 'целая куча', то числительное *сорок* следует считать как 'очень, чрезвычайно'. Но почему именно *сорок* было избрано для усиления количественной экспрессии этого выражения? Почему не *пятьдесят*, не *шестьдесят*, не *миллион*?

Некоторые числа, по мнению наших предков, обладали особыми магическими свойствами. Одним из таких таинственных чисел было и число *сорок*. В воспоминаниях о Н. Г. Гарине-Михайловском М. Горький пишет:

«Я спросил: правда ли, что он однажды засеял сорок десятин мака?»

— Почему же непременно — сорок? — как будто возмутился Николай Георгиевич и, прихмутив красивые брови, озабоченно пересчитал: — Сорок грехов долой, если убьешь паука, сорок сороков церквей в Москве, сорок дней после родов женщину в церковь не пускают, сорокоуст, сороковой медведь — самый опасный. Черт знает откуда эта сорочья болтовня?».

Откуда же действительно это особое отношение русских к числу *сорок*? Видимо, корни его (так же как и корни суеверного страха перед «чертовой дюжиной») в христианских религиозных обрядах и религиозных поверьях: день сорока великомучеников (9 марта); сорок святителей; отдавать сорок земных поклонов; сорокократное повторение молитвы «Господи помилуй»; сорок кусочков хлеба, собранных Христа ради, которые, по поверьям, предохраняли от бешенства при укусе собаки; поминки по умершем на сороковой день и т. д.

Кроме религиозной традиции, на особое отношение к числу *сорок* у русских повлияло, по-видимому, и чисто лингвистическое обстоятельство. Это числительное по своему этимологическому составу резко отличается от однотипных обозначений десятичных чисел в русском языке,

Последние очень просты по образованию, и объяснить их этимологию чрезвычайно легко: двадцать < два + десять, тридцать < три + десять, пятьдесят, шестьдесят и т. д. Происхождение русского числительного *сорок* (в других славянских языках оно образовано «по правилам»; сербскохорв. *четрдесет*, польск. *czterdzieści*, чеш. *čtyřicet* и под.) до сих пор остается загадкой. Некоторые исследователи связывают его с древнерусским *сорожь* 'связка или мешок из 40 собожьих шкур'. Учитывая в конечном счете восточную семантическую специфику данного числительного, можно было бы принять предположение О. Н. Трубачева о том, что это — тюркское заимствование (см.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка).

Как бы то ни было, а особое происхождение числительного *сорок* еще более выделило его из ряда обычных названий десятков. Как часто бывает, религиозно окрашенное слово, прочно войдя в язык, постепенно начинает отрываться от церковной символики и приобретает «мирской» характер. Нет ничего церковного, например, в словах принца Гамлета о силе его чувства к Офелии, которую он любил, «как сорок тысяч братьев любить не могут».

Сочетание *сорок тысяч* давно означало 'несметное множество' и в русских былинах:

Собрал он [Илья Муромец] дружины сорок тысячей,
Сам разбойничек поехал да посланничком
Ай ко солнышку к Владимиру...

Гильфердинг. Онежские былины

В былинах нередко используется число *сорок* в таком обобщенном значении:

Молодой Вольга Всеславьевич..
Набрал сорок стрельцов молодых удальцов...

Гильфердинг (там же)

Довольно часто встречается в русском фольклоре *сорок* в сочетании с одной из самых распространенных мер на Руси — пудом. У Добрыни «дубина сорока пудов», Микула Селянинович

Привез два меха соли пребольших,
В который же мех входит сорок пуд,

а крестный отец Вольги

Кладывае колокол себе на главу..
Медный колокол еще сорок пуд.

Постепенно эти «метрические сочетания» становились привычными, устойчивыми. Их начали охотно употреблять писатели, особенно когда требовалось подчеркнуть народный колорит речи героя. Не случайно гоголевский Городничий, обращаясь к Держиморде и Свистунову, употребляет в сравнении именно сочетание *сорок пуд* в значении 'необычайно большая тяжесть': «Чш! Экие косолопые медведи — стучат сапогами! Так и валится, как будто сорок пуд сбрасывает кто-нибудь с телеги!» (Ревизор).

Наконец, именно в севернорусских былинах находим и сочетание *сорок бочек*, хотя еще и не получившее такого обобщенного значения, как в выражении «Сорок бочек арестантов», но уже ставшее устойчивым, судя по его повторению:

Накатай ты мпѣ сорокъ бочокъ зелена вина
Да сорок да бочокъ да пива пьяного.

Григорьев, Архангельские былины

Закреплению устойчивости сочетания *сорок бочек*, по-видимому, способствовало наличие старого русского метрического термина — *сороковая бочка*. Он означал меру жидкоостей емкостью в 40 ведер. И это сочетание весьма часто встречается в фольклорных источниках:

Подходил он [Муромец] по подвалу кабачному...
Брал он бочку сороковую под пазуху,
Да другую брал под другую.

Как видим, *сороковая бочка* — это действительно богатирская мера. Поэтому А. С. Грибоедов в «Горе от ума» мог употребить это сочетание гиперболически:

Х л е с т о в а. Шампанское [Чацкий] стаканами тянул.

Н а т а л ь я Д м и т р и е в н а. Бутылками-с и пребольшими.

З а г о р е ц к и й. Нет-с, бочками сороковыми.

Итак, понятно, почему в выражение «Наговорить сорок бочек арестантов» попали слова *бочка* и *сорок* и почему они стали обозначать очень много.

Почему же эти слова соединились именно со словом *арестант*?

Займствованное из французского языка посредством немецкого, слово *арестант* уже в именном указе от 17 июня 1718 года значило 'человек, находящийся в заключении, колодник'. Это значение слово сохранило почти без изменений и до наших дней повсюду, несмотря на довольно

прихотливые искажения его формы в диалектном употреблении: рестант, ристант, ариштант, риштант, рестап, орестант, аряштан, лестан и под. Поэтому вполне естественно, что большинство людей, знающих выражение «Сорок бочек арестантов», соотносит его именно с *арестант* 'заключенный'.

Нам кажется, ключ к истории этого выражения — слово *арестант* в значении 'мелкая сушеная рыба', записанное Г. И. Куликовским в олонекских говорах (Г. Куликовский. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898).

К сожалению, это единственная диалектная запись такого употребления слова *арестант*. Этимологически оно, по-видимому, близко к «рыбацким» словам *áрестéга*, *áростега*, *бростега*, *бростига*, *бростяга*, которые широко известны в архангельских говорах в значении 'тонкая веревочка с крючком на конце, прикрепленная к ярусу (длинной веревке) и используемая для ловли рыбы на леску' (Словарь русских народных говоров. Составил Ф. П. Филин. М.—Л., 1965). Эти слова заимствованы из саамских диалектов с фонетическим искажением. Слово *арестант*, видимо, первоначально означало 'рыбешку, пойманную на *áрестéгу*', возможно, совмещая с этимологическим и обычное значение слова *арестант* — 'заключенный'.

Если предлагаемая гипотеза верна, то выражение «Сорок бочек арестантов» пришло в русскую речь из профессиональной рыбацкой лексики. Характерно, что при такой трактовке и *арестант*, и *сорок бочек* оказываются довольно четко ареально приуроченными: сфера их употребления — архангельские и карельские русские говоры.

«Наговорить сорок бочек арестантов», следовательно, первоначально означало 'на рассказывать всяких небылиц о якобы огромном улове'. Такими рассказами, как известно, рыбаки и славятся.

В этом случае необходимо сделать одно уточнение и к значению слова *бочка*. Возможно, что в нашем выражении имеется в виду не настоящая бочка, а *бочка* 'средняя часть рыболовного снаряда конусообразной формы', 'основная часть различных ловушек для рыбы', повсеместно распространенная в севернорусских говорах (Словарь русских народных говоров). Ср. контекст, записанный в д. Большие Толбицы Псковского района: «Закóл и бóчка аднó и то же. В бóчку лóвят мéлкую рýбу».

Впрочем, рыбаки могли хвалиться и уже заготовленной ими рыбой. Тогда *бочка* имеет то же значение, что и в дру-

гом выражении из языка рыбаков и рыбозаготовителей — *как сельдей в бочке*.

Но каким бы ни было значение слова *бочка*, описать его «метрическое» значение, как это было сделано в начале очерка, было необходимо. Дело в том, что «профессиональная», конкретная жизнь выражения «Наговорить сорок бочек арестантов» (рассказать рыбацкие небылицы о богатом улове) была намного короче его «непрофессиональной», переносной, фразеологической жизни. Именно в переносном, а не в прямом значении это выражение стало известно большинству русских людей, несмотря на то, что писатели упорно не хотят закреплять его в литературе.

В чем же причина такого активного употребления этого фразеологического оборота? Почему данное выражение перешагнуло границу отдельного рыбацкого говора и распространилось на необъятной территории употребления русского разговорного языка?

Фразеологизм создается экспрессивностью, которой он заряжен. Экспрессивность часто возникает из противоречия между формой и содержанием всего выражения. Логическая связь между компонентами *сорок бочек*, с одной стороны, и *арестант* в общеизвестном значении — с другой, нарушилась, но формальная, синтаксическая связь сохранилась. Чем абсурднее и нелогичнее казалось говорящим слово *арестант* в таком сочетании, тем большим был экспрессивный заряд последнего, тем ярче запоминался фразеологизм, тем шире он распространялся в разговорном языке. Внутренняя нелепость такой формальной связи удачно подчеркнула оттенок неправдоподобности рассказа о сорока бочках арестантов-рыб, который был заложен в этом выражении с самого начала.

Истинное, первоначальное значение слова *арестант* забылось, уже было не важно: это слово превратилось в некий эмоциональный коэффициент всего выражения. Основную смысловую нагрузку приняло на себя сочетание *сорок бочек*, переносное употребление которого — ‘большое количество’, ‘очень много’ — было закреплено вековой традицией.

Яркость и меткость выражения «Наговорить сорок бочек арестантов», большой экспрессивный накал его, широкое бытование в разговорном русском языке — гарантия того, что со временем оно все-таки попадет и в язык литературный.

В. М. МОКШЕНКО
Рисунок Э. Широга

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Ответьте, пожалуйста, что означают выражения *из кулька в рогожку, пуд соли съесть, лезть на рожон?*

Почему мы употребляем тавтологическое выражение *масло масляное?*

Расскажите, пожалуйста, о происхождении слова *курносый* и о фразеологизме *курносый нос*.

Эти вопросы интересуют тов. Бугрову (г. Ухта, Коми АССР), Н. Н. Ивашина из Стерлитамака (Башкирская АССР) и других наших читателей.

На их вопросы отвечает кандидат филологических наук В. Н. Сергеев.

● ЛЕЗТЬ НА РОЖОН

В старину *рожном* называли острый кол, шест. Это слово сохранилось и сейчас в русских народных говорах. Рожном погоняли быков, волов. С рожном ходили на медведя. С рожном участвовали в крестьянских восстаниях. *Идти на рожон* (лезть на него) значило 'подвергать себя смертельной опасности'. Позднее это выражение стало употребляться значительно шире — со значением 'предпринимать что-либо рискованное, опасное, ведущее к печальным последствиям': «Передо мною окопанные танки, самоходки, и идти на рожон, нести неоправданные потери нет смысла» (Драгунский. Незабываемые победы); «На площадке он только и занимался тем, что демонстрировал свою беззаветную отвагу. Он лез на рожон, пытался прорваться в одиночку к чужим воротам, ввязывался во всякую потасовку» (Майоров. Я смотрю хоккей).

● ИЗ КУЛЬКА В РОГОЖКУ

Не все, может быть, знают, что такое *рогожа*. Это слово встречается в пословицах, поговорках и загадках. Встречается оно в ряде фразеологических сочетаний: *свет в рогожку покажется; перебиваться из кулька в рогожку* и других.

Рогожа делается из лыка, которое дерут с некоторых пород лиственных деревьев, чаще всего с липы. Лыко отмачивается в во-

де, особым образом обрабатывается, разделяется на узкие полоски и получает название *мочало*. Вот из него-то и ткнут «полотнища» — рогожи — разных видов и назначения. Рогожка находит самое разнообразное применение. Ее используют в качестве подстилки и покрывки, она временно может защитить от ветра, дождя и снега. Недаром в народе говорят: «Рогожка рядная — словно матушка родная». Из рогожи шили большие мешки, которые назывались *кулями*. Кули также шились из грубого — обязательно грубого — холста. В кулях хранили зерно, муку, соль, картошку и т. д.

При хранении и перевозке продуктов в кулях под них часто подстиляли рогожу. Если куль случайно прорывался, то его содержимое высыпалось из куля — рогожного мешка, в подстилку — рогожу. Зерно, мука, соль и т. п. из одних, лучших, условий — ведь продукты лежали в мешке и были меньше подвержены загрязнению — попадали в другие — худшие условия — на открытую, грязную подстилку. Именно этот факт — переход содержимого из одного условия в другое — и лег, по-видимому, в основу народного выражения *из куля в рогожу* (*из кулька в рогожку*), которое стало выступать в значении «как было, так и осталось» или «было неважно, стало хуже». Это выражение употребляется в разных речевых ситуациях. Раньше, например, существовало такое народное приветствие: «Каково бог вас перевертывает?», на что отвечали: «Да, перекаладываемся из кулька в рогожку».

Выражение *из кулька в рогожку*, сочетаясь с глаголами, образует фразеологизмы, которые под влиянием глаголов употребляются в разных значениях: «— Живу по-разному. Осенью на купца похож, хлеб продаю, на базар езжу. За зиму проторговываюсь. К весне переваливаюсь из кулька в рогожку» (Неверов. Кой о чем); «— Разве им такая пища нужна? Почему в госпиталь не отсылаешь? — Они поправляются, ваше превосходительство. Как же слать — эки-

паж-то у меня всего пятьдесят три человека...— А больших шесть? Поправляются, говоришь? Из кулька в рогожку! — кричал контр-адмирал.— Отослать всех немедленно!» (Раковский. Адмирал Ушаков). В первом примере сочетание *переваливаюсь из кулька в рогожку* выступает в значении 'жить кое-как, испытывать материальные затруднения, лишения'. Во втором перед нами уже другое значение — 'как было, так и осталось, а если и произошли какие-то изменения, то незначительные'.

● МАСЛО МАСЛЯНОЕ

В современном русском языке встречаются сочетания, которые на первый взгляд неправильны. Такие сочетания как тавтологические иногда объявляются языковыми ошибками. Могут ли быть сочетания типа *масляное масло, всякая всячина, разные разности, горькое горе, дальние дали, новая новь* и др. неправильными?

В приведенных выражениях эпитеты *всякий, разный, горький, дальний, новый* вносят добавочное значение, образуя сочетание с новым значением. Именно повторение одного и того же слова в разных его формах дает желаемый результат. Многие из подобных словосочетаний стали фразеологизмами. Так, например, когда хотят сказать о самых различных предметах, фактах и при этом желают обратить внимание на их разнообразие, то употребляют выражения *всякая всячина, разные разности*: «В квартиру ниже этажом... вселился бойкий иностранец Матте, скупавший картины, мебель и всякую всячину» (А. Н. Толстой, Восемнадцатый год); «Бабка Галя часто приходила к нам поговорить о разных разностях, пожаловаться на старость» (Паустовский, Стекольный мастер).

Если в предыдущих выражениях эпитет вносил дополнительное значение, то в сочетаниях *масляное масло, деревянное дерево, каменный камень, стеклянное стекло* и др. прилагательные *масляный, деревянный, каменный, стеклянный* ничего не дополняют и не уточняют. Эти тавтологические словосочетания в русском языке в своем основном значении не употребляются, а если и встречаются, то признаются ошибочными. Но всегда ли перед нами действительно ошибка? Оказывается, переосмысляясь, эти сочетания могут стать фразеологическими с вполне определенным значением. *Масляное масло (масло масляное)* — «ничего не объясняющее, не дополняющее повторение одного и того же другими словами».

Этот фразеологизм можно встретить в статье В. И. Ленина, написанной в 1914 году о работе П. Струве «Хозяйство и цена» (М., 1913): «Посмотрим теперь, каковы те „строго выработанные точные понятия и ясные различия“, которые обещает дать г. Струве для „постановки новых методических задач“ политической экономии.

„...Мы определяем хозяйство,— читаем на стр. 5-ой,— как субъективное телеологическое единство рациональной экономической деятельности или хозяйствования“. Это звучит „ужасно учено“, но на самом деле представляет из себя пустейшую игру словами. Хозяйство определяется через хозяйствование! Масляное масло...» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 25, стр. 42).

Фразеологизм *масло масляное* помещен в толковые словари современного русского литературного языка. Тавтологические сочетания (повторное обозначение уже названного понятия другим выражением), таким образом, могут встретиться в виде языковой ошибки или употребляться в качестве фразеологизма.

● КУРНОСЫЙ

Прилагательное *курносый* обязано своим рождением фонетическому явлению, которое в языкознании называется гашлологией. Суть его заключается в том, что иногда один из двух одинаково звучащих слогов выпадает. В результате этого явления появились такие слова, как *трагикомедия* (трагикомедия), *минералогия* (минералология), *лермонтовед* (лермонтововед), *табакур* (табакокур), *курносый* (курноносый) и др.

Слово *курносый* — восточнославянского происхождения, восходит к *кърноносый* (корноносый), известному в памятниках XIV века. *Корноносый* было образовано путем сложения основы прилагательного *корный* и существительного *нос*. *Корный* когда-то значил 'короткий'. В этом значении оно и сейчас известно некоторым русским народным говорам. В связи с этим можно назвать просторечное слово *корнать* 'резать слишком коротко'. В результате гашлологии один слог *но* выпал, и *корноносый* изменился в *курносый*.

Преобразование *корносый* в *курносый*, вероятно, связано с диалектными колебаниями в произношении безударного гласного. Дей-

ствительно, в Толковом словаре В. И. Даля зафиксированы два слова — *корносый* и *курносый* 'у кого нос будто окорочен, мал, туц, вздернут'. В дальнейшем за словом *курносый* закрепилось значение 'имеющий короткий, вздернутый нос': «Из-под платка смотрело круглое, миловидное, курносое личико» (Горький. Конавалов). Слово *курносый* стало употребляться и в значении существительного: «— Вы, товарищ Петр, скажите этому курносому, чтоб он зря не любопытствовал» (Горький. Жизнь Клима Самгина).

В народно-поэтическом творчестве *курносой* называют смерть, представляемую в виде скелета с безносом черепом: «— Когда о смерти подумаешь, так и охота ей, подлой, надерзить:— Не сожрать меня тебе, курносая, де уничтожить меня» (Караваева. Разбег).

Интересно отметить, что с забвением этимологии слова *курносый* оно стало употребляться в сочетании *курносый нос* 'короткий и вздернутый нос'. Сравните сочетания: прямой нос; нос с горбинкой; орлиный нос; нос-пуговка; плоский нос и др.

● ПУД СОЛИ СЪЕСТЬ

Названия старинных мер веса и длины, денежных единиц (золотник, пуд, фунт, аршин, пядь, алтын, грош, полушка и др.) продолжают и сейчас употребляться в устойчивых фразеологических сочетаниях, в пословицах и поговорках, в загадках. Понять смысл того или иного выражения, историю его возникновения, разгадать загадку порой бывает очень трудно из-за того, что мы не знаем значения слова. Например, нередко можно встретить выражение *Я с ним пуд соли съел*. Так говорят о человеке, которого хорошо знают, с которым прожили, проработали долгое время. В чем же здесь дело?

Пуд — старинная русская мера веса. Если перевести ее на современную метрическую систему, то это будет 16,4 кг. Сколько

же надо действительно времени, чтобы вдвоем съесть столько соли? По данным ученых-физиологов, одному человеку ежегодно требуется около пяти килограммов соли. Следовательно, чтобы «осилить» вдвоем пуд соли, понадобится около полутора-двух лет. За это время все-таки можно узнать человека, с которым постоянно делишь хлеб-соль.

Но не следует забывать, что выражение *съесть пуд соли* возникло давно, когда соль — этот необходимый пищевой продукт — стоил очень дорого. Есть в те времена пищу с солью постоянно считалось признаком состоятельности, достатка. Соль старались по возможности экономить. Не всякому гостю подавалась еда с солью. Почетные, уважаемые гости *хлебали* (сейчас это слово считается просторечным) — ели что-либо жидкое — с солью. Незнатного, нежеланного гостя, если и угощали, то, естественно, без соли. От такой еды он особого удовольствия не получал, уходил *несолоно хлебавши*. Позднее за этим выражением закрепилось значение «обмануться в своих ожиданиях, ничего не добиться».

В те времена, чтобы с человеком *съесть пуд соли*, требовалось, по-видимому, не полтора-два года, а значительно больше. Именно по тому, как делился человек солью, и составлялось о нем представление.

В. Н. Сергеев
Рисунки В. Толстоногова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор),
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, К. В. ГОРШКОВА,
В. П. ДАНИЛЕНКО, В. Я. ДЕРЯГИН, И. Г. ДОБРОДОМОВ,
В. А. ЕРЕМИН (ответственный секретарь), Л. П. ЖУКОВСКАЯ,
Л. М. ЛЕОНОВ, А. И. ОВЧАРЕНКО, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Л. И. СКВОРЦОВ, Ю. С. СОРОКИН,
Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

Адрес редакции: Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией *И. М. Беспалова*
Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
Корректоры *В. В. Беляев, Н. М. Кузьмина*

Сдано в набор 12/XII 1972 г. Подп. к печ. 27/II-1973 г. Т-01251 Тираж 80 000
Формат бумаги 83×108¹/₃₂. Печ. л. 5. Бум. л. 2,5 Уч.-изд. л. 9,4 Зак. 1496

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10